Д. ХОЛДЕМАН
Д. ПУРНЕЛЬ
П. ЭНТОНИ
ВОЙНЫ
ГРЯДУЩЕГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

The Alien Rulers — Повесть / рассказ, 1968 год.

- Пирс Энтони
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12

Пирс Энтони
Власть пришельцев

Глава 1

Пройдя через люк, капитан Генри очутился в кубрике. Свободная смена отдыхала. Некоторые, собравшись группами, о чем-то негромко разговаривали. От возмущения у Генри перехватило дыхание. Считанные часы отделяют этих людей от победы или смерти. А они смеют бездельничать! Впрочем, подумал он, смягчаясь, не могут же они сражаться, не отдохнув. Причиной его гнева была подавленная жажда развлечений, он не мог позволить себе расслабиться, да ему и не хотелось этого.

При виде его сержант вскочил.

— Вольно! — бросил Генри.

Разговоры моментально стихли. Кости исчезли под койками. Генри смотрел прямо перед собой, делая вид, что ничего не заметил, и напряжение в кубрике спало.

Сержант собрался рапортовать, но Генри не дал ему заговорить.

— Отставить! — и позвал: — Брюс!

С койки с криком «Я, сэр!» вскочил юноша.

— Письмо от Марго, — сказал Генри, сунув руку в карман. — Марка особая, поэтому я принес его сам.

— Спасибо, сэр, — почти мгновенно отреагировал тот. — Я не знал, что пришла почта.

Он подошел, чтобы взять письмо.

Но вместо письма рука Генри вынула из кармана бластер. Брюс замер в испуге.

— Я не понимаю, сэр…

— На это я и рассчитывал, — ответил Генри. — Не шевелитесь, я стреляю без предупреждения.

Люди расступились, не желая очутиться на линии огня.

— Но что я сделал? — жалобно спросил юноша. Не спуская с него глаз, Генри сказал часовому:

— Объясните ему, сержант.

— Марго — жена другого человека, — ответил тот. Брюс казался удивленным.

— Не хотите же вы убить человека за совпадение имен? Чья…

— Моя жена, — сказал сержант, — единственная Марго, пишущая сюда.

— Но девушек много, а мою…

— …зовут Люси, — перебил его сержант. — И она не писала три месяца. Согласись, это выглядит подозрительно. Счастье изменило тебе.

Брюс подпрыгнул — Генри нажал на спуск. Луч бластера

настиг человека в воздухе, и на пол рухнул дымящийся труп.

Люди раскрыли глаза и навострили уши. Что и говорить, это помещение не подходило для стрельбы из бластера. Теперь они столпились вокруг тела.

Сержант вынул нож.

— Свидетели? — он оглядел всех. Два игрока подняли руки.

— Кэп его предупреждал, — подтвердил один из них. — «Не шевелись, стреляю без предупреждения», — вот что он сказал.

— А Брюс пошевелился, — сказал другой.

— И он откликнулся на вызов. Законное подозрение? — спросил сержант.

Остальные нетерпеливо кивнули. Сержант взглянул на Генри.

— Действуйте, — разрешил тот.

Нож вошел в обожженную плоть руки Брюса и покопался там, отыскивая неповрежденную артерию. И нашел. Брызнула ярко-голубая кровь.

Люди перешептывались. Сержант повернулся к Генри.

— Как вы догадались, сэр? Он одурачил всех нас.

Генри не стал объяснять, как.

— Надеюсь, он был один. Но надо быть настороже. Если любой из вас заподозрит в ком-нибудь агента Кэзо, пусть ведет его ко мне. Если тот не подчинится, применяйте бластер. Лучше всего в присутствии свидетелей, — он улыбнулся, ловко избегая расспросов. — Если вас самих заподозрят в шпионаже, подчиняйтесь без разговоров. Лучше маленькая душевная рана, чем смерть.

— Разрешите обратиться, сэр? — это был сержант.

— Да?

— А если шпион просто отыграется на человеке, сожжет того, кто подозревает его, а потом скажет, что ошибся?

— Хорошая мысль, — согласился Генри. — Значит, я буду проверять обоих — и подозреваемого, и доносчика. Так что этот номер не пройдет.

Сержант кивнул. Жестокий способ, но ситуация требовала жестокости, они знали это. И убивать людей, у которых кровь была не такая, как у них, — значило выполнять то, что требовалось.

Генри протянул свою руку.

— Режьте, сержант.

— Что вы, сэр!

— Офицеры не исключение. Режьте! Сержант отложил уже использованное лезвие.

— Эрвин, чистый нож!

Тот, кого назвали Эрвином, быстро принес новое лезвие.

Сержант осторожно надрезал кожу на руке капитана. Кровь была красной.

— Вы чисты, капитан, — вытянулся сержант. Генри взглянул на тело Брюса.

— Отнесите его на вскрытие.

Он повернулся и вышел, не обращая внимания на текущую из руки кровь. И лишь оставшись один, он позволил себе легкую гримасу.

Он **не знал**, кто такой Брюс. Он лишь слышал жуткие истории о превращениях **кэзо**, и офицеров учили проверке. Порез был жестоким, но быстрым и несложным методом. Промедление было смерти подобно: один шпион мог вывести из строя целый звездолет. И вполне возможно, что некоторые из судов их мощного земного флота, ожидающего битвы, находятся под контролем врага.

Он предполагал худшее и основывал свои предположения на том, что кое-кто из членов команды в последний месяц уволился с корабля. Если агенты проникли сюда, то лишь на смену им, под видом новичков. Таких было семеро.

И как же он раньше не проверил их? То, что его люди сочли за мужественный и храбрый поступок, было лишь отчаянной выходкой. Он мог обнаружить шпиона, а мог убить невинного человека…

Впрочем, в последнее время он был слишком занят делами. Сбор такого количества кораблей — дело невиданное. Кроме того, все члены экипажа прошли проверку в базовом госпитале. Необходимость повторной не возникала… до самого последнего момента. Шпион и надеялся на то, что вторая проверка в подобной ситуации проводиться не будет. А потом — выигрыш!

Но капитан Генри считал своим долгом знать каждого подчиненного. Он знал все проблемы, малейшие затруднения, имена сестер и подружек, кто чем болел в детстве, капризы, привычки, любимые словечки. Джон Дайке оказался в списке подозреваемых третьим, потом Арнольд Кэббер и двое других. Он счел свое подозрение насчет них беспочвенным и радовался, что никому не сказал о нем. Но так как он всегда доводил дело, сколь бы оно ни казалось ничтожным, до конца, то решил продолжать.

И вот он поймал одного агента и сделал это на глазах у команды. Скоро об этом узнают все, и если на корабле есть шпионы еще, они будут начеку.

Оставалось двое подозреваемых: Битул и Смит.

Генри дошел до антигравитационного туннеля, пронизывающего весь корабль, и перешел в свободный полет, обдумывая стоявшую перед ним задачу. Сейчас его объявили

героем, а между тем он сделал две глупости: преждевременно обнаружил свои подозрения и убил шпиона. Надо было действовать иначе — захватить врага в плен и допросить его. Луч бластера одинаково действует на людей и на кэзо… Как просто все выглядит, когда дело уже сделано!

У него был такой недостаток, даже два — беспечность и легкомыслие, неподобающие офицеру его ранга. Если сюда проник только один агент — не велика беда. Все равно его шансы взять кэзо живым были равны нулю. Эти твари дрались как бешеные, когда их прижимали к стенке. В любом случае он избавится от сомнений, если арестует оставшихся двоих и проверит их. Кэзо были голубыми — и снаружи, и внутри. Если кожу они могли перекрасить, то кровь нет, и достаточно было сделать порез…

Но теперь они предупреждены. Малейший намек — и их бомбы, или нервный газ, или волновики будут моментально пущены в ход. Он может поставить под угрозу и себя, и команду.

Однако проверка необходима. Приближалась чудовищная битва. Возможно, в этом Армагеддоне погибнут обе цивилизации. Он должен быть уверен в своих людях.

У него еще есть время. Очевидно, враги сами не хотели выводить судно из строя преждевременно, ведь Брюс… Кстати, нужно еще предупредить верховное командование — и доложить о происшедшем… Так вот, Брюс явно выжидал и не торопился действовать. Да, они будут ждать назначенного часа: пока флот не встретится с кораблями Кэзо. Так же поступил бы и любой земной агент. Они не станут действовать преждевременно даже под угрозой смерти. Один корабль не в счет, главное — флот!

Он вошел в командную рубку и объявил по корабельному радио:

— Говорит капитан Генри. Только что на борту «Лианы» выслежен и обезоружен агент Кэзо…

Оговорка? Он убил шпиона, не разоружая его. Почему он не может сказать правду?

— Внутренняя угроза на борту уничтожена. Однако мы находимся во вражеском пространстве, и любая встреча может быть нежелательной. Сохраняйте бдительность… Лейтенанта Битула просят в командную рубку!

Через несколько минут появился Битул. Капитан разглядывал его, подпирая свою квадратную челюсть левой рукой. Правая сжимала в кармане рукоятку бластера. Бластером безопасно пользоваться внутри корабля, он не причиняет обшивке большого вреда. Хотя Битул вроде бы не похож на кэзо…

— Лейтенант, вы будете нести службу здесь, в рубке. Но

сначала принесите мне досье Смита.

Кивнув, Битул исчез. Строго говоря, о досье должен был позаботиться тот, кто в нем нуждался. Но на боевом корабле такие вещи были обычными, грани обязанностей стирались…

Странное имя — Битул. Впрочем, настоящий шпион постарался бы выбрать себе имя привычней: Брюс, например. Или… Смит.

Свободной рукой Генри почесал затылок. Как бы это обыграть? Ему не хотелось снова убивать, однако час битвы близок, и предатели ему на борту не нужны. А что если действовать напрямую?

Неся маленькую папку, вернулся лейтенант. Битул был коротышкой, с залысинами на лбу. Кэзо, как правило, были такого же роста и сложения. Но у Битула — все пять пальцев, а у кэзо их только три, да и те легкие, как щупальца. Пустяковая, казалось, задача — определить, не искусственные ли два пальца на руке человека — затруднялась тем, что люди обычно не используют пальцев раздельно, кроме большого и указательного, разве только печатая на машинке двумя пальцами… Так что и тут ничего определенного сказать было нельзя.

Генри не сразу взял досье.

— Люблю досконально знать своих людей, — заявил он, усаживаясь за маленький столик и указывая Битулу место напротив. — Но вы поступили к нам недавно, а, я был так занят… Боюсь, что я не уделил вам достаточно внимания.

Улыбка Битула была немного натянутой.

— Понимаю, сэр. Дежурство по периметру — не конфетка.

— Конфетка?

Лейтенант поднял брови.

— Тяжелая работа. Весь флот в движении. И я тоже.

— Да, конечно, — согласился Генри.

«Не конфетка». Он помнил этот оборот, но считал, что тот вышел из моды сто лет назад. Агент Кэзо мог разыскать его в словарях. С другой стороны, сленг — вещь живучая, он снова мог войти в моду так же легко, как и вышел. Так что это еще ничего не доказывало.

— Что-нибудь со Смитом, сэр?

— Может быть, — Генри открыл папку. — Три недели назад он отправлен в одну из колоний.

— Я помню. Как раз тогда я был приписан к «Лиане» и летел с ним сюда на одном корабле. Неплохой парень.

«Парень». Вот это, несомненно, устарело. Современные звездолетчики говорят «старик» или «приятель», в зависимости от обстоятельств. Но только не «парень»… Однако если бы шпион

хотя бы три недели пожил среди людей, он подхватил бы и эти словечки. Кэзо очень способны и впитывают чужой язык буквально за несколько дней со всеми его тонкостями. Так что; скорее всего, выражение «парень» было особенностью речи Битула. Иногда члены команды черпали старый сленг из корабельной библиотеки, используя его для разнообразия.

— Все они хороши, когда их по-настоящему узнаешь. Поэтому так жаль, когда они умирают.

— Сэр? — удивление Битула было неподдельным.

— Разве вы еще не слыхали? Брюс.

— Я не занимаюсь сплетнями, сэр. К тому же я новичок. Произошел несчастный случай?

— Происки врагов.

Битул недоумевающе покачал головой.

— Я видел его недавно в столовой, капитан. Но за то время, что прошло после этого, у нас не было никаких стычек. Вы обезоружили агента? Это…

— Да. А в столовой вы видели не Брюса. Он умер за три дня до того, как вы с ним встретились, в увольнении.

— Кэзо! Вы поймали его?

— Убил.

Битул вздрогнул.

— Слава Богу!

Его реакция показалась капитану искренней. Потому ли, что люди боятся лишь живых врагов, или потому, что мертвый не выдаст?

— Это убийство, — сказал Генри. — Ведь они такие же живые и мыслящие существа, как и мы. У них, как и у нас, есть дома, семьи… Поэтому я не благодарю Бога, а лишь прошу у него прощения за свою глупость.

— Но ведь это агент Кэзо!

— Все мы рабы бытия.

Битул побледнел.

— Конечно, сэр. Но война есть война.

— К черту войну! — взорвался Генри. — Она развращает нас. Сегодня я убил существо, пытавшееся спасти свою родину. А ведь я мог быть его другом. По крайней мере, уважать за храбрость… Война убивает в нас человека.

В наступившей тишине тикание корабельного радио казалось особенно громким.

— Но откуда вы узнали?

Генри не сразу понял вопрос Битула.

— Путем исключения, — ответил он наконец, полистав досье. — Враг не может проникнуть на судно в открытом

пространстве, корпус электрифицирован. Следовательно, ему необходимо подменить кого-нибудь из команды, а возможности тут ограничены. Я просто проверил всех, кто отсутствовал последний месяц.

— А почему не раньше, сэр? Я думаю…

— Бесспорно. Рентген, анализ крови — и агент был бы уже давно раскрыт. Не так трудно определить кэзо — любой термометр покажет разницу температур на три градуса. Обычное рукопожатие и то годится.

— Но я слышал, что они могут на время понижать температуру. Они контролируют ее путем излучения… Впрочем, вы правы: агент должен был быть свеженьким. Но как вы его нашли?

— Чисто интуитивно. Мне трудно это объяснить… Я сам не понимаю.

— Однако! — воскликнул Битул. — Ну и видик бы был у нас, если бы мы вступили в бой, имея на борту диверсанта.

«Видик». Опять анахронизм.

— Конечно. Но не следует думать, что опасность ликвидирована.

Битул улыбнулся.

— Позвольте мне предвосхитить ваши рассуждения, сэр. Умный противник захочет иметь в тылу врага не одного, а, по крайней мере, двух агентов. И если одного раскроют, то второй…

— Вот именно — кивнул Генри. — Я думаю, что первый был только прикрытием, зато другой…

— Но вы только что сказали, что кэзо легко обнаружить.

— Да. Но при этом они дерутся, как бешеные. Брюс прыгнул на меня, и если бы я не держал его на мушке…

— Это усложняет дело. Однако нам нельзя терпеть на корабле диверсанта. Почему бы вам не провести поголовную проверку прямо сейчас?

Генри нашёл нужное место в папке, заложил его пальцем и поднял глаза на Битула.

— Разоблачить — значит, убить. Мы это уяснили. А с меня хватит и одного убийства. Я, конечно, мог бы сообщить командующему флотом, но боюсь, что это приведет к резне.

— И все же вы не можете молчать, — настаивал Битул. — Многие звездолеты могут быть выведены из строя, захвачены врагом. Если дело дойдет до схватки…

— Я знаю. Но все же предпочитаю договориться с кэзо, а не драться с ними. Таков приказ. Поэтому мы в походе. Мы должны быть готовы к бою. Но если нам удастся достигнуть соглашения, а впоследствии мира…

О каком мире может идти речь? Люди для кэзо — это враги, подлежащие уничтожению любыми средствами.

Ерунда! Если мы заблуждаемся относительно их подлинных намерений, значит, и они заблуждаются относительно наших. Изоляция рождает подозрение. Мы должны установить контакт между Землей и Кэзо, хотя бы для того, чтобы искоренить это невежество. Битул откинулся на спинку кресла.

— Вы правы. Я, безусловно, ошибался. Но все же необходимо предупредить командующего.

— Нет. Шпионы могут перехватить такое донесение.

— Но представьте себе, что здесь на самом деле есть второй шпион. Может быть, он уже совершил диверсию?

— Поэтому я и не могу позволить себе убить его. По крайней мере, до тех пор, пока не узнаю, что он сделал. А спросить об этом я могу только живого агента.

— О, я уверен, что главный шпион, для которого Брюс служил прикрытием, не станет драться, как камикадзе. Вы же сами исходите из того, что кэзо — разумные существа, а не исчадие ада. Главный шпион должен быть более умным и обладать своим взглядом на происходящие события. Я думаю, что его взгляды мало чем отличаются от ваших. Ну какое же разумное существо не предпочтет почетный мир разрушительной войне?

— Тот, кто не доверяет противнику.

— Разве обязательно, чтобы два вида живых существ были врагами? Враги ли любые два вида в Галактике, строящие звездолеты и обладающие необходимой для этого техникой? Думаю, им хватило бы места в Пространстве.

— Знать друг друга — это первейшее условие мира, — сказал Генри.

Битул вздрогнул.

— И другого пути нет?

Генри раскрыл досье на заложенном месте.

— Уоллес Смит. Две недели назад обращался к врачу с гнилостными грибками на левой руке… Он подцепил их во время увольнения. Ничего страшного, — Генри захлопнул папку. — Вам известно, что это за болезнь?

— Конечно. Причем, по собственному опыту. Единственный способ избавиться от нее — это срезать зараженную кожу. Довольно неприятная операция.

Генри кивнул.

— Значит, Смит вне подозрений. Иначе это выяснилось бы при лечении.

— Слава Богу. Тогда скажите, сколько еще осталось подозреваемых?

— Только один.

— Осмелюсь заявить, вы мне нравитесь, сэр.

— Я же говорил, что хочу знать своих людей. Можете говорить спокойно.

— Вы честный человек и лишь необходимость заставляет вас хитрить. Если бы все люди походили на вас, то не было бы войн. Никаких.

Генри покачал головой.

— Войны порождаются обстоятельствами, а не людьми. Когда приходит приказ, я обязан его выполнить, что бы я о нем ни думал.

— Обстоятельства… Если бы не эта война, я бы сочетался браком.

«**Сочетался браком**». Не «женился». Теперь Генри был уверен, что он не ошибся. Перед ним был кэзо.

— И я бы женился, — Генри положил обе руки на столик. Руки Битула лежали там же, почти касаясь рук Генри. — Но те же обстоятельства помешали этому. Я слишком долго был в космосе.

Прервав свое стаккато, приемник внезапно ожил:

— Капитан Генри, сигнал двадцать три, — щелчки возобновились.

Не спуская глаз с Битула, Генри взял радиомикрофон.

— Внимание! Замечен флот противника. Объявляю боевую готовность. Мы будем сопровождать флагманский корабль на переговоры. Не исключено, что я буду приглашен на заключение перемирия. Не открывать огня без моего приказа. Или приказа лейтенанта Битула.

— Да, женщины говорят, что с глаз долой — из сердца вон. Но только потому, что сами развратны по сути. Во всем мире люди редко бывают счастливы.

Битул кивнул.

— Раз в четыре года цветут цветы, рожденные морем, и атмосфера наполняется их ароматом. Мы решили пожениться в разгар Цветения, но приказ пришел раньше. Война выше любви.

— Думаю, я старше вас, — сказал Генри. — У меня было время жениться, но жена не могла летать со мной. Однажды я отсутствовал целый год, а когда вернулся, все было кончено. Мой сын жил у ее матери. Думал, что мне удастся жениться снова и заняться его воспитанием, но началась война.

— Она все еще ждет меня. Мы вступаем в брак на всю жизнь.

— Пожалуй, мы сможем извлечь для себя некоторую пользу из нашего положения. Я не женат, а у вас, по крайней мере, есть надежный человек.

— Возможно, — Битул сделал рукой движение, словно ему

мешали два пальца. — Капитан, дело обстоит так, что один из нас может не вернуться на свою планету. А может быть — оба. Должен ли межпланетный антагонизм, если война все-таки начнется, отразиться на судьбах отдельных личностей?

— Я не хотел бы этого.

— Если победит Земля… Ее имя Домина, район Смеющейся Устрицы, Западный континент. Скажите ей, что Битул умер с честью.

Генри кивнул. Выполнение столь рискованной миссии не противоречило его жизненным убеждениям.

— А моего сына зовут Дик. Ричард Генри. Ему восемь… нет, уже девять лет. Америка, Нью-Йорк. Я боюсь, что он вырастет дикарем. Его бабушка строга, но все же ему нужен мужчина, пусть даже неблизкий.

— Мы с вами достигли соглашения. Почему бы этого не сделать и нашим командирам? В знак того, что я доверяю нашему договору, его духу и букве, я скажу вам: на «Лиане» нет бомб.

— Я рад этому.

— Война не нужна никому.

— Но мы, земляне, всегда воевали до тех пор, пока это было возможным. Даже наши судьбы были, в сущности, поединками.

— И у нас так же. Но если один корабль без особого труда может уничтожить целую планету, должен же быть предел у безумия.

— Такого рода препятствия никогда не сдерживали человека. Если огневая мощь корабля достаточна, чтобы стереть все живое в пространстве врага лишь одиннадцать раз, а не двенадцать, мы считали себя проигравшими. Что тут может значить разум?

— Благоразумие приравнивается к измене… Даже военные должны понять глупость такого положения. **А мы — военные!**

— Ив этом кроется слабая надежда…

— Почему вы отдали приказ команде подчиняться мне? — неожиданно спросил Битул. — Вы ведь знаете, что может стать моей мишенью. Вы действуете неразумно, капитан.

Генри вздохнул.

— Мы ведь договорились: доверие должно быть во всем. На судне должен быть капитан, а меня временно могут отозвать на флагманский корабль, если переговоры осложнятся и потребуется мнение командиров.

— Мы оба знаем, что доверие может быть глупым.

— Глупее, чем недоверие? Битул развел руками.

— Вы кое-чему научили меня, капитан. Надеюсь, что оправдаю ваше доверие.

Глава 2

По пути из школы домой Дик Генри и Джонатан Теллер играли в салочки. Джон был на год старше Дика и, по крайней мере, на два года ловчее. Его отец, как и отец Дика, был звездолетчиком. Это являлось причиной гордости и одиночества одновременно, потому что они и раньше видели своих отцов лишь несколько недель в году, а сейчас, во время войны с кэзо, и того меньше. Остальные ребята их недолюбливали, как будто именно эти двое были виноваты в войне. Вслух этого никто не говорил — Дик и Джон слыли отменными драчунами, — но неприязнь чувствовалась во всем.

Между отцами и сыновьями существовала не только родственная связь. Отец Дика был кадровым офицером, капитаном корабля, отец Джона был всего лишь призван на военную службу. Когда кто-нибудь из них ненадолго возвращался домой, он забирал ребят к себе, играл с ними в их игры, что не дозволялось женщинам, и они оба звали его папой. Взгляды отцов были более либеральными, чем у домашних. Они никогда не говорили о противниках как о злодеях.

«Они делают то же, что и мы», — говорил Стэн Теллер.

«Они защищают себя», — соглашался с ним капитан Генри.

Такие мысли передавались и их сыновьям, что казалось кощунством, близким к измене, филистерским семьям устрашенной Земли.

Иногда оба отца приезжали одновременно. Они служили на разных звездолетах. Капитан Генри носил форму, которую не разрешалось снимать, и гражданский плащ, чтобы отцу Джона не надо было называть его «сэр», и они вели себя, как старые знакомые.

Они брали ребят на ежегодную ярмарку Победы, где как бы менялись с ними ролями. Генри становился силачом, который заставлял своим молотком звонить колокольчик на силомере. Теллер же добывал для всех бесплатные билеты на варьете, ответив без посторонней помощи на три сложнейших вопроса технической викторины. А когда их не хотели пускать в варьете из-за возраста ребят, Генри, отогнув лацкан пиджака, на котором красовался блестящий космический орел, заставлял контролера прикусить язык. Само шоу Дика особенно не занимало — он слышал, что раньше в них участвовала его собственная мать, — но ему чрезвычайно нравилось быть принцем в компании королей. Время увольнения для звездолетчиков слишком ценно, чтобы тратить его на какие-то формальности или

препирательства по поводу возраста…

Впрочем, Дик был довольно высок и силен для своего возраста, ненамного слабее Джона. А тот был не из слабых.

Вот и сейчас он догнал Джона, и тот полетел от толчка на спину, так что взвились его огненные волосы. Ребята с разбега шлепнулись на землю, разбрасывая брошенные тут бидоны и автомобильный хлам.

— Какая преступная небрежность, — пробормотал Джон, ударом ноги посылая бидон в кучу. — Нам нужен металл для звездолетов, но никому нет дела до металлолома, и он запросто ржавеет и пропадает.

— Металлолом не входит в категорию «десять», — напомнил Дик.

— Какая разница? Политики видят не дальше кротов. Дела идут все хуже, и если нас не одолеют кэзо, то это сделает мусор. Боже, мир нуждается в чистке! Даже запах…

— Ты мне напомнил! — воскликнул Дик, вскакивая на ноги. — Идем! Сегодня возвращается бабушка.

Джон стукнул его по плечу.

— Не связывай мусор с возвращением бабушки! Бабушка Дика — мать его матери — была женщиной старорежимной. Она не брезговала и рукоприкладством как наказанием за провинность, чего Дик не стерпел бы ни от кого другого, за исключением Джона.

Зато она умела печь хлеб. Наказание плоти и замешивание теста получалось у нее одинаково хорошо. Других таких родителей Дик не знал — по крайней мере таких, которые могли печь, как бабушка..

Внезапно внимание Джона привлек свет в небе, и он воскликнул:

— Корабли прилетели!

Хорошая новость. Дик пристально вгляделся в горизонт.

У него был наметанный взгляд на звездолеты. — Целый флот! Но они не по расписанию… Джон остановился. Оба помнили расписание наизусть.

Это какая-то ошибка…

— Я никогда не видел столько кораблей! Гей! Может быть, кончилась война?

Но у Дика глаза были зорче.

— Это не наши звездолеты!

— Боже… — только и смог вымолвить Джон. Это был конец света. Кэзо победили.

Все уважение к честному врагу моментально испарилось. Дик, никогда не сомневавшийся, что победит Земля, мог называть

честным только поверженного противника.

— Нам надо бежать отсюда, — решил Джон.

— Но как же моя бабушка и твоя мать? — возразил Дик.

— Ты прав, — Джон остановился. Мы все равно не сможем их задержать… Да и куда мы убежим? Весь мир у них.

— Подземелье! — воскликнул Дик. — Мы спрячемся и будем убивать из-под земли, уничтожать их корабли и…

— …и они уничтожат Землю, — закончил Джон. — Флот был нашей единственной защитой. Теперь мы бессильны.

— А может быть, у нас есть секретные силы, — настаивал Дик, — они ждут, пока кэзо спустятся и успокоятся, а потом возьмут их в плен как заложников, чтобы корабли не могли стрелять. Потом захватят их корабли, найдут их планету и…

— Забудь об этом, — сказал Джон.

По щекам Дика текли слезы. Молча они смотрели, как спускаются корабли, совсем не похожие на земные. Ни одна ракета не вылетела им навстречу..

Джон понял его.

— Сбей мы хоть один звездолет, кэзо уничтожат город. Так же, как сделали бы мы, если бы…

Чудовищность происшедшего поразила обоих. Безмолвно следили они за кораблями, слышали, как первый из них сел на бетонную площадку, подготовленную для встречи героев космоса. И это были не шлюпки, а целые лайнеры — очевидно, пришельцы намеревались остаться.

— Папа… — сказал Дик, не в силах остановить слезы. Их отцы скорее бы умерли, чем пропустили кэзо.

По улице проехал автомобиль с динамиком.

«ОСТАВАЙТЕСЬ В СВОИХ ДОМАХ… НЕ СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ… КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС…»

Дик поплелся к концу аллеи. Ему пришлось положить руку на счетчик платной стоянки, чтобы успокоиться.

«ВКЛЮЧИТЕ РАДИО И ТЕЛЕПРИЕМНИКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ…»

— Эй, приятель! — выключив внезапно звук, крикнул ему водитель. — Иди домой. Комендантский час. Тебя пристрелит любой, если ты не исчезнешь с улицы за пятнадцать минут. Таков закон.

Дик повернул к нему мокрое от слез лицо.

— Но с собой на тот свет я прихвачу хотя бы одного кэзо. Хоть кирпичом…

Машина остановилась.

— Кэзо не станут ходить по улицам, приятель. Городом занимается наша полиция. И соотношение сто тысяч за одного. Подумай, сколько наших умрут за… — он снова включил громкоговоритель и махнул рукой, — за каждого убитого кэзо. Ты можешь ответить за сто тысяч своих земляков, которые умрут по твоей вине?

И, не дожидаясь ответа, он поехал дальше.

«ЕСЛИ ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ, НИКТО НЕ ПОНЕСЕТ УЩЕРБА! ОСТАВАЙТЕСЬ В СВОИХ ДОМАХ! КЭЗО АМНИСТИРУЕТ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ СОПРОТИВЛЕНИЯ. КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС…»

— Пошли! — крикнул Джон. — Мы не можем сражаться. Надо идти домой.

Дик уцепился за счетчик.

— Нет!

Джон понимающе посмотрел на него.

— Они же победили. И мы не можем бороться. Этим мы причиним вред лишь своему народу.

— Они не могли победить нас! Они смошенничали!

— Конечно, — согласился Джон. — Они сделали какую-то подлость, когда наши не ожидали.

— Ага! — но это было небольшое утешение.

— И мы должны поступить с ними точно так же, — продолжал Джон. — Но надо выбрать время. Когда они будут меньше всего ожидать.

Дик немного обиделся. Точно так же думал и он секунду назад. Джон просто хочет вытащить его отсюда, чтобы он остыл.

На улице появились двое полицейских.

— Они идут, — прошептал Джон. — Бежим!

И он побежал, уверенный, что Дик последует за ним. Но Дик остался. Ухватившись за счетчик, он ждал выстрела. Ему хотелось умереть…

Но они не выстрелили. Полицейские понимали его состояние, хотя и обязаны были выполнить приказ. Последнее, что он помнил, это длинный стержень счетчика, от которого его отрывали люди в голубом.

Глава 3

«Ненужные погибают», — думала она, считая себя ненужной. Она ждала своей очереди, не обращая ни на кого внимания. Ее жизнь была связана лишь с женихом, теперь его нет и нет нужды продолжать надоевшее существование.

По Эдикту Победителей, население планеты должно было сократиться вдвое к следующему Цветению. Контроль над рождаемостью и поощрение самоубийств было эффективной мерой поддержания равновесия. И тем не менее приходилось прибегать к массовым убийствам. Еще никогда в истории Кэзо они не достигали такого размаха. Жители всей планеты были разделены в нисходящем порядке по нужности. Как сказали бы земляне — от высококвалифицированных специалистов до «излишков». Последние покидали этот мир по шесть миллионов в сутки.

Настала и ее очередь. Чиновники-сородичи, предатели во имя полезности, спешили вовсю, руководствуясь лишь параграфами инструкций. Лучше бы ей погибнуть от руки Победителя, глядя в его бледные глаза, чем видеть такое падение своих соотечественников.

Два биллиона смертей в год, а трупы шли на удобрение.

— Ваше удостоверение? — потребовал чиновник. Ни чувства вины, никаких других эмоций…

— Мне лучше уйти, — холодно сказала она, подавая карточку. Победители верили только номерам и удостоверениям — вероятно, это делало геноцид более нелицеприятным.

— Нет. Вы исключены.

Она стояла, не в силах справиться с забившимся сердцем, как в детстве при погружении в воду.

— Обратитесь по этому адресу, — сказал чиновник, протягивая ей другую карточку.

— Но я не хочу! — выкрикнула она. — Если меня исключили, значит, кто-то другой должен умереть вместо меня.

— Верно. Но приказ есть приказ. Победитель переместил вас из «излишков». И если вы не подчинитесь, то придется применить силу.

Всегда нужно время, чтобы какое-то действие перевести из категории отрицательной в положительную. Тут же было наоборот — внезапная и резкая отсрочка. Отсрочка, по требованию Победителя.

По данному ей адресу размещалась личная резиденция

одного из высших чиновников Победителей. Это означало, что она встретится лицом к лицу с чужеземцем. Она знала, что является привлекательной особью своего вида, а у. Победителей нет здесь своих женщин. Что ему нужно от нее?

Конечно, она может умереть прямо сейчас и не встречаться с чужеземцем… Но нет, ведь еще ничего не ясно. Кроме того, пришельцы не притесняли население, страхи которого с их приходом не оправдались.

Она подняла решетку главного входа и излучила свой опознавательный запах. Странно, конечно, что пришельцы использовали естественные средства общения, но это, по крайней мере, облегчало дело.

Тут же появился старший Победитель. Он был гораздо больше нормального мужчины кэзо, весь бледный и волосатый. Его хрящеватый нос выпячивался спереди, уши — потокам, а мускулы явственно сокращались при ходьбе.

С трудом преодолевая отвращение, она протянула ему свою карточку. Он взял ее.

— Домина, сделайте из этого убежища то, что вам понравится, — произнес он фразу, отдаленно напоминающую традиционное приветствие.

У него был сильный акцент, но все же он говорил лучше, чем те, кто выступал по радио. Язык кэзо давался пришельцам с трудом, а своему они не обучали. Она удивилась его приветствию, но не успокоилась. И она ответила что-то вроде «Я сделаю, как вы хотите».

Он протянул ей костлявую руку с пятью пальцами, она заставила себя принять ее и направилась с ним в здание. Рука была холодной, на несколько градусов холоднее ее. Она чувствовала кислый запах его тела. Эти создания выводили некоторые продукты распада через кожу, поэтому их всегда окружала нездоровая атмосфера.

На полке в комнате стоял кувшин прекрасного меда, запах которого смягчал зловоние человека. Победитель взял его и налил в бокал. Домина вздрогнула.

Он подал ей бокал, как-то неловко изогнувшись, и налил себе другой. Чувствуя себя предательницей, она все же выпила мед и в очередной раз, удивилась, почему завоеватели сохраняют старые традиции.

Внезапно он сказал:

— Домина, мне нужна ваша помощь.

Ее свободная рука скользнула к поясу, где на поверхность тела выходил нерв, но не тронула его. Природа предусмотрела этот нерв для облегчения родов, помогая извержению брюшной

полости. В другое время резкое нажатие на нерв могло привести к фатальному исходу, так как в это время место младенца занимал пищеварительный аппарат.

— Я могу отменить свой запрос, — сказал Победитель, делая жест, который она определила как примиряющий. — Я не хочу причинять вам вреда или пугать вас. Вам не следует бояться меня.

— Тогда отпустите меня.

Она сама удивилась своей смелости. Ведь ее собеседнику ничего не стоило уничтожить всех ее родственников, вплоть до четвертого колена, за малейшее подозрение в неуважении к себе.

— К сожалению, не могу. Вы относитесь к «излишкам», что означает…

— Мне не нужна жизнь.

Он раздраженно махнул рукой.

— Не думаю, что вы в самом деле хотите умереть. — Отпустите меня!

— Это означает убить вас. Я не могу допустить этого.

Она не стала объяснять. Шесть миллионов кэзо в день. Она испытывала ужас при мысли о своей семье, где большинство относилось к спасительной категории «полезных». Но одно слово этого человека могло все изменить, а он требовал от нее невозможного.

— Отпустите меня, — сказала она еще раз.

— Нет! — крикнул он.

И тут она нащупала нерв. Однако с невероятной скоростью взметнулась рука Победителя и схватила ее руку за запястье.

— Я говорю с вами искренне! — крикнул он. — Почему вы не хотите сотрудничать?

Впервые ей пришлось столкнуться с проявлением эмоций у Победителя. Но она не в силах была говорить. Оправдывались ее худшие подозрения, и нужда в маскараде отпала. Ее запах страха заполнил дом. Если она уснет сейчас и не проснется, то он посчитает это следствием испуга и не причинит вред ее семье…

— Вы не понимаете меня! — сказал он по-прежнему слишком громко. — Кэзо не прибегают к самоубийствам из-за пустяков.

— Домина, выслушайте меня, а потом делайте, что хотите. И снова ее рука потянулась к нерву.

— Битул! — крикнул он.

Ничто другое не смогло бы остановить ее.

— Я знаю Битула, — торопливо продолжал он, не давая времени ей опомниться. — То есть я его знал. Он служил в разведке и был заслан на мой звездолет. Мы говорили с ним…

Она окаменела.

— И заключили соглашение. Если победят кэзо, он позаботится о моем сыне.

— Расскажите мне о Битуле, — попросила она, решив подождать со смертью.

— Я не видел его в естественном виде. Он маскировался под человека — и очень искусно! Он поступил офицером ко мне на корабль за три недели до нашей встречи. Кроме него, был еще один диверсант, которого я изловил, и это насторожило меня. Вы ведь знаете, ваши агенты ведут себя, очень агрессивно, когда их разоблачают. При этом они стараются уничтожить если не судно, то по крайней мере себя, так что переговоры с ними невозможны.

— Битул не был предателем! — крикнула она. — Как вы могли говорить с ним?

— Предателем он, конечно, не был. Мы просто поняли друг друга и обсудили возникшие проблемы, войну… Битул был нестандартным агентом, умным и понимающим.

— Да…

— Прекрасный человек, если можно так выразиться. Он мне понравился. Именно поэтому я и вычеркнул ваше имя из списка смертников. Думаю, он сделал бы то же самое для моего сына…

Не было нужды продолжать дальше и рассказывать о судьбе Битула. Земной флот победил, а кэзо уничтожены. Битул, даже если он был в плену, мог совершить последнюю отчаянную попытку, и если этот человек убил его, это было лишь частью войны. Она не могла назвать его убийцей.

Теперь она не имела права умирать: ведь ради ее жизни Битул рисковал успехом дела. Он хотел, чтобы она приняла покровительство этого пришельца — и Генри честно выполнял свое обещание. Пока.

— Но если у вас есть сын, вы должны быть женаты, — сказала она.

— Да, конечно.

— Значит, вам не нужна другая.

— Конечно, нет!

— Но вы сказали…

— Что мне нужна ваша помощь. Это… — он увидел ее лицо. — Подождите, Домина! Это означает лишь то, что я хочу видеть вас своей домоуправительницей.

— Домоуправительницей! — с облегчением повторила она. Это ничем не угрожало ни ей, ни ее семье.

— Это не слишком почетно, но никак иначе я не смогу оправдать ваше исключение из списка. Вы не работаете, явно не связаны с военной машиной кэзо и, следовательно, признаны лишней. Но я придумал вам работу, отложил из-за этого набор

слуг…

— Теперь понимаю, — сказала она. — Я буду управлять домом.

— Я старался высказаться яснее, но, вероятно, сказал что-то не совсем приличное по вашим понятиям.

— Я просто не поняла.

— Так оно и есть. Поэтому мне нужен, просто необходим помощник из кэзо. Иначе я легко могу попасть впросак, как попал сейчас. Мне нужно знать, в чем я ошибаюсь.

— Свободная особь женского пола моего возраста может быть нужна мужчине лишь в определенном смысле, — сказала она, пытаясь не поголубеть.

— Так я и понял по вашей реакции. Хорошо еще, что я успел устранить двусмысленность… Мне просто жизненно необходимо усвоить правила местного этикета, чтобы не совершать подобных ошибок. Сколько кэзо могли уже погибнуть зря из-за нашего невежества!

— Да. Если вы так говорите…

— Вы должны помочь мне понять ваш народ для его же блага.

— Зачем? Законы пишут Победители. Наше мнение ничего не стоит.

— Это не так. Мы намечаем лишь общую линию, но слишком зависим от помощи местных жителей в ее осуществлении. Если мы позволим себе быть невежественными, то среди местных чиновников воцарится коррупция. Ответственную работу должны получить лишь достойные, которые не станут извращать нашу программу. А этого не произойдет, если мы не сможем понять местные обычаи.

Действительно, ведь делались же поблажки семьям кэзо-коллаборационистов. Значит, не все зло от воли Победителей? Но говорит ли он искренне?

— Да, вы совершили сегодня много ошибок, — сказала она. — Ваша церемония встречи — пародия. Ваш мед должен находиться вверху, на сквозняке, чтобы его запах разносился по всему дому. И ни в коем случае вам не следовало разливать его — это неуважение к гостю.

— Вот как?

— И нельзя говорить слишком громко. Повышенный тон означает враждебность. Тон может сделать ваш комплимент саркастическим.

— О, — сказал он гораздо тише. — Вы знаете все, что нужно.

— Кроме того, вы не должны называть женщину полным именем. Вне моего семейного круга меня зовут Домин.

— Я вижу, наши попытки перенять ваши обычаи чаще всего

превращаются в оскорбления.

— Мы считали это преднамеренным. Непрерывное осмеяние наших обычаев, презрение, фразы вроде «вытащить пробку» и даже ваш запах…

— Запах?

— Вы никогда не задумывались над тем, что запах тел отвратителен?

— Нет. Но мы займемся этим.

— Вы — Победители. И мы все ненавидим вас. Лишь ваш уход может изменить это. Даже честно осуществляемая, ваша политика — геноцид. Зачем вам наши обычаи?

— Есть золотое правило: мы стараемся обращаться с вами так, как хотели бы, чтобы вы обращались с нами, если бы ситуация оказалась иной.

Типичный пример логики Победителей. Ее народ систематически истребляется, а он хочет усвоить его привычки, как будто хорошие манеры могут оправдать убийство. Вдобавок она должна служить ему.

— Возможно, со временем вы поймете наши намерения. Мы не варвары, и хотим помочь вам в том, в чем вы сами себе помочь не можете. Само предназначение «излишков» соответствует целям природы — выживают лучшие.

— И вы тоже хотели бы, чтобы мы уничтожали вас миллионами, — если бы правили вами? — недоверчиво спросила она. — И ваши вдовы служили бы нашим мужчинам?

— Я не надеюсь, что вы все сразу поймете, — ответил он. — Но в общем… да, Я не могу рассказать вам всего, что случилось в космосе. Но я не убивал Битула. Вы сможете увидеть его снова.

С этого дня у нее появилась постоянная возможность отравить его. Он разрешил ей ходить по магазинам одной и ел то, что она готовила.

Он во всем старался следовать местным обычаям: ходил развлекаться вместе с ней, смешивался с толпой, расспрашивал обо всем и всегда выслушивал ответы.

Он изо всех сил старался устранить свой запах, но это удавалось ему лишь на час-два.

Он беседовал с кэзскими интеллектуалами и умел признавать свои ошибки. Она начала уважать Генри,

Вскоре появились небольшие изменения и в политике Победителей — явное следствие их непрерывного впитывания знании. Кое-кто из местных администраторов перешел в «излишки», а некоторые кэзо, бывшие там, перешли в категорию нужных. Коррупция стала делом небезопасным.

Однако все кэзо по-прежнему жаждали возмездия, хотя и

понимали тщетность этого желания. Победители были слишком сильны, безжалостны и быстро устраняли заговоры.

Создавались легенды, порожденные мифологией. Частью мифа было пророчество о ребенке-Победителе, который постарается облегчить бремя побежденных/Этот ребенок будет обращаться с кээо, как с равными, не выделяя себя. И в день расплаты из всех чужеземцев в живых останется только он один.

Уже находились такие, кто считал, что мир стал лучше с, тех пор, как была ликвидирована перенаселенность и введён контроль за ресурсами. Легенда о дне расплаты грозила и в самом деле остаться легендой.

Но она не могла не исполнять свой долг.

Девочка лет десяти перебегала от дома к дому, а за ней ехала полицейская машина, безжалостно догоняя ее. Ревела сирена. Голова беглянки была вымазана сажей и напоминала волосатые Головы Победителей. Она тяжело дышала.

Девочка была красива. Но, очевидно, ее только что приписали к «излишкам».

Домина поставили корзину с бельем на землю и издала призывный запах. Девочка вскарабкалась по решетке и затаилась в ветроходе.

— Но мне нельзя прятаться здесь! — заплакала она, поняв, что это дом Победителя.

— Больше тебе прятаться негде, — ответила Домина. — Это твой последний шанс. Если удастся получить разрешение…

Они вошли в кабинет Генри. Тот сидел, просматривая бумаги, что занимало большую часть его рабочего времени. Девочка вскрикнула, увидев его.

— Что случилось, Домин?

Голос Генри был ровен и спокоен. Он надел очки.

— Полиция гонится за этим бедным ребенком. Я не хочу, чтобы она умерла.

Генри нахмурился.

— Я не могу нарушать закон. Но, может быть, это ошибка, — он повернулся к девочке. — Кто ты?

— Говори ему правду, — быстро проговорила Домина. — Он может читать твой запах, как кэзо.

Запах уклончивости исчез.

— Я Сирена. Мою семью только что приписали к «излишкам». И я убежала.

Генри нажал несколько кнопок. На экране компьютера появились буквы.

— Твои родители сочли, что они несовместимы. Они вели себя антиобщественно. Это правда?

— Да.

— На Земле это назвали бы разводом и не было бы причины переводить их в «излишки». Иначе я сам был бы отнесен к ним.

У Домины мелькнул проблеск надежды.

— Но здесь, на Кэзо, по закону твоего народа такое поведение считается незаконным. Да будет так!

— Но она же не виновата! — вырвалось у Домины.

— Не всегда есть возможность отделить невинного от грешника. Вы сами были невиноваты, Домин.

Она промолчала. Девочка без, семьи немедленно относилась к «излишкам».

— Сирена, — обратился Генри к девочке, — ты в самом деле хочешь, чтобы твои родители выжили?

Девочка дрожала. Вместо нее ответила Домина.

— Победитель, я могу понять все, что вы делаете, кроме этих непрекращающихся убийств. Спасите ее семью!

Полицейская машина остановилась возле дома. Генри нажал кнопку, и на экране появился кэзский чиновник.

— Она здесь, — сказал ему Генри.

— Вы хотя бы разберитесь! — Домина не хотела отступать. — Не может быть, чтобы она не имела права на жизнь. Посмотрите на неё внимательней!

Кэзо на экране выжидал:

— Вы вмешиваетесь, Победитель?

— Нет.

— Но они уничтожат ее! — не унималась Домина. — А она всего лишь жертва обстоятельств.

Генри вздрогнул.

— Домин, население должно быть сокращено вдвое, — он глубоко вздохнул — И мы еще не достигли цели. Процесс должен быть объективным. Если его не завершить вовремя, ресурсы планеты будут истощены, и ваш народ ожидают голод, эпидемии, анархия. Мы вынуждены убивать сегодня, чтобы вы могли жить завтра, свободные от дурной наследственности… И мы не можем позволить неоправданных исключений, ибо это начало коррупции.

И это было правдой. Расчеты были верны. Кэзо знали их еще до Прихода Победителей. Полное истощение природных ресурсов из-за перенаселенности казалось неизбежным, уровень жизни непрерывно понижался.

Генри не смягчился. Он **не мог.** Ради спасения вида убивать ребенка — стоит ли спасение такой цены? И чьей жизнью нужно заменить жизнь девочки?..

Генри рванулся к ней, но опоздал. Домина нажала на нерв

почти бессознательно, исторгнув из своего тела фонтан голубой крови.

Победитель закричал:

— Зачем?! Домина, Домин, понимаешь ли ты…

— Я знаю: то, что вы делаете, правильно, — прошептала она. И попыталась сдержаться, но не смогла: — я люблю…

Когда жизнь покидала ее, она верила, что видит перед собой Битула.

Глава 4

Если Битул хотел благодарности, он выбрал не самый подходящий случай, чтобы получить ее.

Властитель стоял, опершись рукой на массивный стол, в хорошо скроенном деловом костюме. Его нос и щеки были так похожи на человеческие, что земляне не считали их искусственными. Глаза и рот, по-видимому, остались в естественном виде. Это был утонченный до кончиков ногтей инопланетный администратор.

— Не будем играть словами, — сказал Дик Генри. — Я ваш враг.

Фраза прозвучала напыщенно и глупо. Кэзо — Властитель Северной Америки — улыбнулся, вложив в эту улыбку и свое настроение, и свой интеллект.

— Мне нужна ваша помощь. Вы честный и храбрый человек, поэтому опрошу вас принять решение немедленно.

— Честный! — взгляд Генри метался по кабинету, не в силах встретиться со взглядом Властителя. — Я пришел, чтобы убить вас, а вы предлагаете мне свободу в обмен на три дня сотрудничества. И это в то время, когда революция, вот-вот сокрушит вас!

Битул повелительно щелкнул всеми тремя пальцами.

— Скажите-ка, землянин, кого вы называете революционером?

Революционер — это человек, стремящийся уничтожить существующий общественный порядок и установить другой.

Битул снова щелкнул пальцами.

— Почему люди становятся революционерами?

— Все люди в чем-то революционеры. Снова щелчок.

— Уничтожит ли революция угнетение человека человеком?

— Революции никогда не уничтожали угнетения, а перекладывали его с одних плеч на другие.

Битул снова улыбнулся.

— Видите вот ту книгу, Ричард? На столе справа от Генри лежала тонкая книжечка.

— Посмотрите, что это за книга. Дик прочитал:

«Справочник революционера. Джон Теннер. М. М. Р. К.»

— Возьмите ее себе, Ричард. Она ваша и должна вам понравиться, — Выражение лица Битула в данный момент

показалось бы загадочным даже его сородичам.

Пока Генри пытался разгадать его намерения, Битул зажег сигарету.

— Не вижу оснований мне доверять, — сказал Генри, — если даже я соглашусь. Лучше умереть, чем пойти против своих убеждений.

— От вас не требуется выдача сообщников и вам не надо предавать свои идеалы.

— Тогда скажите прямо: чего вы от меня хотите?

— Возможно, вам потребуется ваше оружие, — Битул проигнорировал вопрос Генри.

Он взмахнул рукой — и к Генри полетел его собственный крошечный пистолет. Он автоматически поймал его.

— Вы, конечно, разрядили оружие, — пробормотал Дик и, прицелившись в лампу, нажал на курок.

Стекло разлетелось вдребезги, а комната наполнилась дымом.

Битул все так же стоял на месте и со спокойным любопытством наблюдал за Генри.

— Я могу убить вас, — заявил он. — У вас нет защитного поля и вы не успеете обезоружить меня.

— Решайтесь.

Генри крепче сжал рукоятку пистолета и навел его на Властителя.

— Хотите умереть?

— Вы очень похожи на своего отца, — неожиданно сказал Битул и улыбнулся?

Далекие и приятные воспоминания промелькнули в голове Генри…

Земля лежала под голубой пятой пришельцев, которым подчинилась до обидного легко. Генри не раз удивлялся, куда подевались герои «последней капли крови», грозившие сделать планету слишком дорогим приобретением для врага.

Когда-то предрекались кошмары, которые принесут на планету двухметровые волосатые десятиножки-телепаты и им подобные. Поражение от них еще можно было как-то оправдать. Но покориться, почти не сопротивляясь, среднего роста голубым гуманоидам, так похожим на человека, что, загримированные, они ничем от него не отличались?..

Кэзо победили, не прилагая особых усилий, и правили искусно, даже в какой-то мере — милостиво.

В библиотеках были книги о планете Кэзо. Генри изучил их, но и там не обнаружил причины превосходства кэзо над землянами. Они воевали и боролись за свою цивилизацию столь

похожим образом, что даже планеты казались идентичными. Хорошо прочитывались замаскированные аллегории ученых, опубликованные, чтобы скрыть иноземную сущность и намерения пришельцев.

Кэзо были неплохими администраторами. Если они воевали так яростно, как хотели уверить в этом людей, и всегда были отчаянными бойцами, как сумели они так внезапно превратиться в прирожденных администраторов и мудрых правителей? И почему их так мало? По логике вещей, избыток кэзо с их перенаселенной планеты должен был ринуться на готовую к оккупации Землю. Но здесь находились только избранные. И только мужчины.

— Вы очень похожи на своего отца…

Скорее всего, Главный Кэзо Области блефовал перед угрозой смерти.

— Вы хотите заставить меня или присоединиться к вам, или убить вас, — сказал Генри. — Вы хотите, чтобы я поверил вам.

— Берегитесь людей, чей Бог в небесах, — холодно произнес Властитель.

Цитата, и притом неверная.

— Так вот: я не верю вам. И Генри спустил курок.

Пуля вонзилась в стенку над головой кэзо. Генри выстрелил еще раз — снова промах. Битул даже не пошевелился.

Генри уставился на свою руку — она не подчинялась ему. Он хотел убить Властителя, но его тело подчинялось каким-то другим, подсознательным приказам — и он не мог нанести смертельный удар.

— Я верю вам, — сказал он наконец.

— Идемте, Ричард, — просто сказал Битул. — Ваш Бог отвернулся от вас. Вы будете первым человеком, который кое-что увидит…

Генри пошел за ним, сунув книгу и пистолет в карман.

Они вошли в личный лифт Властителя — одна из немногих его привилегий — и спустились на нижний этаж.

Город жил своей обычной жизнью. Мчались по улицам электрокары, по тротуарам спешили прохожие. Движение регулировали древние светофоры — это было неэффективно, но Генри нравилось. Город, как и весь мир, являл собой следствие резкого уменьшения населения, так что особой толкучки не было. Некоторые улицы оставались нетронутыми, на них сохранился отпечаток довоенного времени.

Генри два года проработал в Исследовательском отделе и потратил все это время на изучение нижнего уровня города: транспортный поток, скопление учреждений, промышленные

предприятия и занятость населения. Тут ему была знакома каждая мелочь, но очень мало он знал о верхнем уровне. Для него оставалось загадкой, почему в некоторых местах нижний уровень сохранился в первозданном виде. Вероятно, это было частью какого-то плана кэзо.

Битул был меньше и легче большинства людей на улице, но вел себя совершенно непринужденно. На них никто не обращал внимания. Но и в этой ситуации могли хотя бы быть взгляды исподтишка… Генри внезапно подумал о том, что никогда не видел у них телохранителей.

На первом же перекрестке они встретили женщину, нагруженную покупками, которая безуспешно пыталась справиться с расшалившимся ребенком, и Генри невольно подумал, как бы она выкручивалась, если бы не было ограничения, предписывающего иметь только одного ребенка в семье.

Битул остановился и пробормотал:

— Позвольте…

Он взял в одну руку сумку, в другую — ребенка.

Женщина вспыхнула и начала благодарить. Генри с отвращением отвернулся. И это земная женщина!

Битул перевел ее через улицу, отдал сумку и ребенка и на прощание поклонился. Генри чувствовал, что женщина провожает их взглядом. Лично ему и в голову не пришло помочь ей, и действия Битула удивили его.

Хотя женщине это, по-видимому, понравилась. А ведь по идее она должна была отпрянуть от прикосновения голубой руки, отбирающей у нее поклажу, инстинктивно схватить ребенка и отвести его от пришельца, как от ядовитой кобры. Ребенок же должен был заплакать.

И в то же время ее благодарность не была рабской угодливостью. Кэзо никогда не проявляли сексуального интереса к земным женщинам, и многие подозревали, что они бесполые существа, несмотря на очевидные факты, приведенные в книгах и свидетельствующие об обратном. По крайней мере, на Земле кэзо представляли существа одного пола.

Были тут и другие несообразности. Например, почему Земля так быстро покорилась пришельцам и воцарился мир? Правда, в самом начале проявлялось слабое сопротивление, но и оно быстро погасло. Надвигающейся революции предстояло быть первой за двенадцать лет. Даже если предположить, что каждое возмущение землян жестоко подавлялось — чего на самом деле ни разу не происходило, — то и тогда трудно было объяснить подобную пассивность. Генри и сам постоянно клялся в вечной

ненависти к врагам, но никогда особо не проявлял ее вплоть до недавнего времени, когда он присоединился к группе М. М. Р. К.

У Властителей, конечно, было оружие — но ненамного совершеннее, чем земное. Власть? Но их всего два миллиона — против двух миллиардов людей. И это уже после того, как человечество было наполовину истреблено.

И даже превосходное управление не могло быть причиной отсутствия сопротивления иноземному владычеству. Например, когда люди завоевывали людей, самолюбие не позволяло подчиняться им. Средний человек хотел не справедливости — он жаждал обладать всем, и был счастлив драться за то, что по праву ему не принадлежало. Богачи же стремились обогатиться еще больше — независимо от своего богатства — и были абсолютно равнодушны к голодающим. Богатая нация выжимала все соки из бедной…

Кэзо были **честны** — вот почему они так долго удерживали власть. Люди же по своей природе жестоки и эгоистичны.

Жестоки… Они были такими пятнадцать лет назад.

Свернув с тротуара, Битул вошел в высотный дом. На скоростном лифте они вознеслись на двадцатый этаж небоскреба. Надо сказать, что здесь была возможность выбора между лифтами и старомодными подъемниками. Последние представляли собой вертикально движущиеся кабины на десять человек, которые вращались, подобно «чертову колесу», по замкнутому кругу. Кэзо боролись за эффективность во всем. На двадцатом этаже лифт задержался ровно на две секунды. Защитные барьеры распахнулись, и Генри с Битулом выпрыгнули наружу, тогда как ожидающие лифт вошли в него с другой стороны. Это было сделано для того, чтобы входившие и выходившие не сталкивались друг с другом.

Теперь они перешли на медленный подъемник, движущийся со скоростью одного фута в секунду. Дождавшись свободной кабины, достигли двадцать третьего этажа, вышли и встали на эскалатор, движущийся по коридору.

Вскоре Битул нашел нужную комнату, и они сошли с эскалатора.

На секунду Генри подумал, не вступить ли ему снова в переговоры с Властителем. Но нет, насколько ему известно, еще ни один кэзо не нарушал своего слова. Властители просто говорили, что необходимо сделать, и делали это, невзирая на мнение людей. Еще одна причина сложности борьбы с кэзо — весомость их слова. Даже проводя в жизнь программу геноцида, они оправдывали это улучшением жизни остающихся в живых, так что программа становилась всего лишь необходимым злом.

Апартаменты, куда они вошли, больше походили на квартиру, чем на деловую контору.

У дальней стены гостиной стоял кэзо — меньше Битула ростом и светлее. Он казался несколько неуверенным, что было довольно необычно для Властителей.

В поведении Битула произошли едва уловимые и непонятные Генри изменения. Может быть, неизвестный кэзо был более высокого ранга? Почему вдруг такое почтительное молчание? Нет, немного нашлось бы кэзо рангом выше Битула — карьера того была блестящей. Битул обладал многими талантами…

— Сирен! — голос Битула прервал наконец поток мыслей Генри.

Неизвестный кэзо обернулся и пошел к ним навстречу, делая это легко и грациозно.

Битул взял руку незнакомца и заставил его пожать руку Генри, который подчинился этому без особого энтузиазма.

Рука кэзо была теплой, пожатие твердым, но вежливым.

— Ричард, это Сирена, прибывшая сегодня с Кэзо, — Битул почти по-человечески улыбнулся, и незнакомка повторила его улыбку, правда, несколько сдержанней. — Она, если можно так выразиться, — женщина нашего рода. Одна из первых на Земле. Ты будешь сопровождать ее три дня. Потом приведешь ко мне обратно.

Женщина-кэзо — через пятнадцать лет! Неудивительно, что Битул так волновался. Значит, их вид все-таки двуполый, И теперь, устранив излишки населения, они решили колонизировать Землю.

— Не успел еще Генри выпустить руку женщины, как Битул резко повернулся и вышел.

— Подождите! — крикнул Генри, но это был уже глас вопиющего в пустыне.

Сирена осторожно высвободила свою руку и взглянула на Дика.

— Вы покажете мне планету? — она говорила без акцента, но несколько неуверенно. Вероятно, выучила язык лишь несколько часов назад с помощью кэзского лингвистического аппарата.

Генри собрался ответить что-нибудь ехидное, но язык не повиновался ему.

И вообще зачем его вооружили и оставили с ней? Ведь Битул даже не заручился его формальным согласием. Захватить террориста и поручить ему сопровождать первую инопланетную женщину на Земле…

— Что сказал вам об этом Битул? — спросил он. Она снова приблизилась к нему. Ее грациозная походка больше походила на

скольжение. Нет, ее никак нельзя спутать с земной девушкой!

— Он сказал мне, что есть надежный человек, который покажет мне планету.

«Надежный человек!» — невольно воскликнул он про себя.

— …А я должна следовать за ним и подчиняться его распоряжениям, даже если, они будут мне непонятны. Я испугалась. Но потом увидела вас. Теперь я понимаю Битула.

— Но мы же никогда раньше не встречались! Она покачала головой.

— Физически. — нет, Ричард. Над этим стоило подумать.

— Он объяснил вам политическую ситуацию на планете?

— Нет, Ричард.

Через полчаса в городе воцарится хаос. Ударные отряды подполья выйдут на улицы и займут ключевые позиции. Если Битул и не подозревал об этом раньше, то теперь, когда к нему подослан террорист, все должно быть ясно. Но он почему-то игнорировал опасность и вручил врагу величайшую ценность. Женщина-кэзо как заложница…

Однако ведь он, Ричард Генри, фактически согласился служить Властителю в течение трех дней. Ему не дали никаких особых инструкций, значит, он должен полагаться только на себя… И свою собственную совесть. Это значит, что он должен защищать Сирену от убийц и отпустить ее через три дня в безопасном месте, если нельзя будет передать в руки Битула. Сделать меньшее — значило бы поступить нечестно.

Битул может погибнуть к тому времени, но обязательство останется. Из всех людей Области Генри больше всех подходил для подобного задания. Он знает каждый закоулок на этом уровне города. Ему известны все планы революционеров и их вождей…

Действия Битула становились более понятными. Властитель знал, что всякие переговоры бесполезны. Он знал также, что Генри честный человек, для которого цель не оправдывает средства. Поэтому он не способен на убийство, если ему оказывают Доверие. Он может пристрелить рычащего бешеного врага, но не спокойного и рассудительного. Битул хотел на время опасности передать женщину в надежные руки и при этом руководствовался логикой и знанием человека, а не эмоциями.

Это открытие столь глубокого понимания кэзо человеческой натуры ужаснуло Генри. Никому не было известно о его миссии. Битул сам догадался, какими качествами обладает его убийца, и вложил их в компьютер. Он знал, кто должен прийти, и знал, как говорить с пришедшим. Знал еще до того, как Генри получил приказ… Вероятно, и другие кэзо не глупее этого. Недаром его приход в Управление не удивил никого, хотя до этого Генри не

имел никаких контактов с Властителем.

Пошлите вора ловить вора, а убийцу — спасти жизнь…

— Что-нибудь случилось? — спросила Сирена. Да, случилось. Его предали. Его передвигают, как пешку.

Битул не потребовал от него отступничества от революции или каких-то сведений, но все равно Генри чувствовал себя обманутым.

— Да, Сирена, кое-что случилось. Вы должны доверять мне и немедленно выполнять мои приказы, иначе мы погибнем не позже чем через три часа. Понимаете?

— Нет, — сказала она с типичной иноземной бесстрастностью. — Но я буду подчиняться.

Ее готовность к послушанию удивила его, ведь кэзо пришли на Землю, чтобы командовать, а не подчиняться.

— Будут… беспорядки. Вы должны за несколько минут научиться ходить так, как ходят земные женщины. Позже я объясню вам, зачем это нужно.

— **Земные?** Яне могу!

Вот тебе и полное подчинение! В поисках одежды он распахнул дверь в ванную.

— Сейчас не время проявлять гордость, — сказал он, не оборачиваясь, — или скромность. Раздевайтесь и надевайте то, что я вам дам.

— Гордость… — пробормотала она, но принялась расстегивать халат, служивший, по всей видимости, униформой для кэзских путешественников.

Генри нашел платье и бросил ей.

— Наденьте это. Если повезет, мы найдем вам еще закрытую блузу и чулки. Вы знаете, что это такое?

— Нет, Ричард.

Он шарил по ящикам, моля Бога, чтобы Битул предвидел и эту потребность. Ив самом деле здесь нашлось немало предметов женского туалета. Он выбрал необходимое и повернулся к Сирене.

В нелепр висящем на ней платье она совсем не походила на земную женщину. Генри застонал от отчаяния и посмотрел да часы. До начала событий оставалось пятнадцать минут.

— Придется мне самому одеть вас, — он чертыхнулся про себя. — Закройте глаза и представьте, что я доктор. Тем более что речь действительно идет о жизни или смерти… Поднимите руки!

— Я не понимаю., Ричард, — она подняла руки, — Что значит «представлять»?

Не обращая внимания на ее слова, он принялся за дело.

— Боже мой, вы даже не млекопитающие! Но чего он еще

ожидал?

— Извините, — сказала она.

— Ничего, как-нибудь переживу… У нее не было даже ребер!

Примерно за десять минут они управились с одеждой, заменив недостающее в фигуре его искусственным подобием.

Генри нашел даже парик и надел ей на голову. Одно ухо отпало. Он протянул его Сирене, чувствуя, как в нем нарастает раздражение.

— Вы можете приклеить это снова? Уверены ли вы, что нос держится крепко? Может быть, парик прикроет ухо… Держите!

Он передал ей белый крем для лица.

— Убедитесь, что вся кожа покрыта либо одеждой, либо кремом. Не уроните парик. Найдите подходящую пару обуви и поучитесь ходить, как земная женщина.

На ногах у нее, как у птицы было три пальца, но она могла носить обувь — ведь носил же ее Битул.

— Вы примите вид моей жены. Возьмите меня под руку.

— Принять вид? Я не понимаю.

Проклятая прямолинейность кэзо! Пять минут он потратил на то, чтобы, объяснить существу, рожденному в ином мире, человеческую этику. Оказалось, что понятие обмана у кэзо не существует. Как же в таком случае они умудрились уничтожить земной флот? Они должны были сделать это только обманом — и вот оказалось, что у них даже нет такого понятия!

Он попытался подойти с другой стороны.

— На какое-то время вы станете моей женой. Назовите это для удобства браком.

Она начала, было что-то говорить, но он оборвал ее:

— Вы — мой товарищ, земная женщина. На Земле принято ходить парами.

— Удивительно, что у вашего народа нет понятия об эмансипации женщин. Вы в самом деле думаете, что…

— Сейчас опасное время! — рявкнул он. Она отшатнулась, как от удара.

— И я должна приспосабливаться к вашим условиям?

— Конечно!

Сумеет ли он вывернуться и вернуть Битулу или другим кэзо эту женщину? Женщины с трудом подчиняются приказам мужчин…

— И условия требуют, чтобы вы положили руку на мой локоть — вот так. Нет, сначала наденьте перчатки. Засуньте что-нибудь в два лишних пальца. Бумагу, например. Хорошо. Не делайте ничего без моего приказа. Не сразу соглашайтесь со мной, а постепенно. Не думайте о себе как о кэзо, потому что мне

это неприятно.

— Но, Ричард, я ведь и в самом деле…

— Конечно, и мы оба знаем это. Но земные условия требуют, чтобы вы как можно меньше помнили о своем происхождении. Вы ведь не хотите оскорбить своих хозяев?

— Нет, Ричард.

— Вот и прекрасно. Впоследствии я объясню вам все подробнее.

Дверь неожиданно распахнулась. В комнату ворвался мужчина с автоматом.

Точно по плану. Но теперь Генри не радовала такая точность. Группа, приписанная к этому зданию, должна была занять его, по крайней мере, в течение получаса — даже при удачном стечении обстоятельств. Каждый человек должен был проверить несколько этажей. Странно, как сумел этот человек ворваться сюда точно в момент начала восстания, преодолев двадцать три этажа?

И почему у него автомат? Ведь по плану полагались газовые ружья, безвредные для детей, но смертельные для кэзо? У самого Генри был пулевой пистолет, но это на особый случай, если бы вдруг возникла необходимость покончить с собой.

— Что это значит? — спросил Генри, шагнув навстречу повстанцу.

Тот не узнал его.

— Это революция, мистер. Мы сбросили власть кэзо. Отойдите в сторону, пока я…

Он упал, коротко вскрикнув, когда Генри ударил его ребром ладони по шее.

Глава 5

— Сирена! — сказал он, подбирая упавший автомат. — Внизу держитесь спокойно, не бегите и не оглядывайтесь.

Если вам вздумается кричать, кричите, но только как землянка.

Она все еще смотрела на потерявшего сознание повстанца.

— Вы ударили его…

— Да, я жестокий человек, — он взял ее за руку и потянул к двери. — Вам не нужно захватить что-нибудь с собой? Мы вернемся сюда не скоро.

— Нет, Ричард.

Минуту спустя они уже стояли на эскалаторе, ведущем к скоростное лифту.

Несколько дверей в зале были раскрыты настежь, небольшие группы людей переговаривались между собой. Очевидно, восстание шло уже тогда, когда он только готовил Сирену к выходу. Значит, лихорадочно размышлял он, оно началось сразу, как они с Битулом вошли в квартиру. Битул поступил мудро, вовремя убравшись отсюда.

Лифт остановился на третьем этаже, и они, выпрыгнув из него, вошли в медленный подъемник.

— Нельзя было допустить, чтобы этот, человек узнал вас, — прошептал он. — На улице не обращайте внимания, если кто-нибудь посмотрит на вас слишком пристально. Хотя, я думаю, в толпе спрятаться легче.

— Я не уверена, что выгляжу совсем как земная женщина.

— Да, не совсем. Но суматоха, поднятая революцией, нам поможет. По крайней мере, я надеюсь на это.

Надеяться на это — единственное, что ему оставалось. В двух случаях он уже ошибся — во времени и оружии. Что будет дальше?

Перед входом в здание стоял еще один человек с автоматом. Пешеходы не обращали на него ни малейшего внимания, как раньше На Битула. Население, казалось, совсем не интересовала революция.

Генри отвернул от часового лицо, у него не было никакого желания, чтобы его узнали.

— Если мы доберемся до подземки, у нас появится шанс.

Он не стал спускаться в подземку из здания — часовой мог его опознать. Сейчас никто не ожидает увидеть кэзо на улице, так что улица будет для них самым безопасным местом.

— Прежде всего они займут правительственные учреждения.

Это даст контроль над всем остальным. Мне нельзя рисковать, слишком многие знают меня в лицо. Мы…

— Ричард! — Сирена остановилась.

— Идемте, мы не на экскурсии.

— Ричард, булавки отстегнулись. Чулки…

Черт побери! Этого еще не хватало! Непрозрачные чулки были слишком велики Сирене, и без поддержки булавок грозили свалиться через несколько шагов. Синие ноги…

— Придерживайте их руками! — скомандовал он, но тут же сообразил, что это еще больше привлечет к ней внимание. — Нет! Просто зажмите их ногами. Я возьму такси.

На чулках стали появляться складки, и некоторые прохожие уже обращали на это внимание.

Он метнулся к ближайшему электротакси и швырнул горсть мелочи в приемное отверстие. Дверца распахнулась, и когда автомат рассортировал монеты, заурчал мотор.

Генри вскочил в кабину и подогнал машину к Сирене.

— Залезайте!

Один из зевак рассмеялся. Генри сердито взглянул на него, закрыл дверцу и вывел такси на шоссе.

— Плохи дела, — сказал он чуть погодя. — Мы перекрыли дороги.

— Мы?

— Революционеры. — Вы понимаете, что это такое?

— Вы один из них? — она была явно поражена. — Тогда почему…

— Это длинная история. Мы должны где-то остановиться, пока не кончится эта неразбериха. До темноты нам не удастся покинуть город.

Он оглянулся. Погони не было.

— Пристегните чулки. Мы должны быть готовы ко всему.

— Хорошо, Ричард.

Загорелась контрольная лампочка. Ого, осталось всего две минуты, чтобы найти стоянку. Он подъехал к тротуару. На счетчике стоянки появился красный флажок.

— Проклятье! Часовое ограничение. Слишком мало, — он вытащил из кармана доллар. — Дешевле оставить машину, но тогда мы снова окажемся на улице. Лучше остаться.

— Вы объясните мне? — спросила Сирена, потянувшись к счетчику.

— На Земле всегда приходится платить слишком многое за слишком малое, — ответил он. — Это довольно старый дорожный счетчик. Вы бросаете монету и нажимаете ручку. Если деньги фальшивые или в том случае, если вы остаетесь на стоянке

дольше положенного времени на две минуты, в полиции прозвенит сигнал тревоги. Счетчик не примет платы до тех пор, пока машина не съедет со стоянки — это сделано для того, чтобы предотвратить непрерывную стоянку. Сейчас такие счетчики почти не применяются, мало кому в наше время нужны личные автомобили. Но здесь старый город.

Немного помолчав, он добавил:

— Такие счетчики — часть моего прошлого.

Он нажал на ручку, флажок и деньги исчезли. Стрелка установилась на делении в один час, счетчик затикал.

— Проклятая инфляция, — буркнул Генри. — Никогда не получишь полных сто минут за доллар!

— Инфляция?

— Это когда вещи стоят все дороже, а деньги стоят все дешевле. Когда пришли кэзо, инфляция кончилась, но это старый счетчик, он работает по прежним ценам.

— А мы не могли бы отъехать, когда кончится срок, и снова занять стоянку?

— Придется, наверное. Но это увеличит риск — нас могут скорее обнаружить. Не у каждого человека есть столько денег. Их нельзя расходовать слишком широко. Сейчас не то время, но мы воспользуемся старой уловкой: сделаем вид, что влюблены. Вы понимаете?

— Нет, Ричард. Он пожал плечами.

— Наверное, у вас, у победителей, все по другому. Она так быстро повернулась к нему, что парик слегка сполз с ее головы.

— Вы сказали — Победителей? О, вы имеете в виду кэзо…

— А разве есть еще другие? — разозлился он. — Мы осваивали космос, распространялись во Вселенной, пока не наткнулись на кэзо. Когда мне было восемь лет, я мечтал стать охотником на пограничной планете. Каждый месяц открывались новые миры, и некоторые из них были пригодны для жизни. Наши желания были безграничны. И тут…

— Да! — горько сказала она.

— Что вы можете знать об этом? Как вы можете понять сладость свободы, если вас никогда не лишали ее? Разве вас когда-нибудь отдирали плачущей от дорожного счетчика, вроде этого? Теряли ли вы своих близких? Извивались ли под пятой завоевателей?

— Сюда идут, Ричард, — сказала она. — Я должна молчать?

Он обернулся. По тротуару шли трое мужчин с автоматами. Он не узнал их, и это было странно, потому что он знал большинство революционеров этого района. Но и многие из них знали его.

— Лучше я отвернусь, — сказал он. — Иначе, если меня узнают, мне придется выбирать между их жизнями и вашей.

— Да, Ричард.

— Придется поцеловать вас. Поверьте, мне это стодь же неприятно, как и вам.

Он склонился над ней так, чтобы оказаться спиной к идущим. И только тут обнаружил, что у нее голубые губы. Он забыл разыскать для нее губную помаду!.

Ее горячие губы напомнили ему, что у кэзо температура тела на несколько градусов выше. Крем уже кое-где начал сползать с ее лица… Так они и сидели, пока трое с автоматами не прошли мимо.

По крайней мере, можно было отодвинуться. Его лицо было так же горячо, как ее.

— Вы целуетесь, как землянка, — удивленно сказал он.

— Спасибо, Ричард, — она не переменила позы.

— Что вы там делаете у себя на Кэзо? Откладываете яйца?

Она не сочла этот вопрос неуместным.

— Нет, Ричард. Как и люди, мы рожаем.

— Как женщины? Но как же вы их кормите?

— Мы снабжаем их полупереваренной пищей, как это делают ваши пчелы. У нас тоже есть семьи. И вообще мы во многом похожи на вас.

— За исключением того, что вы хозяева, а мы рабы! Она нахмурилась.

— Вы не понимаете, Ричард. Не в этом смысле.

— А в каком? Против чего мы сейчас восстали? Думаю, что вы еще не готовы узнать все, Ричард.

Генри покачал головой.

— Мне было девять лет, когда на Землю пришли захватчики. Мы только-только узнали о существовании Кэзо, а через год после первого контакта с ними наш флот потерпел поражение, и наше правительство отдало планету пришельцам. Властители спустились на наши города. Их корабли были не больше и не лучше наших, но они победили нас. Мой отец был капитаном — он исчез.

— Да, — сказала она.

— Новые хозяева были голубого цвета… Это продолжалось пятнадцать лет — и не было видно конца. Моя бабушка заболела. Они позволили ей пожить еще немного из-за меня, а потом отнесли к «излишкам». Уж и не знаю, почему я уцелел…

— У вас не было матери? — спросила она.

— Мать у меня была, хотя бабушка никогда не говорила о ней. Мне рассказали соседские ребята… Она изменила отцу. Ее

мать — моя бабушка — была оскорблена и выгнала собственную дочь из дома. Когда папа вернулся из космоса, мне было уже два года. Она разрешила ему поселиться у нас, хотя до этого они не очень-то хорошо знали друг друга. Папа, бабушка и Джон — он был моим другом — это все, что у меня оставалось. И Властители убили их.

— И Джона тоже?

— Он попал в один приют со мной, когда его родителей отнесли к «излишкам». Через несколько лет я обнаружил запись: за него ходатайствовал Битул — не знаю почему. А три года назад он исчез. Я думаю, что Битул снова приложил к этому руку. Может быть, Джон был связан с революционерами. Поэтому и я стал революционером.

Сирена вздрогнула, но ничего не сказала.

— А вы пытаетесь оправдать убийц, — с горечью сказал Генри. — И говорите, что я ничего не понимаю.

— Но ведь все, это для блага планеты! — воскликнула она. — Разве вами правят нечестно?

— Вы уничтожили наш флот так, что не вернулся ни один человек — даже для того, чтобы его могли похоронить. Мой отец был лучше многих, но это оказалось неважным… Я рос, сознавая, что у меня лишь один шанс из десяти получить водительские права. Я мог жениться, но не мог стать отцом более чем одного ребенка. Я мог полететь в космос, но только в качестве послушного раба. Любое решение, которое я мог принять, подлежало утверждению пришельцев.

— Зато разве не окончились ваши войны? — быстро спросила она. — Ваши эпидемии, ваша безработица и инфляция, ваше истощение среды?

— Да, но какой ценой? Лишь благодаря тирании и успокоительным средствам. Лучше безработица и инфляция, чем потеря свободы.

Он искренне верил в это, и всё-таки его слова звучали как монолог положительного героя в патриотической пьесе. А суть была в том, что, не приди кэзо, — и Земля захлебнулась бы в своих хваленых свободах.

— Да, у нас было много зла, но все-таки мы сами выбирали себе судьбу — хорошую, или плохую. Ваше правление в самом деле превосходно, гораздо лучше нашего. Но тирания не может быть оправдана полезностью!

— Нет, не лучше вашего, — пробормотала она — Теперь я это вижу.

— Что? — не понял он.

Она вздрогнула, став сразу похожей на земную девушку.

— Это моя поза… я к ней не привыкла, — сказала она, отодвигаясь. — Но, Ричард, прошлое было действительно очень страшным… А если бы власть принадлежала вам, что сделали бы вы?

Генри нахмурился. Беглецы говорят о политике, словно для них нет ничего важнее.

— Я не специалист в этой области, но у меня есть несколько мыслей… — Он говорил с ней, как с равной, а не как с Властительницей, и это не казалось ему странным. — Все дело в том, что наша Система похожа на этот счетчик. Вы платите деньги и получаете определённые привилегии, пока человек или кэзо контролирует машину. Весь мир живет по этому правилу: один доллар — один час. Одинаковая работа — одинаковая плата. Одинаковое преступление — Одинаковое наказание. Я не верю, что этого достаточно. Рано или поздно, но такая Система приведет к срыву, потому что это машинный, а не человеческий подход. Люди хотят получить то, что им хочется, независимо от того, нужно им это или нет. Они ищут преодоления стандартов..

— Ив этом причина вашей революции, Ричард? Помолчав, Генри ответил:

— Думаю, что да.

— И у вас есть система лучше этой?

— Должна быть. Я старался придумать ее, но пока это только теория. Джон как практик лучше меня. Но я думаю о куске пирога…

— Куске пирога?

— Это такое сладкое изделие из теста. У кэзо, наверное, его нет.

— Нет. Но я слышала это выражение и поняла так, что оно связано с простотой опасной миссии…

Генри покачал головой.

— Я никогда не слышал об этом. Я говорил о простом съедобном пироге. Хотя, возможно, здесь есть аналогия с вами.

— Не со мной. Победитель Ген… — она запнулась, — извините, Генри. Я в самом деле не знаю значения этого выражения.

Генри облегченно вздохнул.

— К примеру, возьмем двух детей. И предположим, что для них самая ценная вещь в мире — это большой кусок пирога. Его надо разделить между ними, но их соперничество столь сильно, что, независимо от того, как будет разделен пирог все равно возникнут споры и возмущения. Каждому чужой кусок покажется большим.

Сирена положила на его руку свою, и он не отдернул ее.

— Да? — у нее был заинтересованный вид.

— Взрослый мог бы произвести честный раздел и заставить ребят принять его. Но это политика счетчика. А что если в данный момент они одни? Идеальная Система должна действовать без вмешательства третьей стороны…

— Продолжайте, Ричард.

— И такая Система есть! Один ребенок должен разрезать пирог, а другой — выбрать кусок. В этом случае ни один из них не обязан стремиться к честности, но ни один и не должен протестовать. Тут сработают законы человеческой природы. И то же самое с этими кэзо. Поэтому идеальная форма управления…

— Смотрите, — перебила она Генри, — показывая на счетчик, — наше время, почти истекло. Пора идти.

Генри вернулся к действительности. — Пока все идет гораздо спокойнее, чем я ожидал. Видимо, восставшие не встретили сильного сопротивления, — он бросил мелочь в копилку электромобиля и вывел его со стоянки. — Разумнее всего найти сейчас отель.

— Они не будут искать нас там, Ричард?

— Нет, если сочтут, что поймали или убили всех Властителей. Они гораздо больше будут заняты созданием нового правительства, чем постояльцами отелей.

Он поймал себя на том, что думает о повстанцах как о третьей стороне.

— Надеюсь, что они никого не убили, сказала Сирена. — Это не их, это **наш** план убивать кэзо, — Генри сделал попытку вернуть себя в революцию. Битул считался слишком опасным, и теперь Генри знал, почему. — Если кэзо будут сдаваться без сопротивления, то их просто изолируют. Мы не хотим возвращать дни убийств и анархии…

Но внезапно он вспомнил об автоматах в руках повстанцев. Это заставило его замолчать и усомниться в благонамеренности мистического революционного деятеля. Ему никогда не доводилось встречаться с Джоном Теннером. Он даже не знал, что тот написал книгу, экземпляр которой, подаренный Битулом, все еще оттягивал его карман.

Похоже, что Властитель знал о вожде повстанцев гораздо больше, чем сам Генри.

Неужели совершены массовые убийства? Может быть, Сирена — единственная уцелевшая кэзо в их районе?

— Но вы останетесь со мной, пока не будете в полной безопасности.

— Хорошо, Ричард.

Он припарковал машину на освободившейся стоянке, и они

направились к отелю. У входа он остановил ее;

— У вас есть губная помада?

— Губная помада?

— Ладно. Что-нибудь придумаю, если клерк заметит это. Но держитесь позади меня и в тени.

Он выбрал этот отель из-за его старомодности. Тут работали люди, а не машины. В новом отеле, где всех регистрировала машина, связанная с центральным компьютером, в котором Сирены, конечно, не значилось, риск был слишком велик. Революционеры к этому времени уже должны контролировать банк данных компьютера, где Ричард Генри значился, вероятно, как предатель. Впрочем, нет. Они наверняка считают его погибшим. Тем лучше.

У клерка в отеле были прилизанные волосы и особый тон голоса, присущий только персоналу отелей.

— Что вам угодно? — спросил клерк.

«Лишь бы он не оказался ханжой», — подумал Генри. К счастью, он не знал этого человека.

— Комнату на двоих.

Клерк разглядывал его сквозь свои очки. Блеф, решил Генри, ведь все люди со слабым зрением давно стали, «излишками».

— Мне проверить ваш счет?

— Я плачу наличными.

— Хорошо, сэр, — сказал клерк тоном, явно передающим все, что он думает о деревенщине, которая до сих пор пользуется наличными.

Клерк зарегистрировал их.

— Ваша жена кажется немного озябшей.

— Я не его… — начала Сирена, забывшись, но Генри резко оборвал ее.

— Наружность бывает обманчивой. Однако клерк даже не улыбнулся.

— Ее губы…

— Она недавно болела.

— У нас есть врач.

— Спасибо. Она уже выздоровела. Ей только надо немного отдохнуть.

Клерк нахмурился.

— Конечно, вы правы. В номере есть транквилизатор. Дорогостоящий транквилизатор! Но Генри не стал возмущаться счетом, хотя тот почти разорил его.

Транквилизатор уже ждал их в номере: восемьдесят шесть градусов высшего качества… Несомненно, этот отель слыл популярным у любовников. Но Генри тут ни при чем.

Заинтересованная этикеткой, Сирена взяла бутылку.

— Это напиток, — объяснил Генри. — Он предназначен для людей, для повышения их тонуса. Я взял его только из предосторожности.

— О, кэзо могут есть и пить все, что едят и пьют люди. Я готовила для…

Она внезапно замолчала, прижав палец к губам, что немало удивило Генри, и, вынув пробку из бутылки, налила себе четыре унции.

Он не на шутку испугался, когда увидел, как лихо она опрокинула виски в свои синие губы.

— Это **алкогольный** напиток, — назидательно сказал он. — Действует на центры высшей нервной деятельности и ведет к коматозному состоянию организма.

— Он не действует на метаболизм и организм кэзо, — она налила себе еще одну порцию. — И, кроме того, мне он нравится.

Генри не стал удерживать ее, надеясь, что она права.

— Я объясню вам, почему это было необходимо. Я не хотел компрометировать вас, но…

— Компрометировать, Ричард?

Он проверил, нет ли в номере подслушивающих устройств.

— Обычно мужчина и женщина не живут в одной комнате, если они не женаты.

— Но вы уже объяснили мне это, Ричард.

— Конечно, мы принадлежим к совершенно разным видам, но…

— Неважно, — сказала она. — А знаете, Ричард, этот напиток совсем не плох. Вы уверены, что не хотите его? Иначе я выпью все.

— **Выпьете все**?

— Ричард, наши мет… мета…, в общем, все наши химические процессы протекают по-разному, только разумы схожи. Мы можем есть одну и ту же пищу, но когда она поступает в систему… Например, клерк ошибался, говоря, что я мерзну. Эта температура вполне удовлетворительна… даже хороша для меня, — она рухнула в кресло так, что парик слетел с головы.

Генри вспомнил о губной помаде и принялся разыскивать ее по всей комнате. Может быть, ему повезет…

— Вы не млекопитающий вид, — раздраженно сказал он. — Как же вы можете поддерживать температуру тела?

Из стоявшей рядом корзины для мусора Сирена выудила журнал. Здесь убирали, несмотря на цены, не очень-то часто. Сирена принялась перелистывать страницы, продолжая рассказывать:

— В нашем теле есть определенное количество тепловосстанавливающей жидкости, действующей в качестве… Как бы вам это объяснить… Не крови, нет, возможно, более похожее на вашу лимфатическую систему — нет, и это не то… В общем, избыточные калории накапливаются там за день и расходуются потом постепенно… Есть еще такие зоны выпуклости на теле, которые могут изменяться для защиты от… кого-либо.

— И даже для того, чтобы контролировать контуры тела других существ, — пробормотал Генри.

Ходили слухи, что кэзо, если захотят, могут сделаться похожими на человека. Но он считал это явным преувеличением. Иначе ему не пришлось бы с такими трудностями уводить Сирену от повстанцев.

В поисках губной помады он направился в ванную. Здесь ему наконец повезло: нашелся использованный тюбик губной помады. Он начал счищать ногтем ее остатки.

— У вас, вероятно, бывают перегрузки?

— Тепловые перегрузки? Нет.

Ему показалось, что голос ее зазвучал как-то отвлеченно. Вероятно, это было следствием того, что она читала журнал и одновременно разговаривала. Однако эти иллюзии быстро выветрились, когда он увидел пустую бутылку из-под виски. Такая доза могла быть фатальной для человека, или в лучшем случае привести его в беспамятство.

А она продолжала как ни в чем не бывало:

— На кожном покрове наших тел есть специальные волокна, которые в случае необходимости излучают лишнюю тепловую энергию. Аналогичный принцип вы используете в радиаторах охлаждения.

Занятый губной помадой, Генри мельком взглянул на журнал, который она читала. Он был порнографическим. Дай Бог, чтобы она ничего там не поняла…

— Разотрите это на губах, — он протянул ей помаду. — Они не должны оставаться голубыми.

— Хорошо, Ричард, — согласилась она. — Но будет лучше, если это сделаете вы. Вам лучше знать, чего вы хотите.

Он подошел к ней и, наклонившись, стал, накладывать помаду.

— Какой интересный журнал! — сказала она, когда он кончил работу. — Но я не все понимаю. Почему, например…

— Это одна из достопримечательностей отеля, — объяснил он. — Все оставлено, как было. Даже непристойные журналы. Для достоверности.

— Понимаю.

— Забудьте об этом.

— А пропорции этих женщин действительно правильны? На улице я видела много женщин, но мало молодых, и они не были такими, как в журнале.

— Эти женщины в журнале, — сказал Генри без всякого выражения, — нетипичны. Они представляют собой, если верить критериям редактора, идеал. Но теперь это уже неважно. Вследствие реформ, проведенных Властителями, подобные журналы стали не нужны.

— Здесь все сосредоточено на физиологии…

— Люди уделяют много внимания своему внешнему виду, особенно лицу и фигуре. Поэтому я и надел на вас парик и прочие вещи.

— Но почему все это имеет такое значение, Ричард? Я понимаю, что меня необходимо было замаскировать. Но для чего это делают земные женщины?

Неужели у них на Кэзо нет понятия сексуальной привлекательности?

— Дело в том, что эти видимые характеристики призваны привлекать к данным образцам мужское внимание. Если женщина выглядит так, как здесь воспроизведено, то считается, что она нравится мужчинам.

— Как это удобно! Это кажется намного проще нашей системы. Формы, а не характер! Посмотрим, получится ли у меня…

Пошатываясь, она встала и начала стягивать с себя платье.

— Что вы собираетесь делать? — с тревогой, спросил Генри.

— Я снимаю одежду, Ричард. Так написано в журнале, — хоть и с трудом, ей удалось стянуть платье.

Генри отвернулся.

— О, идите хотя бы к зеркалу. Оно в ванной.

— Вода? — не поняла она. Вода мне не нужна. Спасибо, Ричард.

— Почему же нет? Хороший холодный душ не помешал бы вам сейчас.

Но она явно не понимала его. Он стоял к ней спиной, не зная, что она делает. Ясно было одно: он напоил женщину-кэзо и совершенно не представлял, что за этим последует. Хорошего ждать Не приходилось.

Она замолчала, чем-то усиленно поглощенная. Несколько раз прошелестел журнал, потом послышался металлический звук, словно где-то сверлили детали…

— Пожалуйста, скажите мне свое мнение, Ричард, — наконец заговорила она.

Он повернулся, надеясь, что она просто переодела платье поудобнее — и ошибся.

На ней не было ничего, кроме парика, но теперь ее тело обрело человеческие очертания: огромная грудь, широкие бедра, и устрашающе тонкая талия.

Генри остолбенел.

— Все в порядке, Ричард? Я только скопировала одну из иллюстраций.

Она и в самом деле ничем не отличалась от иллюстрации, только была голубой. Как же ей это удалось?

Потом ему на ум пришло ее объяснение об устройстве тела кэзо и рассказ об их мимикрии. Она говорила что-то о перераспределении жировой ткани.

Ну что ж, он сам приказал ей вести себя так, словно она земная женщина, совершенно не думая, как далеко это может зайти.

— Внешне все в порядке, — говорила тем временем Сирена, положив руки на бедра. — Теперь я готова выполнять все остальные ваши приказы, Ричард.

Он смотрел на неё, как на статую. Потом, покраснев, отвернулся.

— Мои приказы?

— Быть вашей, вашим спутником, вашей женщиной — как вы говорили. И тогда никто не заподозрит во мне кэзо. Я не совсем это хорошо понимала, но тут, в журнале, кое-что написано.

Глава 6

Генри поперхнулся.

— Это непременимо к нам, — он старался говорить как можно спокойнее — Наши виды абсолютно несовместимы. Вы должны это знать.

— Извините, Ричард. Я, наверное, совершила ошибку. Просто я слишком много выпила.

— Вы хотите сказать, что сейчас вы уже не пьяны?

— Да, Ричард.

Все признаки опьянения исчезли. Значит, она просто притворялась. Обычное женское коварство.

Генри покачал головой.

— Сирена, что за роль вы играете?

— Вы наивны, — вздохнула она. — Называете меня интимным именем, рискуете, чтобы спасти от гибели… И в то же время вы… Даже после того как я переменилась…

— Вы все время делаете какие-то ссылки на нечто мне неизвестное. Что вы знаете такого, чего не знаю я?

— На Кэзо женщину моего положения называют лишь частью полного имени. И мужчин иногда тоже. Я должна была сказать вам об этом раньше.

— Это не то, о чем я хочу знать. И вы это прекрасно знаете.

— Вы находите меня непривлекательной?

— Нет. Не в этом дело. Я спрашиваю…

— А я не должна вам отвечать.

Он глубоко вздохнул.

— Сирена, то есть я хочу сказать, Сирен… Оденьтесь и постараемся все выяснить.

Она молча оделась. Он был расстроен тем, что обидел ее. Но единственным выходом была правда.

— С тех пор как Земля была оккупирована, мы надеялись, что эта оккупация временная, и кэзо когда-нибудь уйдут. Мы знали, что невозможно свергнуть вас с помощью силы. Вся эта революция началась лишь благодаря терпению кэзо и закончится при первом же решительном ответном действии. Ее вожди думают иначе, но это так.

— Вы считаете себя революционером и все-таки говорите так?

— Я… — он помолчал. — Я **считал** себя революционером. Но когда они послали меня…

Она быстро взглянула на него.

— …убить Битула, — продолжал Генри с трудом, — я понял,

что не признаю убийств.

Она переменила тему:

— А что вы думаете о женщинах-кэзо?

Он сел.

— Я должен ненавидеть женщин-кэзо, как и любой землянин. Ведь оккупация может считаться временной, пока завоеватели не основывают колоний — только до этого момента. Если у них появятся семьи, значит, они останутся здесь навсегда. Женщины кэзо — это гибель надежды на свободу Земли.

— Да, — сказала она. «Справочник революционера», — прочитал он заглавие.

И снова его мысли потекли по старому руслу: как он мог согласиться убить кого-то, любое живое существо! Это же варварство! Но он дважды выстрелил в Битула…

Он снова прочел имя автора: Джон Теннер. Вождь М.М.Р.К. Его книга была у кэзо, а подпольщики и не подозревали о ней. Битул первым посоветовал прочитать ее.

Чудовищно поручать убийце защищать первую женщину-кэзо. Но не было ли тут сговора между Властителям и и вождями революции? Может быть, книга хоть как-то объяснит ему это?

Он раскрыл ее. В предисловии словно цитировались его, Генри, ответы Битулу, когда он пришёл убивать его.

Генри еще раз взглянул на титул — Джон Теннер, М.М.Р.К. (Член Общества Богатых Бездельников).

Шутка. И внизу краткая запись:

> «Перепечатано из приложения к пьесе Джорджа Бернарда Шоу „Человек и Сверхчеловек“, где действует персонаж Джон Теннер»…

— Что-нибудь случилось, Ричард?

Генри отшвырнул книжку.

— Я был глупцом! Они напоили меня и загипнотизировали — и Битул знал это! Он знал, что я не в себе. Наверное, весь план его бегства был блефом, как и все остальное. Если бы я убил тогда Битула и был пойман, то не понял бы самого главного.

— Значит, вы не революционер?

— Я думал, что я революционер, — сказал он с горечью. — Все эти мои философствования… мой «кусок пирога». Я думал, что нашел, ответ. Я думал, что могу быть полезен.

— Может быть, еще не все потеряно, Ричард Ведь вы помогли мне, несмотря на то, что вам пришлось действовать против своих друзей…

«Убеждения человека могут быть определены, — монотонно процитировал он, — на основе его веры и по мотивам его

поступков». Он рассмеялся.

— Это еще одна маленькая цитатка из «Справочника». Теперь понятно. Смешнее всего, что это и в самом деле так.

— Я очень рада, что так случилось.

— Но это совсем не значит, что я примирился с правлением кэзо. Я по-прежнему убежден, что люди сами вольны совершать свои ошибки. Это честнее…

Внизу прогремел выстрел, и послышались тяжелые шаги.

— Бежим через окно! — крикнул он. — Слава Богу, что мы в старом отеле.

Она моментально направилась в ту сторону, куда он указал, не задавая вопросов, словно всю жизнь подчинялась его приказам. Он распахнул окно.

Генри знал, что случилось и что надо делать. Очевидно, бдительный клерк все же запросил о них компьютер, и теперь повстанцы идут по их следу, чтобы взять Сирену заложницей.

Странно, но спуская Сирену по пожарной лестнице, он ощутил внезапный голод Он не ел с самого начала этой авантюры, да и она тоже.

Отель огибала улочка, длинная и извилистая. Казалось, столь же старинная, как улицы Вавилона, когда все еще делалось из кирпичей. Они побежали по ней.

Его знание местности давало ему большие преимущества. Никто не мог поймать его на этих улицах. Прямо и вперед!

Луч света вырвался из только что оставленного ими окна и зашарил по улице. Но шума и окриков не было. Он толкнул Сирену за угол. Да, его одурачили, но зато снабдили знаниями, которые помогут теперь улизнуть.

Вход в подземку был освещен.

Генри выбрал это направление, потому что считал: никто, не будет ожидать, что они направятся в центр города. Однако теперь он склонялся к мысли, что свалял дурака. Если революционеры и в самом деле ищут его, им ничего не стоит перекрыть все выходы в центр. Разве что интерес к ним совершенно случаен. И в самом деле, вряд ли он представляет для них особую ценность. А о Сирене никто, кроме Битула, не знал. Скорее всего, ото был случайный обход отелей. Генри пожертвовал комнатой, за которую уплатил, только из-за своей чрезмерной подозрительности. Денег на другую у нега не было.

— Сирена, — прошептал он, — я, кажется, ошибся. Вы не прочь рискнуть заново?

Они вышли к Бюро помощи путешественникам.

— Чем могу вам помочь? — спросил человек за конторкой, почти копия уже знакомого им клерка.

— Мы путешественники, и нам не по душе это восстание, — быстро проговорил Генри. — Кроме того, у нас нет денег на еду и нет кредита.

— Присядьте, пожалуйста, — бесстрастно сказал клерк и нажал какую-то кнопку на пульте.

Они сели в кресла перед конторкой.

— Вы уверены, что это подействует? — шепотом спросила Сирена.

— Нет. Не уверен. — Он не знал, что волнует ее: то, что он сказал слишком много или наоборот, что чересчур скрытен. — Тут есть определенный риск: либо он найдет нам убежище, либо выдаст революционерам. — Если он выдаст нас, будьте готовы бежать — мы снова должны уйти от преследователей.

— Хорошо, Ричард.

В Бюро вошел высокий и крепкий мужчина с залысинами на лбу и круглым приятным лицом. Клерк что-то негромко сказал ему. Тот вышел. Генри расслабился.

Но внезапно на эскалаторе появился человек с автоматом. Генри крепко сжал руку Сирены. Он еле сдерживался, чтобы не выхватить из кармана пистолет. Казалось странным, что никто, кроме них, не обращал внимания на человека с автоматом. Удивительно, как равнодушно восприняло население революцию. Может быть, просто по старому золотому правилу — живи и давай жить другим?

«Золотое правило» — это не иметь «золотых правил», — вспомнил он еще одну цитату из «Справочника».

Однако он знал: никто не поможет ему, если вдруг вооруженный человек вздумает арестовать их. Он должен будет или стрелять, или бежать.

Революционер приближался…

— Так вы поедете со мной?

Это спросил тот самый здоровяк, который подходил к клерку. Уже какое-то время он сидел рядом с Генри, вниманием которого целиком завладел приближающийся повстанец.

— Да, спасибо, — ответил Генри. Мужчина протянул руку.

— Алан Нотгез, старший сержант Всемирной Армии, в запасе.

Нотгез привел их в прекрасную квартиру в современном высотном доме. Генри обрадовался этому, откровенно говоря, он начал уставать от старины.

— Где-то тут мои внуки… Скорее всего, в лифте — играют в прятки.

Генри помнил эту игру.

Надо вскочить в лифт, выпрыгнуть на случайно выбранном этаже и снова впрыгнуть в него, пропустив несколько кабин. А

преследователи должны отгадать, где он.

— Вы разрешаете им? — спросил он.

— Конечно, нет. Но делаю вид, что ничего не знаю. За это меня считают хорошей нянькой: я умею хранить тайны. Мне все равно сейчас нечего делать… Хотите чего-нибудь выпить?

— Спасибо, нет, — ответил Генри, толкнув при этом Сирену. Она лишь улыбнулась в ответ.

— Ладно, зато я вижу, что вы оба голодны. Но у нас только консервы. Прошу прощения, детки, но прежние денечки прошли.

Генри напрягся.

— Вам не нравится правление кэзо?

Нотгез сделал жест, означавший: «Ничего не поделаешь!» Но за едой он разговорился:

— Десять лет назад я стоял бы во главе толпы, жаждущей крови голубых. Пять лет назад я бы присоединился к революционерам. Но теперь, когда революция произошла, я понял, что совершенно не сочувствую ей. Мне понравились эти пятнадцать лет мира и прогресса. Вы знаете, ведь это мировой рекорд, превышающий старый на четырнадцать с половиной лет. Я прошел тогда через это и все помню.

— Вас коснулась резня? Нотгез печально кивнул.

— У меня было шестеро детей, четверых из них отнесли к «излишкам». Вот тогда я был готов убивать голубых голыми руками. Но через год — всего через год! — я понял, что они отобрали слабейших. У одного пошаливало сердце, а это чертовски плохо для ребенка. Второй был чересчур жесток и мог пойти по плохой дорожке. Двое не справлялись с учебой. Может быть, мне как отцу не пристало так говорить, но двое оставшихся были сильнее, умнее, здоровее, да и теперь у них растут свои такие же дети. Я сам родился в семье, где было шестеро детей, трое умерли еще в детском возрасте, а один не вылезал из больниц, — так что соотношение то же самое. Если четверо из шестерых должны умереть, то пусть это будут худшие. Ведь этот луч, он не делает больно, лишь коснется слегка — и от человека не остается ничего…

— …кроме удобрений.

— А вы служили в земной армии? — вмешалась Сирена. Генри нахмурился, но сержант, кажется, не заметил оговорки, выдавшей кэзо. Она сказала: «земной армии».

— Тридцать лет! — улыбнулся Нотгез. — Я знаю, что вы хотите спросить. Что может делать солдат в армии, когда царит мир? Должен сказать, что армия не умерла, и флот тоже, и работы у них прибавилось. Война никогда не кончалась. Ни на мгновение.

Генри сжал рукоятку пистолета.

— Война против голода, болезней, невежества, — продолжал хозяин. — Потребовалось немало времени, чтоб убедить меня в этом. Я всегда думал, что в действиях кэзо есть какой-то скрытый мотив, что Властители готовят нам нечто ужасное — уничтожение вида или превращение в рабов кэзских колонистов. Но… Давайте, я вам лучше покажу!

Он привел в действие кинопроектор и занял кресло позади Генри.

— Это земная дорога. Кэзо считают, что развитие цивилизации во многом зависит от хороших коммуникаций, в том числе и дорог. Это величайшее сооружение на нашей планете — шестнадцать линии в ширину и в двадцать ярусов. Куда там римлянам!

Генри знал, что существует Дорога, но никогда не видел ее. Сирена, смотрела на экран со спокойным любопытством.

Дорога возвышалась подобно китайской стене. Освещенная солнцем и украшенная, зеленью. Многочисленные рестораны, театры, заправочные станции и отели выстроились вдоль ее центрального бульвара. По трассе ткались электромобили.

— Моя часть после войны даже не расформировывалась, — рассказывал Нотгез. — Мы были переименованы в строительный батальон, а нашего командира подчинили кэзскому генералу. Тот был старым космическим волком, в строительстве не понимал ни черта, но какой он был великолепный организатор! Мы строили эту дорогу двенадцать лет, и за это время я узнал о строительстве больше, чем обо всем остальном. Мы вгрызались на пятьдесят футов в землю, переходили горы и океаны, рыли туннели, перекрывали реки. От мыса Горн до мыса Доброй Надежды тянется Дорога беспрерывной лентой, разветвляясь на Сибирские, Европейские, Западно-Африканские и Южно-Азиатские петли, которые снова соединяются с ней На экваторе. Я работал на пяти континентах и в Индонезии.

На экране появилось изображение одной из подземных линий, сделанное с движущегося электромобиля. Стены туннеля были покрыты росписью.

— Смотрите! — с гордостью сказал Нотгез. Роспись на стенах слилась в одну полосу, краски смешались — и внезапно появилось небо — как если бы землетрясение выбросило машину на поверхность. Картина была впечатляющей. Она могла привести в чувство зарвавшегося водителя.

Когда скорость превысила допустимую на десять километров в час, на стене появились буквы — «ПРЕВЫШЕНИЕ СКОРОСТИ»…

— Дьявольский эффект, — нарушил молчание Нотгез.

Что-то связанное с оптикой. Кроме того, электромобиль в этом случае входит в резонанс с дорогой, и воздух в салоне начинает вибрировать. То же самое происходит, если ехать слишком медленно. Смотрите!

Скорость уменьшилась, и вновь появилась роспись. Потом стрелка спидометра отклонилась за нижний предел, и повторился тот же — эффект, только в конце появились не буквы, а секции — толстые полосы, окрашенные в разные цвета, которые на нормальной скорости создавали эффект сплошной стены. Скорость снизилась еще немного, и Генри увидел, что полосы превратились в толстые колонны, а между ними ответвлялись другие дороги и что их колонны — это целый лес бетонных столбов…

— Да, — Нотгез отвечал на какой-то вопрос Сирены, — предполагается, что машины, идущие со скоростью сто пятьдесят километров в час, разделяются интервалом в сто футов. С изменением скорости это расстояние меняется.

— И вы построили это всего лишь за двенадцать лет? — удивилась Сирена.

— Эти триста тысяч миль? Нет, мы сделали больше. Есть котлованы, остывающие на Урале и кое-где еще. Там нельзя строить, пока не истощится радиация. И на Суматре и Яве, где землетрясения и муссоны…

Дверь распахнулась, и вбежали двое детей. Нотгез выключил проектор.

— Ну что, ребята? Который сейчас час? И когда вы должны были вернуться? Что нужно было сказать гостям? Девочке было лет шесть, мальчику еще меньше.

— Мы не будем говорить, если ты не захочешь, деда, — нахально сказала девочка, изучая незнакомца. — О, здравствуйте, гости!

— Здравствуйте, — ответила Сирена.

— Кэзо! — тут же воскликнула девочка, указывая на нее.

Рука Генри непроизвольно скользнула за оружием. Он привстал, но мощная рука хозяина отбросила его назад в кресло.

— Не шутите так с бывшим солдатом, — сказал Нотгез, удерживая Генри за запястье. — Сидите спокойно.

Генри мог бы помериться с ним силами, но дело было сделано, оставалось только смириться и ждать дальнейших событий. Что он и сделал.

— Кэзо! — повторила девчушка и, ухватившись за перчатки, стащила их с Сирены. Появились синие трехпалые руки. Но дети улыбались.

— Вы знали это все время? — удивленно воскликнул Генри.

— Я проработал под руководством кэзо двенадцать лет. Последние пять лет был личным связным генерала. Кэзо я узнаю с первого взгляда, хотя никогда раньше не видел их женщин, — его хватка ослабла. — И дети тоже. Но я никак не думал, что они тоже так быстро сообразят.

Перчатки Сирены упали на пол.

— Видите? — восторженно воскликнула девочка. — Руки совсем голубые!

— Я всегда говорил им, что с женщиной-кэзо могут встретиться только очень хорошие дети, — объяснил Нотгез. — И вам я уже говорил, что за последние несколько лет многое понял. Да, в прошлом они причинили мне немало боли, но теперь я понимаю, что это было необходимо, и ценю то, чего добились кэзо. Поэтому — я и согласился укрыть вас на время… беспорядков.

— И клерк это тоже знает?

— Нет, ваша девушка хорошо замаскировалась. Но я знал несколько кэзо, пойманных в открытом… — он поперхнулся. — Оставайтесь здесь. Дети не уйдут отсюда до завтра, и они все понимают. Или они вам не нравятся?

Мальчуган уже вскарабкался на колени Сирены и что-то шептал ей в искусственное ухо, а девочка ревниво следила за ними.

— Вы увидите, что обычных людей эта «революция» не затрагивает, — продолжает Нотгез. — Большинство понимает, что свержение кэзо — величайшее бедствие для Земли. Ярмо слишком необременительно, а выгоды слишком существенны. Через несколько дней эти самозваные спасители человечества уползут в свои норы, побежденные презрением и саботажем. Они продержатся максимум десять дней. Нам они не нужны.

— Но не считаете ли вы, что жить лучше неодурманеными?

— Неодурманенными? — Нотгез пожал плечами. — Если бы атмосфера была отравлена, как утверждают эти нытики, разве разразилась бы революция? Мне кажется, что сейчас мы куда трезвее, чем были раньше.

— Кажется, у меня припрятано где-то нечто вкусненькое, — сменил тему Ногтез. — Если только это не вызовет шума.

— Мне первому! — завопили дети, бросаясь к нему. Генри почувствовал, как с него словно свалился груз.

— Если вы хотите предложить и нам, то…

— Но я тоже хочу, Ричард, — возразила Сирена.

Ушедший на кухню хозяин появился оттуда с половиной шоколадного торта.

— Это не совсем то, что мы ели в старину, но вкус почти тот

же, — он поставил торт на стол. — Кусок торта послужит мне вроде индикатора: если я смогу разделить его мирно, значит, на самом деле действует успокоитель. Но чувствует мое сердце — сегодня вечером будет шум!

— В любом случае раздел должен быть сделан. Наркотики не нужны, если вы знаете людей, — сказал Генри. — Но у каждого…

— …но у каждого должен быть кусок пирога, — подхватила Сирена.

Генри посмотрел на кусок.

— Думаете, вы меня обставили?

Взрослые рассмеялись, а ребятишки захлопали в ладоши.

— Ну, возьмем, например, этот торт. Нас пятеро, и никто не должен быть обойден. Согласны? Хорошо. Я отрезаю себе свою долю — одну пятую. Если кто-то сочтет, что я отрезал слишком много, он может отщипнуть лишнее, чтобы поправить дело. А потом вы можете разделить остальное между собой тем же способом.

Девочка встала на одну ножку и задумалась.

— Чур, я выбираю последней, — объявила она. Мальчик, подозревая подвох, молчал.

— Ваш кусок может быть самым маленьким, — предупредил Нотгез Ричарда.

— Чур, небольшое добавление, — усмехнулся Ричард. — Последний человек, дотронувшийся до моего куска, берет его себе.

Все были удивлены, кроме Сирены.

— Вы думаете, что это облегчит задачу? — спросил Нотгез.

— Посмотрим.

Генри взял нож и отрезал себе добрую четверть. — Это мой кусок. Кто-нибудь против?

— Да! — хором закричали дети, возмущенные таким нахальством.

Математики они еще не знали, но поняли, что кусок слишком велик. Девочка взяла нож и спросила:

— Я могу отрезать от вашего куска, сколько хочу?

. — Да. Но запомни, что этот кусок может быть твоим, если никто больше не захочет, его уменьшить.

— И если он станет слишком маленьким…

— Тогда твоё дело плохо.

Девочка колебалась, не зная, что предпринять. Наконец она отрезала тоненькую полоску и вернула ее в общий пирог.

— Вот, теперь этот кусок мой!

— Ничего себе! — возмутился ее брат и тоже отделил тонюсенький ломтик. — Оставшееся — мое!

Кусок Генри все еще был велик. Но желающих в третий раз уменьшить его не оказалось.

— Итак, один из нас удовлетворён. Делим пирог на четверых. Кто отрезает себе следующий?

Девочка сердито посмотрела на него, но ничего не сказала.

Нотгез ухмыльнулся.

— Ага, я понимаю, — он взял нож и отрезал совсем маленький кусок. Никто не оспорил его права, и он снова сказал:- Да, я понял!

Сирена тоже взяла небольшой кусочек, оставив последний выбор Генри и девочке,

— Я режу, ты выбираешь? — спросил он у девочки.

Она с опаской кивнула. Генри намеренно разделил кусок не совсем поровну.

Мне выбирать? — спросила девочка.

— Да. Она взвизгнула от восторга.

— Вы ошиблись! — и схватила большой кусок.

— Нельзя справедливо наделить всех сразу, — философски пожаловался Генри.

— Видите ли, слишком сложно делить пирог таким способом между двумя миллионами людей, — сказал Битул. — В этом слабость вашей теории. Когда такая дележка подойдет к концу, пирог может испортиться, а люди — умереть с холоду, даже если упростить процедуру. Прямой путь не всегда самый лучший.

Генри смотрел из окна кабинета Битула на огромный город и пытался ответить на вопрос, где Битул и остальные Властители прятались эти три дня. Никто из них не был пойман.

Революционеры потерпели крах из-за полнейшего безразличия народных масс, как и было предсказано, а теперь отправились в ссылку на один из островов Тихого океана, где им предоставляли возможность жить по своему усмотрению.

— Я знаю, — сказал Генри, — что мир нельзя уподобить куску пирога. Это своего рода абстракций. Но я настаиваю на принципе — всегда можно достичь соглашения внутри вида без вмешательства внешних сил. Это способ разделять и выбирать… — Внезапно он остановился. — Так значит, вот что случилось с земным флотом, когда закончилась война!

— Расскажите ему, Сирен!

Сирена, теперь уже в своем обычном облике, закрыла глаза и начала:

— Это был год Амфибии, Цвета Рожденных в Море, в Четырнадцатой Колонии. Наши корабли с помощью нуль-пространства исследовали странные миры, и мы ждали все новых чудес. Только космос мог объединить нас, но и это единство было

хрупким, потому что еще не нашелся враг, против которого нужно было объединить свои усилия. Но мы боялись этого воображаемого врага, ибо были новичками в космосе и многого не знали… Однажды наш флот собрал все свои корабли и исчез. И тогда пришла орда землян и покорила нас. Мы не знали, как это случилось. Мы даже не подозревали, что существовала Земля, пока она не покорила нас! Мы пытались сопротивляться, но наши правители перешли на сторону врага, и мы оказались побиты нашим же собственным оружием. А земляне вышли из своих кораблей — неуклюжие, мягкие, со множеством пальцев, бледные, как кость, и черные, как земля… И мы испугались… Они убивали нас целыми семьями, каждого второго. Но они были честны, не ставили себя выше нас, и мы поняли, что для Кэзо власть землян — благо. Под их владычеством планета процветала. Мы видели, что они не совершеннее нас, но забыли об этом, когда исчезли ужас и невежество и воцарился мир.

— Земля победила Кэзо? — воскликнул Генри. — Вы потеряли своих друзей и родственников?

— Моя семья попала в «излишки». Домина пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти меня, и Победитель Генри взял меня в свой дом вместо нее.

— Домина! — воскликнул пораженный Битул.

— Мой отец! — точно так же воскликнул Генри.

— Он выполнил свое обязательство, — сказала Сирена. — Как Битул выполнил свое, сохранив вас, Ричард. Но Система не допускала коррупции — и Домина заплатила за это жизнью. Победитель Генри оплакивал ее, как свою жену. Я долго жила вместе с ним, училась его мудрости. И хотя я думала, что ненавижу Победителей, теперь поняла, что это не так.

Битул, был в шоке. Первом шоке, виденном Генри у кэзо. Он сказал:

— Я не знал этого, Сирен!

— Вы долго не были на родине, Битул. И, наверно, удивлены, почему именно я первой оказалась в вашем секторе. Но зато от меня вы узнали о выполнении соглашения. Правда, вместо меня должна была быть Домина…

— Это не ваша вина, — сказал Битул. — Я понимаю необходимость жертвы, а годы сгладили мое горе. По крайней мере, она сама выбрала свою судьбу.

— Это было ошибкой, — спокойно продолжала Сирена, — но чары, которые я не осмелилась испробовать на отце, я обратила на его сына. И безуспешно.

От всего этого голова у Генри шла кругом. Битул, еще тоже не совсем пришедший в себя, сказал:

Так не было задумано, Сирен. Не может быть такого отношения между видами.

— Так говорил и Победитель Генри. — Вы оба наивны. Как же еще можно найти общую почву с Победителем?

Генри был бы немало, удивлен этой разницей в мировоззрении кэзо-мужчины и кэзо-женщины — или, возможно, победителя-кэзо и побежденной-кэзо, — если бы его судьба не была так прочно связана с ними. Он отбросил личные переживания и сосредоточился на политическом смысле происшедшего:

— Вы хотите сказать, что Земля и Кэзо обменялись правительствами?!

Сирена улыбнулась:

— Я тоже была удивлена этим, Ричард. И не совсем ясно понимала, пока вы не рассказали про пирог. Теперь я думаю: разве это не лучшее решение?

— Но почему вы были так уверены, что земляне будут хорошо обращаться с вашей родиной?

— Ричард, неужели вы думаете, что мы послали бы управлять нашим миром людей, не годных для этого?

Все встало на свои места. Новые кэзо прибывали на Землю ежегодно по установленному образцу — их отбирали земные властители Кэзо. Люди вроде отца. Да, выбор был нелегким и очень ответственным — ведь заложником являлась родина..

И нет угрозы войны между планетами! — Ключ не в Системе, Ричард, — сказала Сирена, — а в выборе. У хороших вождей — хорошее правительство, хорошее правительство — хорошие вожди. Я думаю, вы понимаете, кто научил всему этому меня.

— Но почему вы открыли мне эту тайну?

— А как вы думаете, Ричард? — спросил Битул. Все стало ясно.

— Но я пришел, чтобы убить…

— И вы преодолели себя. Преодолели всю ложь революции вместе со своими сомнениями. Немногие способны на это. Моя Домина… — он замолчал, ибо и через пятнадцать лет это имя слишком много значило для него. — Вы были испытаны во многом и выдержали испытания. Что же еще? Естественно, мы не могли послать на Кэзо непроверенного человека, кто бы он ни был. То, во что человек верит…

— …можно узнать не по его вере, — закончил Генри.

— Мы больше не увидимся, Ричард, — печально сказала Сирена. Вы знаете тайну — и должны улететь немедленно.

Битул протянул ему руку.

— Мы верим в вас, Ричард. Будьте добры к нашему миру.

Победитель!

Глава 7

Встреча происходила в глубоком космосе. Дик Генри пятнадцать лет не видел земных звездолетов, но не забыл очертания Кораблей, на которых летал его отец.

Его отец жив! Он снова встретится с ним. И со своим другом Джоном и его отцом. Генри все еще не мог поверить в это…

Два корабля медленно сближались, вращаясь вокруг оси. Наконец они притянулись магнитами и произвели стыковку. Путем вращения на кораблях создавалась гравитация. Но звездолеты Земли вращались по часовой стрелке, а звездолёты Кэзо — против. Поэтому корабли стыковались носами, где гравитация не играла роли.

— Когда вы ступите на борт земного звездолета, вы станете Победителями, — сказал офицер-кэзо.

Генри согласно кивнул вместе с остальными. Все это приключение было для него полной неожиданностью. Подумать только, всего несколько дней назад он был готов бунтовать против Властителей — и вот результат: он избран кэзо для управления их планетой!

Вероятно, те же чувства испытывали остальные пассажиры. Их было около пятидесяти. Всего лишь один из, двадцати ежегодных обменов.

Итак, звездолеты состыковались. Возле открытого люка встал кэзо. Состояние невесомости не повлияло на его форму: он выглядел свежим и аккуратным.

Появился офицер-землянин. Они обменялись рукопожатиями и разошлись. Кэзо махнул рукой, и первый новобранец-землянин вскарабкался к люку. Навстречу ему через тот же люк вышел юный кэзо. Земной новобранец, соблюдая церемонию обмена, отсалютовал ему:

— Властитель!

Кэзо поблагодарил его, слегка растерявшись. Потом землянин пересек границу.

— Победитель! — приветствовал его первый кэзо из очереди к люку.

Генри видел лишь затылки покидавших корабль. А вскоре и ему пришлось выполнить ту же церемонию: он приветствовал кэзо, тот приветствовал его.

Наконец все новобранцы оказались на борту земного корабля. Шлюзы были задраены, и звездолеты разошлись. Свершилось!

Капитан-землянин провел их в центральный отсек, где было довольно тесно.

И тут их ждала неожиданность.

— Мужайтесь! — сказал капитан. — Мы летим не на Кэзо.

Дик похолодел. Неужели этот обмен — ложь? Форма истребления инакомыслящих?

Капитан догадался об их сомнениях.

— Нет, вас не предали. Система действительно такова, как вам объяснили. И ваше правительство кэзо выбрало вас для этой почетной миссии. Но с тех пор кое-что изменилось. К Системе присоединился третий мир.

«Пирог» надо делить теперь на три части!

Генри никогда не думал об этом, но очевидно, что Система, пригодная для двух, должна сработать и для трех миров.

— Вы узнаете все подробности через несколько недель, — продолжал капитан. — А сейчас — всего лишь предварительное ознакомление. Мы — Кэзо и Земля — создали могучий космический флот для исследований и обороны. Один из наших патрулей неожиданно наткнулся на сферу чужого влияния. Но объединенные силы Земли и Кэзо превосходили силы третьего мира. А достижения нашей, объединенной техники давали нам особые преимущества. Юне были вынуждены начать переговоры, — он улыбнулся.

По рядам новобранцев пробежал шопот.

— Но если вы не могли разбить их… — раздался чей-то голос.

— Мы не стремились к этому. Мы просто объяснили им преимущество нашей Системы. Земля и Кэзо многого достигли за последние пятнадцать лет. Фактически, если бы не это, мы не смогли бы превзойти Юне. Их наблюдатели отметили это. Так что планета Юне готова к сотрудничеству.

Один из новобранцев поднял руку.

— Сэр…

— Зовите меня «Победитель Смит». Вам надо привыкать к традициям. Все офицеры — Победители.

— Победитель Смит…

— Вы хотите спросить, почему мы должны доверять юне? Ведь они новички в Системе и присоединились к ней под нажимом?

Новобранец кивнул.

— Может быть, кто-нибудь знает ответ? — спросил Смит, оглядывая сидящих.

Генри поднял руку.

— Победитель, Система сама по себе гарантирует доверие. Это все равно что честно делить пирог.

— Вы — Генри, не так ли?

Тот кивнул.

— Я служил в экипаже вашего отца пятнадцать лет назад. Адмирал Генри сейчас главный Победитель Кэзо. Он очень популярен у населения. Я уловил семейное сходство и сходный образ мыслей.

Остальные удивленно посмотрели на Генри.

Тот продолжал:

— «Опасно быть искренним, если вы к тому же глупы», — он процитировал «Справочник революционера». — Но когда Система опирается на неискренность и принимаются в расчет эгоистические мотивы, доверие становится невозможным. Если мы правим Юне, а Юне правит Кэзо, а Кэзо правит Землей…

— Я не говорил вам этого, — вмешался Смит.

— Это очевидно. Ведь вы направлены с Кэзо на Юне, Победитель. Но вы же переправляете новобранцев Кэзо на Землю. Какой же отсюда можно сделать вывод?

— Ну, теперь вы понимаете, почему его отец стал большой шишкой? — обратился Смит к новобранцам. — Кэзо ведут справедливый отбор… Кто хочет закончить эту мысль?

Вызвались несколько человек, Смит выбрал одного.

— Если Юне правит Кэзо, а Кэзо правит Юне, — сказал тот, — тогда Юне в качестве самозащиты должно править хорошо. Ведь если на Кэзо будет плохое правительство, то же самое будет и на Земле и бумерангом вернется на Юне. Система продолжает работать и она абсолютно надежна.

Хорошо сказано, подумал Дик. Его мысли, выраженные другим человеком, — это уже не откровения мятежника, а официальная доктрина.

«Система абсолютно надежна». Ничто на свете не может быть абсолютно надежным. Вся его собственная жизнь наполнена случайностями и ошибками, начиная с матери, вышедшей замуж второй раз вопреки воле бабушки, и отца, который слишком много времени проводил в космосе — до чужеземного господства над Землей, которое на самом деле не оказалось господством. И «смерть» отце, за которую он получил статус Победителя… И революция, не бывшая таковой… И вот теперь его назначение на планету, о которой он услышал лишь несколько минут назад В чем еще он мог быть уверен? Ни в чем! Только глупец может верить в надежное будущее…

— А почему среди нас нет женщин? — спросил какой-то новобранец.

Смит пожал плечами.

— Это ведь только начало — так же, как пятнадцать лет назад на Земле и Кэзо. Мы не можем рисковать ими, опасность

еще не миновала.

Чепуха, подумал Генри. Средние века давно миновали, никто уже не считает женщину слабым созданием. Просто они не хотят, чтобы люди отвлекались на романтические бредни, когда миры в процессе освоения. И туземцы будут считать, что оккупация без женщин временна.

Но они не рассчитывали на женское общество и на Кэзо, так что это не имело значения. Оккупация — дело тяжелое. Лидеры Юне приняли Систему дележа, но население еще не смирилось с ней.

Генри хорошо помнил, что значит быть побежденным. Как Победитель, он должен быть снисходительным, но не питать иллюзий относительно намерений народа. Битул, практически не имел шансов выиграть. И все-таки выиграл…

В действительности оккупация Юне началась уже несколько месяцев назад. Генри был счастлив, что не попал к самому началу «завоевания». Ко времени его прибытия туземцы должны разобраться в ситуации — в той степени, в какой это позволялось им, — а может быть, даже и подчиниться ей. Этому в немалой степени способствовало распыление в атмосфере успокаивающих средств.

Каждого новобранца ждали разные назначения. Это были, естественно, низшие посты. Верх иерархии был заполнен опытными людьми, переведенными с Кэзо. Но Генри не сомневался, что повышение не заставит себя долго ждать. Переведенные сюда правители до этого пятнадцать лет выполняли аналогичные функции на Кэзо, а еще раньше служили во флоте, как его отец. Всем им было не меньше тридцати пяти и не больше пятидесяти шести лет, таковы были возрастные ограничения во флоте. К тому же перевели лишь половину Победителей; остальных вводили в курс дела оккупационные силы Юне на Кэзо. Сплошные проблемы. Генри удивлялся, как отцу удается справляться с ними.

И конечно, через пятнадцать лет все коренные властители должны будут постепенно уйти, а дело целиком перейдет в руки избранных. Но на Юне работать будет потруднее: правление землян там только начиналось. Острые грани еще не стерты.

Из космоса Юне очень напоминала Землю. Гравитация, атмосфера, климат и растительность там тоже соответствовали земным.

Но что будет, если в один прекрасный день им встретятся разумные существа, природные условия планет, которых не соответствуют земным? Как тогда их вставить в Систему?

Межгалактические войны становились немыслимы, но

оставались проблемы доверия. Бомба, изготовленная чуждым видом, взрывается так же, как земная.

Юне оказались маленькими зелеными человечками, едва достигающими пяти футов в высоту. Руки их были длинными, ноги — короткими. И те и другие обладали присосками, благодаря которым юне без труда могли взбираться на самые отвесные скалы. Их сенсорные органы были сосредоточены на голове, но в таких пропорциях, что казались карикатурой на земные. Вокруг рта шел пучок щупальцев, делая всех юне одинаково бородатыми — и мужчин, и женщин.

Увидев их впервые, Генри испугался: неужели ему суждено провести свою жизнь среди этих существ? Но он напомнил себе, что это весьма умные существа, создавшие звездолеты не хуже земных. Он вспомнил, какой странной казалась ему вначале голубизна кэзо, и как быстро он привык к ней.

Едва звездолет совершил посадку на Юне, новобранцев начали вводить в курс дела. Собеседование проводили пятеро Победителей, с каждым из пятидесяти новобранцев они беседовали по часу.

Генри был записан в последнюю группу, и ему разрешили до собеседования выйти на планету. Он провел там девять часов, изучая язык с помощью лингвистических аппаратов. К концу дня голова его начала раскалываться.

Наконец пришел его час. Генри вошел в кабинет. За столом сидел молодой офицер с аккуратно подстриженной бородой и бакенбардами.

— Победитель, меня зовут Ричард Генри. Я… — он замер в изумлении, не веря своим глазам.

— А чего же ты ещё ожидал, идиот? — спросил офицер. — Надо ж было дать тебе время подрасти и набраться разума.

— Джон!!! — завопил Генри, бросаясь к столу.

— Счастлив, что ты с нами, Дик, — уже серьезно сказал Джонатан Теллер и крепко обнял его. — Каково-то мне было покидать Землю, не сказав тебе ничего. Но ты был…

— Но я был слишком глуп, — закончил за него Генри. — Так что пришлось посылать женщину-кэзо, чтобы привести меня в чувство.

— Знаю, Сирену. А кто, ты думаешь, позаботился об этом? Твой папаша не способен на такое.

Сукин ты сын! И я оказался в самом центре революции.

— Знаю. Теперь тебе снова потребуются твои «революционные, навыки». Некоторые из нас уже утратили их, но ты пока свежохонек. Поэтому меня и послали к тебе. Нам есть о чем потолковать.

— Джон, ты пугаешь меня. Я-то думал, что придется помогать правительству Юне.

— Придется, Дик, придется! Придется тебе снова рискнуть своей глупой головой, чтобы проникнуть в среду революционеров Юне; Нам еще придется поработать.

— И у всех новобранцев такое задание?

— Нет. Но у них тоже будет своя работа.

— Ого! Значит, я смогу попрактиковаться в революции? — Верно. Теперь о главном. Ты получишь пост на Центральном континенте — должность в суде. Подробности чуть позже. Суть в том, что мы во многом зависим от туземцев. Нас мало — всего одиннадцать тысяч на всей планете. Туземцев — одиннадцать биллионов. На одного человека приходится миллион юне. Они знают этот мир лучше нас. Наш военный флот держится на орбите, и мы всегда можем уничтожить мятежников. Наши орудия наведены на их города. За каждого человека может умереть миллион юне.

— Понимаю, Джон. Даже на Земле соотношение было один к ста тысячам.

— Это не Земля, Дик. Юне талантливы от рождения. И все-таки мы должны сократить их население. Мы уже составили списки с помощью юнских экспертов. В них вошли преступники, неизлечимо больные, некомпетентные, беспомощные, беспокойные и так далее. Прежде всего нам надо-, ликвидировать пять или шесть биллионов за несколько лет.

— Но хладнокровное убийство… — …ужасно? А вот старые Победители видят в этом лишь тактическую задачу: как построить крематории, как получит удобрения. Тебя накачают наркотиками, чтобы ты пережил первые страсти, но не слишком. Ты должен сохранять разум в порядке и мыслить, как юне. Это часть твоего задания.

— Я мыслю, как человек!

— Это почти то же самое. Хочу предупредить тебя, что двенадцать человек уже погибли. Двенадцать миллионов юне арестованы. Потом были убиты еще трое — мы взяли еще три миллиона. И того — пятнадцать миллионов юне. Это не шутка. Хороший урок для них… Кроме того, мы определили большое число юне на выполнение тяжелых работ: строительство нашей базы, арктических станций, на космические форпосты. Условия там не из легких, и многие погибли. Нам даже не пришлось, особенно зверствовать. Ведь невозможно создать приличные условия в самом начале работ. По крайней мере, у каждого из них был шанс — и тот, кто уцелел, остался жить. Лучшие отобраны для огромного аппарата правительства Юне. Что ты об этом

думаешь?

— Да это настоящий фашизм!

— А ты предпочел бы, чтобы юне из-за полного истощения ресурсов планеты подохли с голоду, как могло быть и у нас на Земле?

— Нет, но…

— Контроль над рождаемостью — неплохой регулирующий механизм, но голод уже надвигался на них, когда мы пришли. Мы должны резко уменьшить численность населения..

Генри вздохнул:

— Знаю, Джон. Мне просто не улыбается быть палачом. Джон пропустил это мимо ушей.

— Так вот, ближе к делу. У нас есть основания полагать, что на Юне не всё в порядке, и нам нужен человек, который бы выяснил, в чем тут дело. Я кратко изложу тебе историю планеты и биологию юне.

— Историю и биологию! Я и понятия не имею о них.

— Поэтому ты и должен изучить их. Попутно попрактикуешься в языке.

— Ты хочешь сказать, что все это даже не переведено на английский? Чудовищно!

— Я дал тебе ключ, а ты проследил за подтекстом. В нем есть кое-что интересное. В истории юне есть странные провалы, а в их анатомии — лишние нервы. Мы считаем, что это имеет отношение к создавшемуся положению.

— И откуда же всё это я должен почерпнуть? Я ведь совсем не знаю планеты!

— Верно. Ты еще не привык к критериям Победителей. — Это безумие, Джон.

— Безумие… Рад, что ты напомнил мне. В их языке есть что-то не совсем нормальное. Нет, он универсален, вся планета говорит на одном языке. Но есть в нем слова, которые не понимают даже сами юне.

— В собственном языке?

— Одно из таких слов — «мингх». Оно должно иметь какое-то важное значение, потому что часто встречается в их древних рукописях. Но никто не знает, что оно означает.

— Мингх, — повторил Генри. — Это становится интересным…

Джон поднялся.

— Мы не сможем с тобой видеться часто, я работаю на другом континенте. Но ты и сам имеешь голову на плечах.

Глава 8

Через несколько недель Генри получил письмо с Земли. Он схватил его с почти лихорадочным облегчением, радуясь тому, что может на время отвлечься от языка юне и от их загадок.

Письмо было от Сирены.

> «Дорогой Ричард. Я знаю, что не должна говорить тебе это, но обстоятельства вынуждают меня: ведь мы никогда больше не увидимся… Домина была возлюбленной Битула, но ей сказали, что он погиб, и она перенесла свою привязанность на того, кто ближе всех был к нему в момент „смерти“. Таков обычай кэзо, хотя мы редко говорим об этом. Поэтому она убила себя, а я была только поводом. Так что я не виню себя за ее смерть, хотя мне и жаль, что все так случилось…»

Генри прервал чтение. Это было отнюдь не радостное письмо. Никаких предисловий, ничего, кроме строгого анализа ситуации, мало касающейся его лично. Да, кэзо не походили на людей…

> «Я потеряла родителей, и Домина привела меня к Победителю Генри. Он вырастил меня, как ровесницу своего сына. Думаю, он много и плодотворно работал на благо Кэзо и мне хотел только добра. Но многого не понимал. Как инструмент в проведении политики землян на Кэзо, он был ответственен за убийство моих родителей. Я должна была бы ненавидеть его, но, как и Домина, я увидела в нем то, что ценила в своих соотечественниках, хотя он и не был кэзо. Она смотрела на него, как на супруга, и погибла, разрываясь между чувством и разумом. Но он вряд ли понимал это, видя в ней лишь возлюбленную Битула. Я относилась к нему, как к отцу. Это он мог понять и принять, так что у меня не было никаких проблем. Проблемы возникли позже…»

Он снова прервал чтение и попытался представить себе кэзо в роли своего отца. Например, Битула. Да, он может понять ее… Но зачем она пишет все это сейчас? Ведь для нее все кончилось благополучно.

> «Когда я встретилась с мужчиной моего возраста, пережившим те же потери, что и я, носившим имя моего

благодетеля и обладавшим его качествами, я поняла что должна была испытывать Домина. Моя ненависть к Победителям исчезла еще раньше, благодаря тому, что я много лет находилась под влиянием благородного человека, и кроме того, я внезапно стала Властительницей. Поэтому все, что произошло тогда в отеле, было не испытанием кандидата на должность Победителя, а всего лишь проявлением моей тоски. Женщины-кэзо на самом деле не позволяют себе делать мужчинам предложений вроде тех, что делала я. Но мы с вами по-разному понимаем друг друга, а остальные люди не производят на меня такого впечатления. Пожалуйста, не обижайтесь на мои слова, но я испытываю к вам те же чувства, что Домина испытывала к вашему отцу. Я люблю вас.

Однако я не умру от этого».

Генри долго сидел и вертел письмо в руках. До него с трудом доходили даже самые простые фразы. Ужас, который он ощущал от того, что делали люди на Юне, соединился в нем с шоком, полученным от письма. И неизвестно, что отвергалось им больше — геноцид, проводимый землянами на планете, или смешанные браки. Он оказался как бы на двух фронтах, но это, как ни странно, помогло ему справиться с обоими.

Здание суда производило впечатление: Витые колонны поддерживали массивный свод и крышу, украшенную мраморными статуями. Материал, из которого были сделаны пол и стены, отражал звуки по всему зданию: казалось, что разговаривающие в дальнем углу находятся рядом.

Генри занял почетное место за судейским столом. Он не руководил церемониалом, а просто наблюдал за ним. О деталях заботился судья-юне.

Генри не носил никакой специальной формы, у него не было ранга или звания. Он был человеком — и этого достаточно.

Он понимал, что нынешнее его назначение должно помочь ему приобрести навыки в управлении разумными существами. Оно было временным. Настоящая работа ждала его впереди. Но для себя он решил, что должен все делать тщательно, не брезгуя мелочами, ибо ничто не может быть мелко там, где речь идет о жизни и смерти.

К столу суда подошел первый туземец. Генри нажал кнопку, и перед ним на экране появилось досье на юнском языке. Чтение давалось ему пока с трудом, но английский язык был засекречен и перевод исключался.

«Дело № 1. Воровство.

Изложение: взял буханку хлеба с прилавка; съел ее во время бегства».

Генри не мог поручиться, что понял все дело дословно, но главное он уловил.

Он нажал вторую кнопку и получил детальную расшифровку — как задержанный мялся, ничего не покупая, как схватил булку, когда другой покупатель на секунду закрыл его, как бежал, пытаясь спрятать хлеб, как ел его и как потом был арестован, не оказав сопротивления.

Здесь были также показания хозяина, покупателя, полицейского и двух свидетелей.

Вопрос: «Почему ты сделал это?»

Ответ: «Я был голоден».

Заключение врача: «У задержанного имеются, симптомы истощения».

Справка из благотворительной организации: «Задержанный, будучи дееспособен, не подлежит содержанию за государственный счет».

Справка из органов трудоустройства: «Задержанный не имеет высокой квалификации. Выполнял обязанности разнорабочего. Проработал в общей сложности пять месяцев».

Итак, задержанный был без работы и голоден. Его общество не предоставило ему возможности для благосостояния — или же он упустил ее. Он вынужден был голодать или красть пищу.

Генри нажал третью кнопку.

Рекомендация: «Устранение».

Судья-юне ждал решения Генри. Им предстояло разобрать еще много дел — в среднем одно в минуту, иначе суду придется работать Дополнительное время. Он должен либо вмешаться, либо позволить отправить арестованного в камеру смертников.

Случаи, был кристально ясен, а население надо сокращать. Задержанный виновен. Хотя бы в том, что явно некомпетентен: неспособность или нежелание получить квалификацию привело его к данной ситуации. Земное правительство сделало образование доступным для всех, но никого не принуждало получать его должен ли Генри спасти это существо, выхлопотав ему помощь, или утвердить приговор? Пожалуй, это не повод для проявления великодушия, тут нужна объективность. Интересы

планеты требовали, чтобы задержанный был уничтожен.

Сердце Генри упало, но он нажал кнопку и сказал по-юнски:

— Рекомендация принята. В дальнейшем все рекомендации считаются принятыми, если нет вмешательства с моей стороны. Продолжайте!

Так и пошло. Генри мог буквально спать на работе — суд действовал без заминки. Генри не вникал в страшные детали. Он умывал руки.

Начался рассмотр очередного дела. Генри нажал кнопку.

> «Нарушение комендантского часа. Подсудимый задержан на улице за пределами своего района».

В документации указывалось время и место, а также объяснение, данное задержанным: он не знал, который час. Это была явная ложь, так как к этому времени становилось темно, и подсудимый не мог не заметить этого. Генри подтвердил «устранение». Еще один юне вошел во врата смерти. Он был поставлен на пол своими присосками, и страж острым, как игла, копьем проколол их — первую, вторую, третью, четвертую… Теперь задержанный не мог быстро передвигаться, а значит, и убежать.

Дело № 3 заключалось в покушении на права других. Задержанный вторгся на пять дюймов на общественную территорию, чтобы установить большой телевизионный экран. Это помешало свободному проходу. Соседи возмутились и вызвали полицию. Рекомендация — устранение.

Генри промолчал. Он никогда не симпатизировал субъектам с антисоциальными наклонностями. Проход должен быть свободен для всех.

В первый день суд рассмотрел пятьсот дел. Генри не вмешался ни в одно. Аппарат юне работал отменно. Четыреста девяносто семь закончились «устранением», два были направлены на доследование, одно оказалось следствием человеческой ошибки. Стандартное наказание было жестоким, но отвечало целям землян. Если же оставлять в живых воров и убийц, то придётся уничтожать честных граждан. Вот это действительно вызовет возмущение.

Ночью Генри пришлось принимать снотворное. Но даже во сне ему явилась бесконечная вереница зеленых человечков, идущих к гильотине.

И на второй день было рассмотрено; пятьсот дел без его вмешательства. Но он не спал.

А на третий день понял, что суд как бы забыл о его существовании. Он внимательно слушал каждое дело, однако со

стороны могло показаться, что он клюет носом. Случай доказать, что это не так, скоро представился.

> Дело № 335. Неуважительное замечание в адрес Победителей.

Генри насторожился. Такое нельзя пропустить.

> Утверждение подсудимого: «Победители однополы, поскольку у них нет женщин».
>
> Рекомендация: «Устранение».

Он быстро прочитал полный текст:

> «Если бы я работал в космосе без женщин своего вида всю жизнь, то мне пришлось бы стать гомосексуалистом. Я думаю, что Победители должны испытывать то же самое».

Обреченного уже вели к выходу. Сопротивление не спасло бы ему жизнь, а наказанием за него могло стать устранение всей семьи.

Генри нажал на четвертую кнопку.

— Остановите задержанного.

Его слова словно ударили судью электрическим током. Все зеленые головы повернулись к Генри, а осужденные замер.

— Судья, прочтите вслух полное определение. Судья зачитал приговор.

— Пересмотрите вердикт.

— Победитель Генри вмешивается — немедленно объявил судья. — Дело прекращено!

— Нет, — мягко сказал Генри, — я не вмешиваюсь. Этого юне надо судить честно. Пересмотрите вердикт.

— Факт несущественен, — сказал судья. — Дело будет направлено на доследование.

— Нет, — повторил Генри.

По комнате прошел шумок. Он сразу же смолк, как только Генри обвел взглядом присутствующих.

— Чего же вы хотите, Победитель? — спросил судья.

— Клерк! — позвал Генри, и тот весь обратился во внимание. — Пишите определение для следствия над этим судьей. Обвиняется в невнимании к деталям. Нанесён ущерб процедуре суда. Виновен в формальном подходе к делу № 335 настоящего дня.

Клерк поднес досье почти к самому лицу и нацарапал на нем

свою подпись. Два стража подошли к судье и надели на него кандалы, а на место судьи сел его заместитель.

Генри повернулся к осужденному.

… — Вы говорили это? То, что записано, в вашем деле?

— Да, Победитель.

— Почему же тогда вы ответили суду «не виновен».

— Я не считаю, свои слова оскорбительными, Победитель.

— Но смысл их достаточно ясен и полон презрения к людям.

— Да, Победитель.

— Не говорите мне «да, Победитель», когда я произношу заведомую ложь! — проревел Генри. — Вы можете умереть, но ваши родственники останутся жить, если будете отвечать честно. Я хочу услышать правду.

Щупальца юне извивались.

— Победитель, я говорил, как сказано в деле. Это мое личное мнение, и оно отражает уже упомянутое к вам отношение. Я считаю, что такова ситуация, в которой вы оказались. Я пытался выяснить истину. Это в самом деле должно быть так.

— Только не тогда, когда контакты между Победителями сводятся к административной деятельности и совершаются публично, — сказал Генри, — Действительным злом были бы смешанные браки между Победителями и женщинами-юне. Вы согласны?

— Да, Победитель.

Внезапно Генри понял, что он сказал это, как бы отвечая на письмо Сирены, которое не мог забыть.

— А может быть, вы попросите правительство ввезти на планету земных женщин? — спросил Генри, зная, что этот вопрос потрясет юне. Ведь такая акция означала бы колонизацию.

— Я предпочел бы, чтобы вы ушли на свою планету.

Генри улыбнулся.

— И я хотел бы этого. Но мы должны выполнить здесь свою работу, необходимость которой вы скоро поймёте… Однако я могу дать вам еще одно объяснение. Все Победители, направленные на вашу планету, снабжены препаратами для подавления сексуальных рефлексов. Так что нам не приходится особенно страдать. И вы поступили бы так же, если бы оказались на моем месте, — Генри устало улыбнулся и обратился к суду: — Личное мнение само по себе не является оскорблением, особенно если оно основано на общепринятых фактах! Мы рассчитываем за время своего правления ввести полную свободу слова и печати. Мнение же подсудимого было записано без его ведома и неверно истолковано. Это двойное нарушение его прав. Я вмешиваюсь не ради его пользы, но ради справедливости. Дело будет направлена

для пересмотра в другой суд.

Генри знал, что спас жизнь юне. И повысил уважение туземцев к своему мнению. Пройдет немало времени, прежде чем другой судья попытается протащить подобное несостоятельное обвинение. Новый судья постарается быть внимательней к подсудимым.

Поток дел не ослабевал. Генри, несмотря на свое отвращение к этому процессу, стал постепенно привыкать к нему. Он убедил себя, что все приговоренные юне могли умереть от болезней, голода или войны. Теперь же, когда земное правительство взяло власть в свои руки, лучшие представители вида выживут, уцелеет животный и растительный мир.

Он завершил свое образование в языке, истории и анатомии юне и перед ним, пока еще неясно, замаячила идея о связи загадочного нерва, ведущего в мозг юне, со словом «мингх» и странностями их истории. Но пока все казалось столь смутным, что он не стал сообщать о своем открытии Джону и начальству.

> «Дорогая Сирена.
>
> У меня трудная работа. Я надзираю, за судом, рассматриваю дела и вмешиваюсь, если нахожу ошибку или небрежность. Мне не нравится эта работа, но ничего не поделаешь: я должен доказать свою способность к будничной работе, прежде чем меня допустят до большой политики…»

Неплохо. Надо быть осторожным, чтобы она не поняла, что он находится не на Кэзо, д в третьем мире. Дик не собирался лгать ей, но письмо должно носить самый общий характер, чтобы цензор не смог отослать его обратно.

Он пока не, знал, как ответить на ее признание, но должен был это сделать.

Генри попробовал сменить тему:

> «Однажды я наткнулся на случай неправильного обвинения.
>
> Судья не понял моего протеста, и поэтому пришлось подвергнуть суду его самого. Теперь я думаю, что был слишком жесток нему, но это было мое первое вмешательство. Через десять дней мне встретилось другое дело: подсудимый обвинялся в нарушении супружеской верности. В расчет были приняты лишь показания женщины. Я направил дело на доследование, и оно вернулось совсем в другом виде. Все было наоборот. Вы, женщины, всегда стараетесь…»

Нет, она сразу поймет, что за этим кроется что-то другое. Да и на Кэзо, скорее всего, не бывает таких проблем. Ну почему, почему никогда нельзя сказать правду?! И он зачеркнул последние строчки.

«Я приказал следить за подсудимым, которому спас жизнь.

Мы проверили все его контакты и проанализировали их на компьютере. В основном они были легальными — с родственниками и друзьями. Но один контакт мы нашли крайне подозрительным. Мы арестовали его — и что же? Он оказался не туземцем, а кэзским шпионом с измененной внешностью — по имени Наксто».

Он снова зачеркнул последний абзац. Черт бы побрал эту секретность!

«Похоже, ваши люди хорошо следят за ними. Наксто был очень похож на туземца, но, конечно, не мог перенять их формы полностью, и не мог, как это делают они, ходить по потолку. Мы отпустили его, но я сказал, чтобы он не терял меня из виду: то, что я могу открыть ему, имеет отношение не только к Земле, но и к его планете, где правят юне. Он согласился…

Но наш анализ дал кое-что еще. Мы нашли некоего Поро. Вероятно, это один из „казненных“ при прежнем режиме, перед самым покорением планеты. Но, считаясь мертвым, он на самом деле жил под другим именем. Множество юне могут жить таким образом. Однако все это пока лишь мои домыслы. Я должен многое проверить. Так как здесь небезопасно, я хочу сказать тебе, что…»

Он разорвал и сжег свое$7
Генри написал:

«Дорогая Сирена.

У нас с тобой много общего. Мой отец вырастил тебя, и ты стала моей сестрой. Я тоже люблю тебя.

Твой брат Ричард».

В таком виде письмо и было отправлено.

Глава 9

Это был район на окраине города, похожий на такие же районы земных городов. Всюду сновали ребятишки, появляясь и исчезая в извилистых туннелях «термитника» — главного обиталища юне. Их присоски действовали совершенно бесшумно. Человек мог спокойно обогнать их на ровной поверхности, но на наклонной у него не оставалось ни одного шанса, а перед стеной он и вовсе пасовал.

Генри предвидел, что его приход сюда вызовет волнение и недовольство. Любой туземец мог набросить ему на шею удавку и затянуть ее. И многие не преминули бы это сделать. Тысячи их родственников прошли через его суд. И хотя он появился здесь впервые, страх, посеянный однажды, трудно преодолеть. Только один вид человека приводил юне в трепет, как на Земле вид палача приводит в трепет преступника. Одни постараются избежать с ним встречи, другие — наоборот. Руководителям общины придется сдерживать многие горячие головы. Он рисковал, идя сюда в одиночку. Правда, юне знали, что за его жизнь могли поплатиться жизнью миллионы их сородичей, и это уменьшало риск.

Однако все это бледнело по сравнению с тем, что он намеревался сделать…

Из туннеля вышел мужчина в форме хранителя порядка,

— Победитель! — приветствовал он Генри.

— *Я* ищу Поро, — сказал Генри, называя имя, которое, по предположению юне, он знать не мог.

— Я не ослышался? — спросил юне после паузы. — Какой номер жилища вам нужен?

— Поро на нелегальном положении, и вы это прекрасно знаете. Я не собираюсь его арестовывать, я хочу только поговорить с ним.

Снова пауза. Юне не хотел оскорбить Победителя, медля с выполнением приказа, но выполнение его было бы подтверждением присутствия Поро в этом жилище.

— Лучше я позову того, кто осведомлен более, чем я.

— Нет. Немедленно ведите меня к Поро!

Если, дать юне время опомниться, они сумеют перехитрить его.

— Но наше жилище не приспособлено, для вас, Победитель!

Генри знал кое-что о здешних правилах, открывающих посланнику путь во вражеское жилище.

— Я клянусь зеленой кровью, хотя моя красная! Вяжите меня,

ослепите меня — но только ведите меня, иначе я уйду оскорбленным… Наш разговор останется между нами.

Он вынул принесенные с собой зеленую повязку и ленту. Клятва не могла оспариваться, если произносилась чужеземцем.

— И даже в этом случае ваша жизнь…

— Знаю. Но разве меня считают нечестным человеком? Я уверен, что и Поро благороден.

— Если вы умрете, район уничтожат.

— Юне завязал ему глаза и обмотал ленту вокруг тела. Присоски не годились для такой работы, и юне орудовал щупальцами. Вокруг собралось множество его сородичей, которые уже не боялись «слепого» Генри.

Наконец его подняли и понесли на коротких пластиковых канатах, привязанных к ленте. Генри попытался определить, где его несут. Этому помогали звуки шагов и эхо. Они прошли вниз по туннелю, потом взобрались по вертикальной стене. Насколько высоко, он не мог определить.

И снова, они оказались в туннеле, прошли несколько «комнат» и по_ извилистому ходу принялись спускаться вниз.

— Нам необходимо обыскать вас.

Полдюжины присосок ощупали и обыскали его. Затем кто-то сказал:

— Флюоро.

Генри кивнул. Флюорограф покажет, что он ничего не прячет внутри тела.

— Там что-то есть, — сказал тот же голос. Он совсем забыл!

— В детстве я потерял несколько зубов. Они заменены металлическими. Не опасны.

— Деталационный луч?

Генри кивнул. Юнский деталационный луч выявлял почти любое взрывное или радиоустройство.

Генри ощутил его Теплоту, зубы моментально заныли…

Значит, они поверили его клятве. Он поклялся не выдавать их секреты и не выдаст.

— Ничего нет, — констатировал техник. Носильщики снова подняли Генри, все еще не снимая с глаз повязки, хотя он и выдержал проверку. Потом они, казалось, шли по потолку, потом опустились вниз.

Наконец они усадили его и сняли повязку. Генри ожидал увидеть пещеру, но перед ним были шикарно обставленные апартаменты — на юнский манер, конечно. Тут высились даже трапециевидные колонны, а кухонное оборудование прикреплялось к одной из стен присосками, подобными тем, что были у юне на теле. На другой стене висела одежда, третью

занимали книги. Ни телевизора, ни радио. Освещение давали газовые лампы. При более тщательном осмотре комната уже не казалась столь современной. Сплошная сеть жилищ могла содержать до миллиона таких комнат, и никто не мог бы найти именно эту, если ее не было на карте юне. А там ее наверняка не было.

Поро оказался молодым и здоровым юне, у него был вид прирожденного революционера. Генри вспомнил, каким был сам год или два назад.

— Победитель оказался умнее, чем мы думали, — сказал Поро, медленно произнося слова. Видимо, он считал, что Генри плохо понимает по-юнски. — Однако я не вижу причины, по которой вы рискуете своей жизнью.

Его щупальца выразили удивление.

— Такая причина есть. Мы можем говорить откровенно?

— Это зависит от темы разговора.

— Тема разговора — измена. Щупальца зашевелились.

— Эту тему мы могли бы обсудить в другом месте.

— Тогда зовите ваших носильщиков.

— Нет. — Поро внимательно изучал собеседника. — Я осведомлен о ваших действиях в суде. Вы честны, на не станете предавать свой вид. Как и я свой.

Генри улыбнулся. Ему нравился этот мятежник.

— Существует эквивалент, заменяющий преданность виду.

— Носильщики вынесут вас наружу.

— Я не уйду.

— Это не совсем соответствует вашей клятве на зеленой крови.

— Но нарушаете правила вы. Я пришел поговорить с вами, а вы отказываетесь.

Неожиданно Поро Подпрыгнул к потолку, не на шутку испугав этим Генри. Юне влез в туннель под самым сводом и сбросил оттуда веревку, которая повисла в воздухе.

— Вы сумеете удержаться на ней?

— Если завяжу узел.

Генри ухватил свободный конец веревки, завязал узел и обмотал его вокруг себя.

Веревка начала подниматься вместе с ним. И вот он уже стоит в узком туннеле.

Потом он перелетел через какие-то каменные перегородки, веревка внезапно ослабла, и он Полетел вниз. Воздух свистел, обтекая его, он стремительно несся навстречу полной темноте…

Наконец ноги Генри коснулись твердого покрытия. Он встал.

— Сюда! — раздался в темноте голос.

Они прошли два поворота и наконец увидели свет зажженной лампы. Но это была не комната, а пещера.

— Здесь можно говорить, — сказал Поро. — Я слушаю. Генри начал с места в карьер:

— Шестнадцать лет назад планета Земля была покорена пришельцами. И до сих пор она находится под их игом.

Поро, уверенный, что готов ко всему, к этому готов не был.

Генри его понимал. И еще он понимал, что Поро не участвует в «дележе пирога». Он — подлинный революционер. Тем интереснее иметь с ним дело.

— Я был революционером вроде вас, — продолжал Генри, не давая юне времени опомниться. — Но быстро понял, что мой бунт нелеп, потому что успех революции обойдется планете гораздо дороже, чем ее неудача.

Поро оправился от полученного шока. — Я не причастен к революции. Но уверен, что **ваша** была фальшивой — ведь вы никогда не были покорены! Вместо этого вы покорили Юне. Стоило ли являться сюда, рискуя, жизнью, ради этой выдумки?

— Вы не верите мне?

— Что Земля покорена? Что победа стоила бы моему народу больше, чем неудача? — Поро очертил небольшой круг своими локтями, что означало отрицание и недоумение.

— Разве Победители управляют вами нечестно?

— Я не сказал бы этого. Конечно, допускаются некоторые ошибки, но вы честнее, чем наше правительство. Однако, наказания…

Генри все обдумал еще на Земле, поэтому легко мог разбить доводы оппонента.

— Наказания? Но может ли порядок установиться без них? Население сокращается. Нищета, голод и болезни уходят в прошлое. Кончились войны.

Поро поднял присоску.

— Я знаю все ваши аргументы! Согласен, что ваша кровавая тирания не столь плоха. Но ошибка в том…

— …что она не юнская, — закончил Генри. — Однако предположим, что ваше правительство или, по крайней мере, ваш флот уцелели и правят другой планетой, как мы сейчас правим вашей. Не сделает ли каждый для другого мира то, что не в силах сделать для своего?

— Это соблазнительная мысль. Но вы преданы своему виду и хотите уничтожить наше сопротивление.

— Я предан справедливости, миру, процветанию и выживанию моего и других видов, — сказал Генри. — Иначе, зачем бы я стал рисковать жизнью? Мне ничего не стоило без

малейшего риска усыпить это жилище.

Поро зашагал по пещере от стены к стене

— Но вы не приводите доказательств! Верить вам без доказательств, на основании одних ваших слов — это измена своему делу.

— Согласен, — ответил Генри. Вот теперь мы оба готовы к сделке.

— Никаких сделок! — раздраженно, выкрикнул Поро. По наступившему молчанию Генри понял, что Поро увяз в поисках подходящих слов.

— Хорошо, никаких сделок, — выручил он его. — Всего лишь взаимопонимание наших позиций. Либо я докажу, что я прав, и тогда вы поможете мне, либо я окажусь неправ и погибну.

— Миллион юне за одного…

— Не такая уж большая цена за светлое будущее планеты.

— Но после вас придут другие!

— Вы успеете скрыться до их прихода, — Генри попытался вращать локтями, как юне, в знак отрицания, но ему это не удалось. — Почему бы вам не переложить решение на ваших начальников? Они, разумеется, тоже могут убить меня, но тогда и ответственности падет на них.

— Я могу отвести вас к Сиай. Но если вы сумеете его убедить, зачем ему убивать вас?

— Хорошая мысль.

Они пришли к соглашению.

— Идите за мной, — сказал Поро.

— А повязку на глаза?

— Этот уровень полностью под нашим контролем. Если дорожите жизнью, держитесь ближе ко мне.

И Поро повел его холодными тихими коридорами, освещая путь газовой лампой. Это были удивительные катакомбы…

Вскоре они подошли к некоему подобию стойла, где стояли две «лошади» — зеленые животные, ноги которых были снабжены присосками с четырьмя раструбами и которые передвигались быстрее самих юне. Они были оседланы и готовы к путешествию. Поро сел на одну из них, Генри с трудом вскарабкался на другую.

Это было интересно. Аллюр животного мало напоминал ход машины. Вверх, вниз, вбок — животное не обращало внимания на неровности дороги. Оно выискивало только опору для своих ног. Поро не испытывал неудобств от такой верховой езды. Что же касается Генри, то он делал неимоверные усилия, чтобы удержаться в седле.

— Внимание, впереди опасность! — вдруг сказал Поро, натягивая узду.

Генри не знал, как остановить своего коня, но тот встал сам, натолкнувшись на коня Поро.

— Рррр, — коротко сказал Поро.

Генри вспомнил, что так назывался какой-то зверь, вроде земного тигра или медведя. Большинство диких животных Золотого века Юне давно исчезли с лица планеты, уступив место более выносливым видам, но в недоступных районах все же остались, некоторые из них.

— Он сыт, — сказал Поро. — Пусть пройдет.

Не было слышно ни звука, но вот в свете лампы сверкнули огромные горящие глаза зверя.

Рррр прошел по дальней стороне туннеля, большой и лоснящийся. Его невероятные присоски безошибочно цеплялись за стену. У него не было когтей, но клыки и огромное гибкое тело делали его страшным противником. Это был дракон. Он мог передвигаться с огромной скоростью и был достаточно гибок, чтобы проникнуть в любой туннель. На подземный мир он наводил ужас.

Но рррр не убивал, если был сыт.

— Вперед! — скомандовал Поро.

— Почему вы не хотите уничтожить их? — спросил Генри.

— И так осталось слишком мало диких зверей. К тому же они избавляют нас от нежелательных визитов. Перед тем как отправиться в путь, мы кормим их. Иногда — предателями.

«Превосходная тактика, — подумал Генри. — Революционеры знают свое дело».

Наконец они остановились и спешились. У Генри болело все тело. Это, однако, не помешало ему задуматься над вопросом, насколько отсутствие электроэнергии влияет на мощь революции, и решить, что ненамного. Земное правительство считало, что сможет заморозить подземные жилища с помощью простого рубильника, но мятежники не зависели от электричества. Наверняка, на случай революции здесь накоплены значительные запасы продовольствия и горючего.

Коридор вывел их в большую пещеру, освещенную газовыми лампами. В центре ее стояло примерно два десятка юне.

— Это Победитель Генри, — сказал Поро. — Он хочет убедить нас в том, что наша революция бессмысленна.

— Он должен умереть, — сказал один из юне.

— Но как же вы можете решать, не выслушав? — спросил Генри.

— Я — Сиай, вождь революционеров этого района! Генри вышел на середину.

— Вы принадлежите к местным жителям, но ваши имена

нигде не записаны. Под каждым жилищем есть свой революционный центр, вождь которого — единственный, кто знает других вождей, и чей районный вождь — единственный выход к вышестоящим властям. Мало кто из вас знает подлинных руководителей.

Он обвел их взглядом.

— Примите меры предосторожности, ибо я хочу опровергнуть все ваши постулаты. Ни одно слово не должно выйти из этих стен ради вашей же собственной безопасности.

— Он имеет в виду, что всей планете не обязательно знать частные тайны руководителей.

Сиай немного; подумал, потом сделал знак. Четверо юне вышли, чтобы предупредить охрану.

— Всё вы настоящие революционеры, — ! — продолжал Генри, когда те вернулись. — Вы верите, что задача юне, — восстановить юнское правительство, ибо вы ненавидите чужеземных завоевателей. Но, предположим, вам доказали, что Победителям Можно доверять, причем больше, чем вашим лидерам. Что их мотивы чище и благороднее…

— Мы верим своим вождям, — холодно произнес Сиай.

— А если я докажу, что ваше руководство стремится к такому же покорению планеты и организации Империи, которые вы приписываете Земле, и вероломно добивается этого?

— Это недоказуемо, потому что это ложь, — сказал Сиай.-? Но даже если это так, мы все равно поддержим своих против чужих.

Поро вмешался в разговор:

— Нет, я не поддерживаю вероломство или Империю; Я борюсь как раз против них.

— Он уже обратил тебя в свою веру! — презрительно скривился Сиай.

— Он честен, возразил Поро, — как и я. И я способен поддержать честного Победителя против мятежнйка-коррупционера.

— Тут явное противоречие, — возразил Сиай, но многие присутствующие юне отрицательно сжали свои щупальца. **У** них было собственное мнение на сей счет.

Генри объяснил свою теорию деления пирога.

— Итак, пусть планета А правит планетой В, а В правит С. И С правит А. У всех трех есть жестокая необходимость сократить население, устранить некомпетентность и сохранить ресурсы…

Он знал, что поколебал их. Простота этой теории была доступна любому разуму.

— Он лжет! — выкрикнул Сиай. — Он хочет убедить нас в

том, что все три мира — Юне, Земля и Кэзо — добровольно позволили завоевать себя. Ни одна планета не пойдет на это. А его слова — всего лишь хитрость, с помощью которой он хочет посеять сомнения. Чего он, кажется, и добился!

Поро пристально посмотрел на Сиай.

— Что это за название — Кэзо?

— Так называется третья планета. Он говорит, что она правит Землей.

— Он никогда не говорил ничего подобного. Кто-нибудь слышал название, которое, упомянул Сиай? — Никто не отозвался. — Тогда откуда же оно известно тебе?

И тут Генри понял, что ему невероятно повезло. Он не подстраивал никакой ловушки. Он просто, избегая называть планеты, и Кэзо тем более, выложил им всю правду. А районный вождь юне попался. И поймал его Поро.

Однако Сиай нелегко было сбить с толку.

— Мне известно, потому что мы допросили одного Победителя, — понизив Тон, сказал он. — Мы поймали его и узнали всю эту историю.

— Ни один землянин не был взят в плен, — возразил Поро. — Все они умерли мгновенно.

— Мы только так говорили. Но один из них был пленен и прожил еще день. Мы узнали от него все, а потом похоронили в камнях.

Вождь юне хитро прикрыл свою ошибку, но при этом допустил вторую, ещё более-грубую. Генри позволил Поро найти ее.

— Значит, Победитель Генри прав! Вы всё время лгали нам. Наше руководство предало нас!

Теперь всё юне окружили своего вождя. Но с Сиай не просто было справиться.

— Глупцы! — закричал Сиай. — Я лгал не больше пришельцев, а они лгали постоянно. Мы знали тайну Победителей, но хранили её, и люди ничего не подозревали.

Юнё заколебались.

— Действительно, почему вожди должны выдавать такие тайны? Обладающие информацией, неизвестной врагу…

— Земля не является вашим врагом, — вмешался Генри. — Мы скрывали это потому, что таково было соглашение между нашими флотами. Преждевременная огласка может уничтожить Систему. Если бы ваши лидеры действительно хотели уничтожить ее, им следовало бы просто разгласить эту информацию. Но вместо этого они оставили в тайне свое лучшее оружие, утаив даже от вас!

— Могут ли наши лидеры быть предателями?

— Вожди согласны с Землей?

— Это чепуха!

Раздавались самые противоречивые возгласы.

— Решайте сами, — заключил Генри. — Теперь, вы знаете, что Сиай лгал вам. Если он солгал однажды, то что ему стоит солгать еще? Задумайтесь, почему он держал эти сведения в тайне даже от вас? Ведь вы его верные соратники!

Гнев Поро разделяли и другие.

— Если среди нас нет доверия, то какая же это революция!

— Мы знаем много такого, чего нельзя говорить, — сказал Сиай. — Любой из нас, кто находится на внешнем уровне, может быть пойман и допрошен. Или переубежден!

Тогда Генри сделал последнюю решительную попытку:

— Отличная теория! Но правда в том, как вы знаете, что ваши революционеры разоблачают якобы лживость нашей позиции. На самом же деле они хорошо знают, чему служит наша Система, и поэтов ваши руководители раскинули сеть лжи, которую назвали революцией. Нет другой причины держать вас в неведении. Вожди революции сделали это для того, чтобы позволить Земле проделать за них довольно грязную работу — очистить планету, устранить перенаселенность, а потом возложить ответственность за это на «жестоких завоевателей». Они хотят воспользоваться преимуществами этой политики, которую на словах отвергают, воспользоваться народным возмущением и основать Империю!

— Клянусь зеленой кровью! — рявкнул Сиай, и окружавшие его юне мгновенно отступили.

В данной ситуации это был вызов. Вождь юне решил убить Генри, чтобы заставить сто замолчать — и никто не имел права мешать этому. Да, Генри доказал предательство Сиай. Но слова всегда слабее крови, а победа в битве всегда убедительнее победы в споре. Он не мог не принять вызов…

В данный момент Генри был не в лучшей форме. Он чертовски устал. Но он крупнее и сильнее юне и наверняка одолеет его, если борьба будет честной.

Сиай поднял руки. Двое юне осмотрели его — пользоваться оружием запрещалось. С Генри проделали то же самое. Это была первая дуэль между юне и человеком, и результат ее был непредсказуем.

Генри обучался правилам борьбы еще на родной планете — с оружием и без него. Но Битул, например, легко обезоружил его… Так что все зависело от храбрости и ловкости.

Однако на этот раз драться приходилось с юне, и многие уже испытанные приемы могли оказаться бесполезными или даже

вредными. Правда, Генри прекрасно изучил анатомию юне и надеялся, что преодолеть его будет не труднее, чем любого землянина.

Генри понимал: он должен убить или погибнуть сам. Ни то, ни другое его не устраивало. Если он убьет Сиай, оборвется единственная нить, ведущая к лидерам высшего ранга. А сорняк революции он хотел выполоть вместе с корнем. Поэтому нельзя убивать Сиай. Какой же выход?

Он не успел ответить на этот вопрос. Сиай пошел на него. Скорее всего, он понимал состояние Генри, ибо совершенно не выказывал страха, которого Генри в тайне ожидал от него.

Генри шагнул навстречу, схватил Сиай за руку и попытался вывернуть ее. Прием не сработал. Оба рухнули на пол

Сиай мгновенно выпрямился. Его ноги присосались к полу, тело изогнулось, что дало ему некоторое преимущество.

Он прыгнул. Одна из присосок несильно задела голову Генри. Он стряхнул ее и встал. Хорошо, что Сиай не догадался захватить его руку, пока обладал преимуществом. Видимо, он судил по себе: ведь у юне суставы изгибаются в любом направлении и не чувствительны к захватам. Так что Сиай тоже был рабом привычки.

Слабый удар по голове — что он мог означать? Генри думал об этом в тот миг, когда наклонился и ударил юне по колену. Безрезультатно, колено прогнулось без всякого вреда. Присоска на его голове… Конечно же, она не пристала из-за волос, которые помешали создать, вакуум! Но на лысой голове присоска удержалась бы, и тогда Сиай мог наклонить его голову, чтобы обнажилась шея. Страшный прием! Завладев головой противника, юне может разбить ее о пол или о стены — вот к чему стремился Сиай! Их привычки тяготели над ними.

Но опытный борец легко исправляет свои ошибки. А Сиай, несомненно, был опытен, иначе не оказался бы на столь высоком посту и не осмелился бы вызвать на поединок Победителя. И еще он был уверен, что обладает преимуществом. Но каким?

Рывки бесполезны. Ни к чему выводить юне из равновесия. Отпадают захваты рук и ног. Но удары, и зажимы нервных узлов могут оказаться полезными. Человек более приспособлен для нанесения ударов, чем юне, он может бить сильно и быстро.

Сиай тоже сделал передышку, обдумывая ситуацию. Теперь он знал, что попытки захватить голову Ни к чему, не приведут. Какова будет его новая тактика?

Сжав кулаки, Генри двинулся на Сиай. Голова — это слабое место у любого разумного существа, в ней мозг и органы восприятия. Несколько хороших ударов по ней и…

Но голова Сиай легко откинулась при первом же ударе. А сам Генри потерял равновесие и упал. Тогда Сиай перегнулся, его руки ухватились за пол, а ноги взлетели вверх — несложное упражнение для существа, у которого всегда тесный контакт с поверхностью.

Генри, оказавшийся в этот момент на четвереньках, был прижат юне. Он попытался, подняться, но присоски намертво прикрепили его к полу. Стало ясно, что будет нелегко освободиться от такой хватки.

Генри резко приник к полу, рассчитывая вылезти из-под юне, но Сиай опустился тоже, еще плотнее прижав его к полу. Генри изо всех сил ударил по присоскам, но те не поддались.

Внезапно Сиай оторвал одну руку от пола и захватил ею шею Генри, а ее присоска полетела к другой руке Сиай. Теперь он мог держать Генри, сколько хотел.

Генри попытался перевернуться на спину. Захват еще не был смертелен, Сиай пока не душил его. Но скоро начнет. Попытка не удалась.

Он попытался ударить по глазам противника, но тот отклонился, и рука Генри пронзила пустоту.

Однако он не сдавался. На голову юне обрушился град ударов тяжелого кулака. Хотя позиция и была не слишком удачна, но цели своей Генри достиг. Сиай выпустил его.

Вскочив, юне моментально выпрямился. Генри тоже вскочил и снова сжал кулаки. Но Сиай не стал дожидаться новых ударов — он отбежал и прыгнул на стену.

Признал ли он свое поражение? Генри не мог за ним следовать, а бегство Сиай могло нанести больший вред чем его смерть.

Генри все-таки бросился за юне и попытался схватить того за голову, но в его руках осталось только одно из щупалец. И тут руки Сиай коснулись лица Генри и прилипли к нему. Раструбы присосок хватались за нос, щеки, брови, шаря в поисках наиболее уязвимых мест. Воздух уходил в клапаны в центры присосок — сцепление усиливалось.

Над Генри нависла серьезная угроза. Надо было действовать мгновенно. Он схватил руки Сиай, резко рванул их, пытаясь оторвать от лица, и повис на юне. Нестерпимо заболел глаз, когда юне попытался вытащить его из глазной впадины. Генри изо всех сил выкручивал в это время руки своего неприятеля.

Подтянувшись, он ударил Сиай обеими ногами по торсу и одновременно дернул его вниз. Но присоски уже отпустили голову Генри и, не вцепись он в руки Сиай, возможность грохнуться спиной на пол стала бы реальностью — ощутимый

удар о стену в расчет не принимался. Но он не выпустил юне, тут был важен не столько вес, сколько угол, под которым они висели. Тело Сиай изогнулось невероятным образом, и теперь все его четыре конечности были заняты — две ноги присосались к стене, а руками завладел Генри.

Все это время остальные юне просто наблюдали за схваткой. Повиснув на стене, Генри скользнул по ним взглядом и снова ударил по животу Сиай. Да, бить он умел… Пять юне справа, шесть слева, две группы по три и четыре юне в середине, и еще один поодаль. Девятнадцать…

Сиай старался подтянуть руки Генри к своим щупальцам, но тот, увернувшись, сумел избежать этого.

Девятнадцать? До поединка их было двадцать. Он автоматически пересчитал их тогда…

Внезапно Сиай отпустил стену. Генри вовремя сообразил, что означает свист впускаемого в клапаны воздуха, и изо всех сил оттолкнулся от стены. Они полетели вниз.

Генри упал сверху.

Гибкое тело юне хорошо выносило толчки и изгибы, но не обладало твердым скелетом землян. Падение, которое для человека, в худшем случае, закончилось бы несколькими сломанными ребрами, для Сиай обернулось плачевно. Тело его обмякло, на губах запенилась зеленая кровь, легкие были раздавлены…

Но Генри это уже не волновало.

— Среди вас был доносчик! — крикнул Генри. — И он исчез!

— Тве, — подтвердил кто-то. — Он стоял за мной.

— Его необходимо поймать! Стража! — приказал Генри.

— Ничего не выйдет, — покачал головой Поро. — Он удрал слишком давно.

— Все равно его надо найти! Оцепите район! На карту поставлена судьба планеты!

Никто не пошевелился.

— Это место предназначено для ухода от погони, а не для ее организации, — сказал Поро. — Здесь нельзя поймать никого, если у него будет фора хотя бы в сто шагов. Легенды гласят, что тут, по крайней мере, тридцать тысяч различных путей и множество тайников. Никто из нас не знает всего лабиринта. Мы знаем лишь свою дорогу через него.

Настроение Генри резко упало. Он понял, что все потеряно: известие о нем дойдет до главных мятежников — и очень скоро.

Глава 10

— Почему это так волнует тебя? — спросил Поро. — Им не нужна твоя тайна, потому что они ее уже знают. И они не смогут остановить нас, если ты захочешь, чтобы мы оповестили о ней все жилища.

— Нет! — крикнул Генри. — Это должно оставаться в секрете! Я совершил измену, рассказав обо всем вам, и за это меня могут казнить свои.

— Мы поможем тебе во всем. Ты доказал, что наши вожди лгали нам, что Победители желают добра нашему народу. Ты победил в схватке. Наша революция кончилась!

— Нет. Если я прав, она только начинается.

— Начинается?

— Я пришел к вам сюда для того, чтобы проверить одно подозрение. Кое-что подтвердилось, но не все. Ваши вожди будут действовать быстро, поэтому вы должны мне помочь узнать все остальное.

— Охотно, — согласился Поро. — Но что именно?

— Первую часть я почти выяснил. Но Сиай умер и не может подтвердить этого. Поэтому используем ваше умение мыслить. Зеленая кровь, как я понимаю, этому не помеха.

Поро за вращал локтями.

— Вы не похожи на других Победителей. Вы проявили такие способности, раскрыли истину…

— Подумайте, как бы вы поступили, чтобы уничтожить Систему дележки пирога, если бы знали о ней заранее?

— Я бы просто не стал присоединяться к ней, если бы не одобрял её.

— Даже если бы вас принуждали к этому два звездных флота, превосходящих по мощности ваш? Что бы вам оставалось делать?

— Я знаю, что сделал бы старый король Брф, — сказал один из юне. — Он присоединился бы, но временно.

— Король Брф?

— Наш бывший монарх, — объяснил Поро. — Он кончил жизнь самоубийством вместе со своей свитой, когда земной флот объявил нам ультиматум. Взорвал дворец и вею его библиотеку.

— В книги по вашей истории это не попало, — сказал Генри. — Но мне кажется, что это разумно. Так и должен действовать настоящий король.

— Изучать слабости врага и укреплять свою мощь, — сказал другой юне, — пока не настанет время действовать.

— Верно! — согласился Генри. — Но такая политика требует

оккупации Юне. Какая же мощь может быть укреплена в таких условиях?

— Оккупация будет лишь временной. Надо скрыть свою реальную силу от пришельцев. Пусть Победители их ни в чем не подозревают, а тем временем подпольное правительство подготовит резервы…

— Но зачем держать все в подполье? — воскликнул Поро. — Создавать тайную организацию, члены которой не знают истинного положения дел…

Его внезапно прервали:

— Брф жив! — крикнул другой юне. — Вот так он и действует! Действительный вождь нашей революции.

— Так я и думал, — кивнул головой Генри. — Когда-то я сам стоял под началом вождя, который оказался персонажем из старой пьесы. У вас, по крайней мере, есть настоящий хозяин.

— Король мог послать на Кэзо лишь избранных, — предположил Поро. — Сделать это было нетрудно: Победители целиком зависели от юне и не могли войти в наши жилища без разрешения. Мы уничтожили много своих, не вникая, почему наши вожди приказывали сделать это. Если они хотели честно служить Системе…

— Только ставленники короля могли пройти отбор, — добавил другой. — Абсолютно лояльные Победителям, пока не отзывались на Кэзо.

— Значит, вы собираетесь контролировать две планеты, — сказал Генри. — Вашу собственную и Кэзо. Конечно, потребуется время, пока полностью сменится земной состав правительства Кэзо и пока подготовленные королем преданные ему кэзо займут место в правительстве Земли. Но поколения через два вы намерены править всеми тремя планетами. И без всяких потерь для себя, не считая ликвидации слабых и некомпетентных, которую проводят для вас сейчас Победители…

— И тогда будет сброшено ваше ярмо и воцарится Империя!

— Заготовлено целое правительство, которое сможет руководить планетами, — это старый король и его двор, которые вовсе не собирались погибать в развалинах дворца и чьи книги уцелели. Это правительство не будет ждать слишком долго, промедление опасно. И если честные Победители начнут что-то подозревать…

— …а честные революционеры поймут, что они борются не ради свободы, а ради продажной Империи, — тогда будет поздно.

— Брф должен был предвидеть такую возможность, — сказал другой юне. — Он дьявольски хитер и, наверняка, предусмотрел подобный оборот событий.

— Но скорая революция — через два-три года — должна встретить сильное сопротивление Победителей, — возразил Поро и посмотрел на тело Сиай. — Ведь он был лучшим борцом района… Каков конец!

— Пришельцы полностью контролируют распределение энергии на планете, — сказал кто-то. — Разве можно их свергнуть сейчас?

— Вот это я и хотел бы знать, — сказал Генри. — Согласен, что восстание должно начаться скоро, если оно, вдобавок, будет направляться королем. Но я не представляю, каким образом он собирается свергнуть наше правление. Каким секретным оружием?

— Может быть, сообща мы сможем решить эту задачу, — продолжал Генри, понимая, что уходит драгоценное время: когда доносчик Тве раскроет его планы королю, тот захочет немедленно избавиться от Генри. — Существуют ли какие-то военные стратегии юне, не указанные в книгах? Ведь многие разделы вашей истории имеют темные пятна.

— Нашу историю понять невозможно, — заметил Поро. — У нас были войны, империи, катастрофы, победы — и все без особой причины. Я часто удивляюсь, как мы сумели уцелеть вообще.

— Вы не понимаете своей же истории? — удивился Генри. — Я думал, что основы вашей философии должны в корне отличаться от нашей, иначе кое-что трудно объяснить.

— Не читайте нашу историю, это чепуха, — сказал Поро. — Мингх.

— Мингх? Что значит это слово? Оно не объясняется нигде.

— Я тоже не знаю. Просто это слово используют каждый раз, когда говорят о загадках истории и природы Юне.

— Еще один вопрос: какая тут связь с анатомией юне — с его лишним нервом? На что он способен, этот нерв?

Неожиданно в пещеру вбежал запыхавшийся стражник.

— Они идут!

Группа юне рассыпалась по туннелям. Поро вскарабкался по стене, а Генри нырнул в ближайшее подходящее отверстие и побежал по нему.

— Очень плохо. — прошипел чей-то знакомый голос. — Вы шумите на весь лабиринт.

Это был Поро.

— Извините, — сказал Генри. — Обычно я так не делаю.

— Тихо! — шепнул Поро. — Они пришли только за вами, потому что боятся вас. Но мои друзья охраняют подходы.

Очевидно, юне считали, что Генри — основная угроза планам

Империи. На самом же деле он был бессилен против них, пока… Пока не восстановит недостающего в событиях звена.

В темноте к ним подошел другой юне.

— Он производит слишком много шума, — объяснил ему Поро. — Надо убрать его отсюда, прежде чем они начнут атаку. Он не может пользоваться стенами и потолком, нам придется нести его.

— Это доставит вам новые хлопоты, — прошептал Генри. Присоска заткнула ему рот.

Потом его оторвали от пола. Потом появился свет.

— Это — враг! — сказал Поро.

Вскоре один из преследователей догнал их. Генри понял, что защищаться придется ему, поскольку конечности его носильщиков были заняты.

Враг издал громкий призывный вопль, сунув несколько щупалец в рот. Генри с силой ударил его ногой по голове. Лицо врага исказилось, и он упал.

Беглецы скользнули в новый проход Им приходилось нелегко. Генри все яснее понимал, насколько сложен этот лабиринт. Когда Поро привел его в зону, он просто не придал значения всем этим туннелям и отверстиям в потолке. Скоро они остановились отдохнуть. Юне очень выносливы — Генри убедился в этом на собственном опыте. Но соблюдение всяческих предосторожностей отнимало слишком много сил. Юне могли загнать себя до смерти.

Потом они снова двинулись в путь, но уже гораздо медленнее. Наконец они достигли конца лабиринта.

— Здесь вы в безопасности, — сказал Поро. — Шум больше не имеет значения. Можете идти.

— Постойте! — попросил Генри. — Покажите сначала, как выбраться отсюда. Это легальная территория, но я ее совершенно не знаю.

— Тут недалеко есть подъемник, который доставит вас на поверхность, где вам ничего не угрожает

— Нет! — внезапно заявил Генри. — Я чуть было не позволил своим эмоциям взять верх над разумом. Моя миссия еще не завершена. Мы узнали, что революция предана и что это вовсе не революция, а заговор хитрого короля Брф. Но мы не знаем, где он скрывается. Более того, мы не знаем, **как** он может свергнуть земное правительство. Это может быть связано с вашей нервной системой или с провалами в истории. Я **должен** узнать, в чем тут дело — и лучше всего прямо сейчас!

— Вы благополучно выбрались из этой пещеры, но не стали благоразумнее! — в сердцах воскликнул Поро. Однако в голосе его сквозило восхищение.

— Думаю, они выступят, как только объединятся. Может быть, это и преждевременно, но у них нет другого выхода. Они считают, что Победители теперь знают все. Восстание может начаться буквально через несколько дней. И у них есть шансы на успех, если я не раскрою их секретного оружия и не уничтожу его!

— Вы настоящий революционер, — сказал Поро. — Но мы не знаем, где их штаб.

— Я не знаю и вы не знаете. Но они-то знают! Что бы они сделали, если бы поймали меня?

— Повели бы к королю.

— И если выяснится, что я не знаю нечего важного, они будут считать, что и вы не знаете. И не станут ускорять восстание. Но если они придут к выводу, что я знаю о них все, то будут действовать поспешно, даже если шансы на успех ничтожны. Они должны проверить это.

— Но это опасно!

— Что значит моя безопасность по сравнению с безопасностью Системы? Но и лично для меня риск уменьшится, если я останусь в поле вашего зрения. В случае опасности вы сумеете помочь мне.

Поро взглянул на своего товарища.

— Мы должны использовать электронный пеленгатор. Не для него — они обыщут Победителя. А для остальных. Победителя поймают сигналы, но это уже неважно. Я буду следовать за Генри, ты же передай остальным, чтобы они ориентировались на меня.

Генри коснулся щупальца Поро:

— Надеюсь, мы еще встретимся.

Сначала он старался идти как можно тише. Нельзя, чтобы враги догадались о том, что он возвращается в лабиринт, а не выходит из него. Постепенно Генри изменил свою тактику: дыхание его сделалось тяжелым, походка шаркающей и вообще он производил много шума. Скоро он и в самом деле устал, и со стороны можно было подумать, что он потерял дорогу и заблудился…

Внезапно на него свалилась веревочная петля. Генри схватил, ее конец и рванул на себя. Потом полез по ней вверх. На другом конце оказался юне. Удивленный действиями Генри, он от неожиданности попал в ловушку. Генри схватил его за руку, повис на ней, а свободной рукой что есть силы ударил юне. Тот открыл рот, потерял сцепление с поверхностью, и оба они рухнули вниз.

Падение не принесло Генри особого вреда. Но теперь на него ринулись новые юне. Генри ударил одного, пнул другого… В этот

момент, на него накинули сеть, и он был пойман.

Генри надеялся, что все выглядело вполне естественно, и что драка дала возможность друзьям установить его местонахождение.

Враги подняли его и поволокли куда-то во тьму. Ему показалось, что он слышит слабые шорохи сзади: не догадаются ли взявшие его в плен, что за ними следят, не попытаются ли расставить ловушку для Поро?

Вдали показались огни какого-то жилища. Они сели в машину — регулярное средство сообщения между жилищами. Она приводилась в движение природным газом, и ее нельзя было обнаружить с помощью детектора. Постепенно собралась толпа юне, где-то около тридцати. Некоторые были ранены, один остался без щупалец и истекал кровью. Не удивительно, что они так быстро собрались: машина приводилась в движение ими.

Юне уселись за педали, присосавшись к их поверхности. Экипаж двинулся вперед.

Командир ослабил ремни, которыми был связан Генри, и вынул кляп из его рта.

— Вы хорошо дрались, Победитель.

— А вы неплохо выполнили свое задание, Тве. Скажите — ведь теперь это не существенно — я был близок к выходу из этого ада?

— Достаточно близки. Но вы почему-то шли вовнутрь, а не к выходу, когда мы обнаружили вас.

— Это был долгий пугь.

— Ваши новые друзья могли бы помочь вам, если бы захотели. Но я думаю, что они бросили вас, как приманку, чтобы проследить за вами и выследить нашу базу.

Значит, этот вход для Поро закрыт и ему негде будет укрыться на вражеской территории. Разве что Поро сумеет проследить за их экипажем с помощью пеленгатора…

Вскоре машина остановилась, и покинув ее, все перешли на платформу. Затем юне подтолкнули пустую машину, и она покатилась вниз по туннелю. Отряд же свернул в боковой проход, где стояла другая машина — копия первой. Она была хорошо смазана и не создавала никакого шума. Скорость ее постепенно нарастала, машина шла под уклон. Жилища были вырублены в скалах ниже уровня океана.

В свое время Победители тщательно обследовали океан и ничего там не обнаружили. Куда же они направляются? Наверняка с момента исчезновения Тве до его возвращения с другими юне прошло не более получаса. Он, разумеется, мог воспользоваться радио, но это было бы рискованно.

Машина замедлила ход и остановилась. Они вошли в огромную пещеру. В ней было сухо, но чувствовался запах моря. Возможно, раньше эта пещера сообщалась с морем, но воду откачали, трещины заделали и создали секретное убежище. Правда, для этого необходимы слишком большие усилия и мощное оборудование.

Здесь не пользовались электроэнергией, хотя риск был не столь уж велик: автономная электростанция вряд ли выдала бы их присутствие. Хотя, если применить очень чувствительные детекторы, электрополе можно уловить. Отсюда запрет на электричество.

Юне сунули ему в руки фонарь. Теперь они не боялись за него — бежать было некуда. Но Генри присматривался к окружающей обстановке, прикидывал возможные варианты своего будущего побега. Нет ли здесь тонкой стенки, которую можно пробить и выйти в океан? А может быть, придется обрушить на погоню потолок? Поро умен, но слишком слаба надежда на его помощь…

Появилась искусственная стена с окованной металлом дверью, что напоминало вход в воздушный шлюз. Дверь открылась, й он очутился в тесном коридоре, на противоположном конце которого увидел вторую дверь.

Обе двери охраняла вооруженная стража,

Вскоре отряд подошел к дворцу. Полы его не были устланы коврами, стены не украшали роскошные драпировки. Зато он освещался множеством газовых ламп, установленных в нишах, и был декорирован множеством трапециевидных колонн. Несколько стен занимали книжные полки с цветными стеклами.

Генри провели в тронный зал. Монарх был здесь — старый юне с повисшими щупальцами и сморщенной зеленой кожей.

Не знакомый с придворным этикетом, Генри лишь слегка наклонил голову.

— Рад вас видеть, король Брф.

— Вы этого хотели, пришелец, — ответил король. — почему вы решили вмешаться?

— Я старался мыслить категориями продажного антинародного правительства.

Страж сделал угрожающее движение, но едва уловимым вращением локтя король остановил его.

— Кажется, вам неплохо это удалось.

— Я понял, что Система, созданная Землей и Кэзо, может быть уничтожена лишь в том случае, если одна из сторон обманывает другую с самого начала, пытаясь взять контроль над родным миром в свои руки…

Генри встревожило безразличие короля. Тот изогнул свои щупальца так, словно зевнул.

— И все это в то время, когда вражеский флот нацелен на планету и постоянно держит ее под контролем?

— Флот не станет вмешиваться, пока его представители осуществляют номинальный контроль. И наверняка есть пути заполучить контроль реальный. Например, с помощью хорошо функционирующего тайного правительства, — Генри задумался над тем, как же расшевелить короля. — Но ваш план все равно не сработает.

— Пока мы не намерены раскрывать наши секреты и не станем лишать вас иллюзии того, что наш план плох.

Генри определенно не везло: король не клюнул ни на одну из приманок, которые он закидывал. Но он упорно продолжал:

— Я не верю в то, что у вас в запасе есть тайные жилища, заполненные опытными бойцами и саботажниками. Вы должны иметь в своем резерве что-то особенное.

— Странно, но то же самое я думал о вас.

— Я могу вам раскрыть свои резервы в обмен на ваши.

— Галантное, но бессмысленное предложение, — последовал ответ.

Король Брф оказался искусным дипломатом. Генри понял, что терпит жестокое поражение, и сделал последнюю попытку:

— Не уверен, что вы правильно оцениваете обстановку. Вожди жилищ, поняв, что они преданы, сообщат земному правительству о случившемся. Применив новейшие средства, люди обнаружат ваше убежище. И тогда, вооруженные искусственными присосками…

— Ваши идеи становятся неудачными. Я думаю, вы сумеете подсчитать, сколько времени уйдет на все это, и можете начинать отсчет. А когда придет последний срок, вы поймете, что ошиблись, — он повращал локтями. — Отведите пришельца в тюрьму.

Но как твердо убежден Брф в своей правоте! Никакого допроса. Казалось, ему наплевать на любые угрозы Генри. Выжил он из ума? Или его поступки диктуются мощной логикой и предвидением событий?

Генри отвели в небольшую камеру. Тут были вода, свет и даже несколько юнских книг. Он растянулся на кушетке. Должно быть, эта камера готовилась специально для него, ведь юне не используют кроватей: они спят, прицепившись к какому-нибудь высокому предмету. Это настораживало и напоминало приготовления Битула к приходу убийцы.

Генри взял какую-то книгу и попытался вникнуть в ее

содержание. Это не удалось ему.

В камере, помимо всего прочего, он обнаружил чистую белую бумагу и тонкие перья, употребляемые юне для письма. Пальцы Генри были мало приспособлены для использования юнских письменных принадлежностей, но все же ему удалось написать несколько строк.

> «Дорогая Сирена.
>
> Я нахожусь сейчас в гостеприимном дворце старого короля Брф — бывшего полновластного монарха Юне и умного собеседника. Он, кажется, не хочет ни пытать меня, ни использовать. Странный каприз. Благоразумный человек приспосабливается к миру, как говорится в „Справочнике революционера“, неблагоразумный же упорствует в своем стремлении приспособить мир к себе.
>
> Поэтому прогресс зависит от неблагоразумных людей.
>
> Я, как ты знаешь, неблагоразумен. И подозреваю, что король еще неблагоразумнее».

Какое же оружие столь могущественно, что может сразу обеспечить полную победу монархии юне? И столь искусно, что ни один пришелец не может обнаружить его?..

Вот оно! Обращение к Сирене помогло поймать ему нужную мысль, которую он едва не упустил. План! У Брф наверняка есть план!

К решетке подошел стражник.

— Ну что? — спросил он по-английски.

Юне не знали земного языка. Это был кэзский разведчик Наксто, каким-то образом сумевший проникнуть во дворец.

— Пока ничего, — прошептал Генри. Наксто бесшумно отошел.

Козырным в колоде Генри было то, **что** Брф пытался утаить. Если силу Брф можно уничтожить только знанием одной информации, Наксто сделает это.

Что же придумал Брф? Он не боится вмешательства Победителей, значит, его план должен осуществиться раньше, чем правительство успеет вмешаться. Это можно сделать с помощью атомных бомб, но у короля не может их быть, Что же оставалось? Биологическая бомба?

Загадочный нерв и необъяснимые провалы в истории юне. И слово «мингх».

Все внезапно встало на свои места.

Глава 11

Генри отбросил неоконченное письмо.

— Стража!

— Что нужно?

Вопрос был задан по-юнски, это был уже не кэзо.

Генри принял решение. Конечно, было бы лучше подождать, пока не придет Наксто и поблизости никого не окажется. Но время будет потеряно, а он должен спешить.

— Скажите королю, что я знаю.

— Что знаете?

— Тайну завоеваний. Он поймет. Страж двинул локтями и удалился.

— Ну что?

Это снова был кэзо. Быстрая реакция!

— Я нашел ответ, и его надо передать Поро, прежде чем Брф начнет действовать. Это очень важно. Люди должны быть эвакуированы с планеты.

— Король сейчас в гареме. Стражник, если и найдет его, то нескоро. Откройте тайну мне, и я передам ее туда, куда нужно.

— Не так быстро, мой друг, — осторожно произнес Генри. — Я ведь не знаю, кто вы такой…

Кэзо снял одну присоску — под ней оказалась трехпалая голубая рука.

— … и лояльны ли вы, — закончил Генри. — Но прежде всего освободите меня.

Кэзо повозился над замком и открыл решетку.

— Что я могу сделать еще?

— Займите мое место, превратитесь в меня, а когда придет король, задержите его, насколько сможете. Потом используйте свое оружие и освободитесь. Вы можете скрыться среди них, а я нет. Особенно если они начнут за мной охотиться… Да, а как вы попали сюда?

— Я пошел за вами, а потом присоединился к отряду Тве. В экипаже я занимал место на последней педали. Но это пустячный риск по сравнению с тем, что предлагаете вы. Стоит ли он того?

— Я расскажу вам все, пока вы будете превращаться. Договорились?

— Наконец-то вы мне поверили!

— Дело в том, что у каждого юне есть особый нерв, обычно неиспользуемый, но необходимый для выживания вида. Когда война или другая опасность угрожает всему виду в целом, все личности телепатически объединяются в одном стремлении —

устранить опасность. Все остальное становится неважным. Даже смерть. Она не страшна, пока есть угроза. А когда та остается позади — все забывается мгновенно. Никто ничего не помнит. Они называют это «мингх» — необходимое. Непроизвольный видовой рефлекс но он делает свое дело.

Кэзо уже начал изменяться. Его передние конечности приняли вид человеческих рук. Чувствовалось, что он прошел хорошую школу. Генри знал: обыкновенному кэзо требуется немало времени, чтобы превратиться. Этому же потребовалось всего несколько минут. Кэзо был определенно талантлив, что как нельзя оказалось кстати: ведь от его способностей зависела жизнь Генри.

— Король Брф нашел способ контролировать этот рефлекс, — продолжал он. — И даже управлять им. Вызывать и подавлять его. Не будь так, он непременно сработал бы при покорении Юне. И тогда после приземления мы увидели бы массовое безумие и совершенное равнодушие к Смерти, вместо послушания, которое получили. Наука юне продвинулась далеко. Они заинтересовались провалами в своей истории, загадочным нервом — и нашли разгадку!

— Почему же король не возбудил этот рефлекс во время Завоевания? — спросил Наксто, нанося белую краску на зеленую кожу.

Присоски и маска со щупальцами уже лежали в стороне. Кэзо начал одеваться в передаваемую ему Генри земную одежду.

— В этом случае они добились бы лишь уничтожения

Планеты, — ответил Генри. — В космосе рефлекс бесполезен. Нет, они должны были смешаться с нами, внедрить своих агентов на наши корабли, ввести их в состав правительства. И как конечный результат — контроль над всем межпланетным миром.

— Понимаю. Но до сих пор они вели себя неплохо. Ведь земляне пока здесь.

— Но теперь, используя свою власть, король приведет рефлекс в действие. При этом будет неважно, что юне делал до сих пор и на чьей он стороне. Перед рефлексом все будут равны. Он подавит все чувства и желания, кроме одного. Каждый юне будет стремиться лишь устранить врага — и тогда на арену выйдет король Брф и начнется новый исторический период после очередного провала в истории юне.

— Это многое объясняет, — согласился Наксто. — Но как он это сделает?

— Может быть, нам удастся выяснить это. И тогда мы предотвратим катастрофу… Но вы не очень-то на меня похожи. Ниже ростом и лицо желтоватое.

— А когда вы видели свое в последний раз? — ехидно спросил кэзо.

Генри поднял руку, и кэзо повторил движение, отрабатывая навыки…

— Ну, вам виднее. Теперь я сматываюсь, а вы…

— Что за странная картина — два землянина вместо одного! — внезапно раздался позади голос. Это был король.

Через открытую дверь Генри, недолго думая, ринулся на короля и его четырех телохранителей. Дорогу ему преградили две пики. Но юне недооценил скорость реакции человека: Генри схватил опускающиеся наконечники пик и рванул их. Это оказалось бесполезно: он забыл о прочности присосок. Два других стражника уже атаковали его.

Над головой Генри пронесся луч бластера и срезал щупальца одному из нападающих — у Наксто оказалось более современное оружие. Генри выпустил пики и врезал ногой по животу другого стражника. Тот охнул и рухнул на пол. Тело юне очень чувствительно к ударам.

Король повернулся, чтобы уйти. Сейчас он позовет на помощь, подумал Генри. Надо было остановить его, но между ним и Брф находились два стража.

— Остановите его! — крикнул он кэзо.

Кэзо тоже понял опасность. Снова, как яркая молния, сверкнул луч. Он ударил в лицо королю, и тот, не издав ни звука, упал.

Генри бросился на стражей, ожидая яростного сопротивления. Но, лишившись вождя, они не двигались, потрясенные происшедшим.

— Черт! — выругался Наксто. — Боюсь, что я убил его.

— Ничего Не поделаешь, — отозвался Генри с сожалением.

Брф был очень умен, хотя и во Многом ошибался. Он перехитрил бы обоих пришельцев, если бы не бластер кэзо. Генри обратил внимание, что оружие это сделано из пластика — его нельзя было обнаружить детектором.

— Гибель короля может послужить началом мингх, — сказал Наксто.

— Не думаю. Короли умирали и раньше. Кроме того, о смерти Брф не знает никто, кроме вот этих двух стражей. Чтобы сохранить тайну, он не взял с собой никого из Приближенных.

— Он мог бы не беспокоиться: кто из них понимает по-английски?

— Мы могли бы говорить и по-юнски.

— Тайной не мог владеть только один юне. Одному Брф не под силу подавить рефлекс в одиннадцати биллионах особей. Его

нервная система просто сгорела бы. Это значит, что существует целая группа юне…

— Вроде короля и его свиты, — улыбнулся Генри. — Нет, он вынужден был хранить тайну один. Иначе она грозила распространиться со скоростью света. Скорее всего, существует усилитель, способный охватить рефлексом всю планету или же полностью подавить его. Искусственное телепатическое поле…

— Допустим, такой усилитель есть. Но как определить, где он?

— Выясним это — выясним все.

— Вы предлагаете что-нибудь конкретное?

Генри задумался. В его голове созревал невероятный замысел.

— Да! — наконец решительно сказал он. — Мы должны проникнуть во владения короля. Только там может быть скрыта тайна.

— Легко сказать — проникнуть. Но как?

— Очень просто. С помощью короля.

— Но ведь он…

— Он умер? Король умер — да здравствует король! Этим королем станете вы. А я — вашим пленником.

Кэзо на целую минуту потерял дар речи. А когда обрел его снова, то спросил:

— А как же свита и приближенные? Ведь они хорошо знают Брф. Я не смогу превратиться на все сто процентов…

— Они не в праве выражать какие-то сомнения на его счет. Даже если им что-то покажется не так. Кроме того, когда мы с вами объявимся там, они будут больше смотреть на меня, чем на вас — ведь я пришелец. Если немного повезет, нам удастся раскрыть тайну раньше, чем раскроют нас… Однако прежде всего необходимо избавиться от тела короля и заставить молчать его стражу.

— У меня есть бомба. Это отвлечет их на два или три часа. Я могу сказать, что вы пытались бежать с ее помощью.

— Неплохо, — сказал Генри. И тут его взгляд упал на стражей. — С ними что-то неладно!

Двое юне беспомощно ползали по камере, часто хватаясь за головы. Они бились о стены, казалось, совершенно не замечая этого. Один взобрался на стену, упал и снова полез вверх.

— Они заболели? — спросил Наксто, — Никогда прежде не видел у них такого…

— Не думаю, что они больны. Они в трансе. Что-то беспокоит их. Но что?

— Они видели все, что мы сделали тут, и если они поняли…

— Великий Боже! — Генри стукнул себя кулаком по лбу. — Мы кажемся им угрозой выживанию вида, убили их короля… И как я раньше не догадался! Это — рефлекс!!

— Но то, что они делают, бессмысленно!

— Это только начало. К тому же ими сейчас никто не руководит. Им не на что ориентироваться. Но скоро рефлекс охватит их всех, а мы окажемся в саном его эпицентре!

— Значит, мы сами возбудили этот рефлекс? Все, что мы можем сделать, это бежать и скрыться, прежде чем они уничтожат нас.

— Нет. Мингх распространяется по планете, как чума. Он уничтожит все, и нашу Систему тоже. Мы должны остановить мингх. Только мы можем это сделать.

— Вы правы. Начавшись, мингх охватит планету за несколько часов. Но Брф умеет подавлять его и где-то приготовил для себя надежное убежище.

— Теперь ясно, что надо делать. Мы должны попробовать остановить это. Чем скорее мы найдем способ, тем больше шансов на выигрыш. И чтобы мингх не распространился еще быстрее, надо заставить замолчать этих двоих.

— Да, — ответил Наксто и сделал это. — Теперь вам необходимо скрыться. Я бы не хотел убедиться в том, что ваш вид может возбудить мингх. Мне придется заняться поисками усилителя одному. Когда они обнаружат, что король убит, они пустят его в ход, и все пропало! А если мне удастся обмануть их, то у нас появится шанс благополучно выбраться из западни и предупредить земное правительство

— И все-таки пока их слишком мало. Не лучше ли совершить диверсию?

— Ни к чему. Если рефлекс сработал, это не поможет. Если же нет, то мы сумеем выбраться.

— Вы правы. Но все же почему у них нет ориентации? Может быть, она задается им какой-нибудь доминирующей личностью? Например, королем? Тогда…

— Скоро будет новый король. Поторопитесь!

— Ладно, я исчезаю. Если сумею.

Генри хорошо помнил, где находится воздушный люк, и почти бегом направился к нему. Стража, конечно, может создать кое-какие трудности, но внезапность появления сыграет ему на руку.

Он все еще думал над загадкой и многое не понимал в мингх. Его можно контролировать, но только в том случае, если рефлекс сработал недавно. Кроме того, все происходит очень естественно. Может быть, так оно и есть? Существует ли усилитель на самом

деле, или он только плод его воображения?

Генри достиг главного входа, сумев благополучно избежать нежелательных встреч. Дворец, должно быть, хорошо охраняется, а у него нет оружия. Стражу рефлекс, по всей видимости, не охватил. Одного или двоих он мог бы нейтрализовать. С тремя и четырьмя с трудом, но справился бы. Однако здесь было шестеро.

Генри отпрянул и скрылся в темноте туннеля. Он уже достаточно погеройствовал. Ведь рисковал он не только своей жизнью, но и будущим трех миров. И до сих пор не был уверен, что раскрыл секрет мингх.

Состояние транса не распространилось на стражу у ворот. Можно ли сделать контролируемым так медленно распространяющийся процесс?

Генри повернул назад. Он не мог уйти отсюда, это было выше его сил. Пусть Наксто считает, что он ушел — тогда, если того схватят юне, они не узнают правду. Генри не мог не продолжать поиски. Если кэзо сумеет оседлать мингх — очень хорошо. Но если предположения Генри верны, он сам оседлает его.

Тьма сгустилась.

Один из стражей все-таки заметил его. Генри попятился, споткнулся и упал.

— Стой! — крикнул страж, вскакивая на потолок. — Кто ты? Стой, тебе говорят!

Как бы не так! Генри нашел боковой туннель и быстро нырнул в него.

Коридор заполнился галдящими стражниками. Генри знал, что они попытаются блокировать район, перекрыв все возможные выходы. А их было не так уж много — это не лабиринт. Стража может еще не знать о подмене короля, но она уже знает, что пленник на свободе. Правда, не похоже, что ему придется долго наслаждаться ею…

Если удастся найти такой коридор, где он может выпрямиться во весь рост, то возможно, он сумеет избежать немедленного плена.

Туннель резко пошел вверх. Это было несущественно для юне, но никуда не годилось для человека. Генри ринулся на стену, но неудачно: рукам не за что было ухватиться. Он рухнул вниз и упал на стража. Юне, совершенно не ожидавший сюрпризов сверху, растерялся. Генри оттолкнул его и помчался дальше.

Он свернул в другой туннель, тот вывел его в большой коридор, где было намного свободнее и светлее. Скорее всего, он вел в чьи-то апартаменты.

Появились три юне.

— Рррр! — рявкнул на них Генри, й это ошеломило их.

Он ударил одного, оттолкнул другого, свалил третьего. В руках его оказалось трофейное оружие — нечто вроде рогатки, стреляющей иглами, которые запросто могли проткнуть раструбы присосок.

Его положение Заметно улучшилось. Теперь юне не знали, где он находится, и их поиски стали бессистемными. Это преимущество следовало использовать для решения главной задачи.

Где можно долго и надежно скрывать тайну? Тронный зал? Слишком примитивно, к тому же Наксто наверняка проверил его. Скорее всего, Брф держал свой секрет как можно ближе к себе. Потайной ход? Его трудно скрыть в таких обстоятельствах. Где король пребывает, как правило, в относительном одиночестве? Туалетная комната? Нет, случайно может наткнуться прислуга. Кабинет? Отпадает тоже — там часто бывают чиновники.

Озарение пришло внезапно.

Гарем — вот где!

У всех королей есть гаремы, явные или тайные. Там был король перед тем как придти к Генри. Другим мужчинам туда хода не было.

Но как его найти? Вход в гарем должен находиться где-то возле тронного зала. И конечно, он хорошо охраняется. Если Генри не сумел пройти через главный вход то в гарем ему тем более не попасть. Если бы помог кэзо…

Он свернул за угол. Коридор вывел его в комнату, полную юне. Все они повернулись к нему — и Генри явственно ощутил излучаемую ими ненависть. Внезапно все юне пришли в движение. Один из них шагнул к нему, за ним последовали остальные.

Мингх! Он охватил их так же, как тогда стражей. Но теперь между мингхом и Генри не было решетки.

Он побежал, увлекая за собой толпу юне. Свернув в очередной проход, Генри вбежал прямо в тронный зал.

И оказался лицом к лицу с королем. «Наксто!» — с облегчением Подумал он.

— Так вы решили сдаться, пришелец? — произнес подставной король. — Я ожидал от вас большего.

По спине Генри пробежал неприятный холодок. Кэзо был так похож на настоящего короля! Но, разумеется, он сказал так, чтобы успокоить юне.

Безумствующая толпа остановилась у входа. И, как ни странно, остановили ее скрещенные пики стражей. Что-то в этом было не так…

Если мингх начал распространяться повсюду, то почему стража не охвачена им? Рефлекс не может действовать столь избирательно. И почему преследователи подчинились?

— Я лично допрошу — его, — сказал король.

— Но ваше величество… — попытался возразить невесть откуда взявшийся чиновник.

Легким движением локтей кэзо отверг возражение.

— Если бы пришелец хотел причинить мне вред, он сделал бы это из засады. Скорее всего, он просто признал себя побежденным. — Король встал. — За мной, Победитель! — и при этом саркастически улыбнулся.

Генри повиновался.

— Вблизи трона ничего нет, — прошептал Наксто по-английски, когда они вышли из тронного зала. — Я обыскал туалетную комнату, гарем, нечто вроде тюрьмы, клетку с драконом… Но никакого оборудования нигде нет.

— Я думаю, — сказал Генри, — что это все-таки гарем.

— О, действительно! Вряд ли станут беспокоить старого проказника, когда он с молодой красоткой.

— Но почему стража не подвержена рефлексу?

— Не знаю. Но я заметил у них шрамы. Возможно, они оперированы и у них нет нерва, реагирующего на этот рефлекс. Я бы на месте короля поступил именно так.

Ну конечно! Король, стража, охраняющая главный вход и прочие важные точки, не должны реагировать на мингх. Вырезав нерв, можно добиться этого. Очевидная предосторожность…

Но что-то беспокоило Генри. Что-то неуловимое, чему он пока не мог найти названия…

Впереди послышался рев, они находились возле огромной клетки, перегораживающей коридор. В ней сидел ррвр.

— И не надо никакой охраны! — сказал Наксто.

Он закрыл за собой решетку, и они пошли дальше, а ррвр сопровождал их вдоль стенки клетки. На другом конце

Наксто закрыл следующую решетчатую дверь, которая вела в длинный узкий отрезок коридора, словно в галерею вдоль клетки. Затем кэзо толкнул колесо, к которое были прикреплены диски для присосок, как спицы К земному колесу. Оно повернулось, и передняя стенка клетки медленно надвинулась на галерею. Вся система двигалась на колесах. Вскоре клетка полностью поглотила проход. Отсюда не было выхода, кроме как через клетку, но в ней сидел ррвр.

— Управлять ею можно лишь с одного конца, — сказал Наксто. — Я рад, что понял этот механизм. Здесь никто не посмеет беспокоить старого Брф.

— Жаль, что я не узнал его получше, — сказал Генри. — Мне понравился его ум. _

— Но он был врагом. Нельзя же позволить ему осуществить мечту об Империи трех планет. Он был слишком умен, чтобы жить.

— Последний раз я слышал это рассуждение, — медленно произнес Генри, — когда мы говорили с кэзо, Властителем Земли.

— Вы, земляне, к сожалению, верите в то, что результаты действия разумных существ гуманны по своей сути.

— Да, — вздохнул Генри. — Опасно быть наивным, если к тому же ты еще глуп. Но я хотя бы признаю опасность.

— Вы не глупы.

— Нет? Это зависит от того, с какой точки зрения смотреть. Вы знаете, что мне нравится женщина-кэзо?

— Как человек, вы имеете в виду? Это возможно.

— Как женщина.

— Ладно, давайте подождем, пока мы не придем в гарем. Может быть, вам понравится женщина-юне?

Генри рассмеялся, хотя кэзо и был чересчур дерзок. Они подошли к тюрьме. В камере неподвижно лежало с полдюжины юне,

— Они, вероятно, отравлены, — Генри покачал головой. — Юне никогда не теряют контроль над присосками в обычных условиях. Даже если без сознания.

— Они все равно не могут убежать — их охраняет решетка и ррвр. Зачем же их было отравлять?

— Потому что они особо чувствительны! — воскликнул Генри. — Это юне, которые распространяют мингх! Брф просто вынужден держать их в бессознательном состоянии, только так он сможет сдерживать распространение рефлекса.

— Вы хотите сказать, что я прошел мимо, разыскивая машину, а не… Но они не могут быть единственными «чувствительными» юне на планете!

— В данный момент — могут. Король выследил и убил остальных, как раз перед завоеванием юне. Со временем подрастут новые, но сейчас остались только эти. Если они потребуются ему, их достаточно тлько привести в чувство.

— Да, теперь ясно. Поэтому рефлекс и распространяется так медленно. Но через несколько часов эти юне будут готовы к действию…

— И тогда мингх не остановить! — закончил Генри. — Я не знаю, насколько велика их роль, но подозреваю, что они могут распространить мингх со скоростью лесного пожара.

— Но мы же знаем теперь механизм!

— Да. Но не знаем, как его контролировать. А это важнее.

— Контролировать неконтролируемое?

— Сам, факт существования мингх еще не несет угрозу, — сказал Генри, напряженно думая. — Все дело в том, как применить его. Если мингх предназначен для выживания вида — это одно. Во всех других случаях он может использоваться только во вред, как и хотят его использовать сейчас.

— Во вред? Почему же юне не имеют права использовать его для усиления своей власти, если хотят сделать это?

Генри хмуро посмотрел на него. Слабое вначале подозрение усиливалось. Теперь он, кажется, понимал, почему стражи, охранявшие **того** Брф, который шел к нему в камеру, были охвачены мингх, и почему не охвачена **эта** стража.

— Да потому, что в данном случае это было бы против интересов вида! Система дележки пирога спасла юне от единственной угрозы, против которой мингх был бессилен — гибели цивилизации и истощения ресурсов.

— Сознайтесь честно: если бы вы были юне, вы приняли бы этот тезис?

— Всегда считал ошибкой скрывать сущность Системы от населения, а теперь окончательно убедился в этом. Непросвещенный юне не может принять этот тезис.

— Сомневаюсь, что и просвещенный может.

— Вот в этом мы с вами расходимся, — улыбнулся Генри.

Глава 12

Они подошли к цели своего путешествия — богато обставленной комнате.

— Королевский гарем, — сказал кэзо.

Здесь была только одна женщина — очень молодая и, несомненно, привлекательная для юне.

— О! — испуганно вскрикнула она, увидев Генри. — Кто это?

— Я как-нибудь справлюсь с этим, — сказал по-английски мнимый монарх, обращаясь к Генри, и перешел на юнский:

— Вие, это разумное существо с другой планеты — Земли. Его зовут Генри. Он пришел поговорить с тобой.

— Господин, — сказала Вие, — должна ли я говорить с ним? Я боюсь и плохо себя чувствую…

— Должна? — спросил по-английски Брф у Генри.

— Да, — твердо ответил тот.

— Дорогая, у него очень важное дело. Я знаю, что ты плохо себя чувствуешь, но ты должна остаться.

— Хорошо, господин, — печально сказала она, соглашаясь.

— Сначала я должен рассказать вам… — начал Генри, но остановился. — Однако мне кажется, что я пугаю вас, поэтому вам лучше не смотреть на меня.

— Да, — прошептала она, отворачиваясь. — Господин, вы останетесь со мной? Я чувствую себя в безопасности только рядом с вами.

— Конечно, дорогая.

— Вы слышали когда-нибудь о землянах? — спросил

Генри.

— До этой встречи — нет.

— Вы знали о каком-нибудь третьем мире?

— Нет.

— Тогда мне многое придется рассказать вам.

Она не знала ровным счетом ничего, и Генри понял — почему. В общих чертах он объяснил ей ситуацию.

— Неужели все это правда? — ужаснулась она. Брф утвердительно похлопал присосками.

— Да, Вие…

— Мне так плохо…

И Генри поверил ей: ведь она ощущала все напряжение охваченной мингх толпы в тронном зале. Но он все же продолжал:

— То, что я вам рассказал — это всего лишь, часть истории, Вие. То, что знает большинство Юне. На самом деле завоевание

вашей планеты мнимое, — и он объяснил ей, в чем заключается Система «дележки пирога».

— Не понимаю.

— Это неважно. Просто примите факт таким, какой он есть, Я попробую объяснить вам, в чем заключается ваша роль…

Но ей прямо на глазах становилось все хуже. Ее тело периодически вздрагивало, щупальца извивались, присоски обмякли, дыхание участилось.

— Пожалуйста, — жалобно произнесла девушка, — позвольте мне уйти…

— Отсюда некуда идти, Вие, — сказал Брф, глядя поверх ее поникшей головы на Генри. — Возможно, это объяснение займет всего несколько минут… К тому же у нас нет выхода. Придется остаться здесь. Генри кивнул.

— Я вооружен, вы тоже. Не лучше ли подождать, пока ей не станет лучше?

— Ваш знаменитый отец адмирал Генри встретился однажды на корабле с кэзским шпионом. Он подозревал его, но не стал разоблачать, даже когда убедился в правильности подозрения, а предложил сделку. Эта сделка определила будущее человечества, и не только его.

— Вы знаете об этом больше, чем я, — заметил Генри.

— Такая у меня работа.

— И вы считаете, что сейчас аналогичная ситуация?

— Мне кажется — да. Понимаете теперь, почему я спас вас?

— Потому что у вас всегда была свобода выбора. Благодаря этому вы создали подпольное правительство и получили контроль над мингх.

— Если вы это знаете, то не станете пускать в ход рогатку.

— Если бы я считал, что вы творите зло, **король Брф**, то применил бы ее. Но я…

— …но вы, подобно вашему отцу, предпочитаете дипломатию насилию.

— Да, как и он, я ненавижу насилие. Приношу свои извинения за смерть вашего двойника.

— Он не умер, просто ослеп. Я позабочусь о нем. Но как вы догадались, что он не настоящий король?

— Благодаря его страже, чувствительной к мингх.

— Вот как! Ваш сообщник кэзо тоже жив. Так что пока все идет хорошо.

Генри с облегчением рассмеялся.

— Король, сознайтесь, что даже с вашей проницательностью вы не могли предвидеть все эти события, а тем более приспособить их к своим целям, хотя они и стали пунктами

великолепного плана.

— У меня хорошие помощники… Но вы всегда были в центре, Ричард Генри — умный человек с храброй душой, способный постичь истину, пока не стало поздно.

— То же самое я думаю и о вас. Чувствую, что моя миссия была излишней.

— Напротив. Я сужу, как Битул.

Генри уже перестал удивляться осведомленности Брф. Королю потребовалось немало усилий, чтобы в совершенстве овладеть английским и разобраться в Системе «дележки пирога». Любые тонкие детали не представляли для него особого труда. Он не был тупым и невежественным$7

— Битул знал больше меня.

— Правильно, — согласился Брф. — А теперь послушаем Вие. Она никогда не была моей заложницей, я берег ее для этого момента.

Девушка-юне совершенно преобразилась. Она превозмогла болезнь тела и духа и теперь выглядела, как королева.

— Тот, кто вызывает мингх, не сознает его силы, — сказала Вие. — Я слушаю вас. Чего вы хотите?

Первым заговорил Брф:

— Я хочу, чтобы пришельцы убрались с Юне, а моя Империя распространилась на Кэзо и Землю.

Настала очередь Генри.

— Я хочу, чтобы обмен правительствами сохранился в неприкосновенности.

Вие повернулась к королю.

— Ваша просьба не будет удовлетворена. Брф наклонил голову.

— Так я и знал.

Она повернулась к Генри.

— Ваша тоже.

Они с удивлением уставились на нее.

— Как это понимать?

— В каждом желании есть необходимые элементы. Как временная мера, функционирующая сейчас Система должна сохраниться. Но на этой базе должна быть основана новая система — Империя.

— Империя и Система **вместе?** — воскликнул Генри. — Но они исключают друг друга!

— Позовите кэзо! — сказала вдруг Вие. — Быстрее!

— Это невозможно, — ответил Генри. — Мингх усиливается. Поэтому вы и чувствуете себя так плохо. Начались массовые убийства…

Вие молчала.

— Дело в том, — сказал король, — что она — контролер. Единственный, который уцелел. Если с ней что-нибудь случится, все пропало. А мингх должен управляться!

— Но в каких целях?

— Терпение, юноша. Я понимаю в этом не больше вас. Нам надо действовать. Идемте.

Они пошли назад. «Заключенные-чувствительные» начали проявлять признаки отрезвления и сами попали под действие мингх. Одни сидели и раскачивали головами из стороны в сторону, другие ползали по камере.

— Пока они живы, мингх продолжается, — объяснил Брф. — Сейчас Вие удерживает контроль над ними. И нельзя допустить, чтобы она его утратила. Мне потребовалось много лет, чтобы выловить всех «чувствительных». Иначе иноземное нашествие или любая катастрофа могли бы возбудить рефлекс.

— А если бы за это время появился другой контролер?

— Это единственная опасность. Тогда контроль осуществлялся бы на основе неполной или ошибочной информации.

— Согласен. Хорошо, что мы вовремя сообщили ей всю правду.

Они подошли к клетке с ррвр.

— Да, хорошо. Королю не следует упускать такие возможности. Я мог бы снова напоить «чувствительных» и сам рассказать все Вие. Но без живого свидетеля, подтверждающего правдивость моих слов, я мог бы ее не убедить. И в этом крылась новая опасность…

Король покрутил колесо.

— Оставайтесь здесь и закройте за мной проход. Безопасность контролера превыше всего. Берегите ее, как свою сестру-кэзо.

— Но снаружи свирепствует мингх! Вы уверены, что сумеете привести Накcто?

— Уверен. Ждите меня и будьте настороже: когда приходит мингх, моя власть ничего не значит.

Проход открылся, и король ушел. Генри принялся разглядывать ррвр. В том было не меньше тысячи фунтов веса. Щупальца — от шести до восьми дюймов длиной — несомненно могли удержать любую добычу. И огромные саблевидные клыки. Тело дракона было защищено чешуйчатым панцирем…

— Пришелец!

Генри испуганно оглянулся и увидел за собой неслышно подошедшую Вие.

— Вам не следует здесь находиться, контролер.

Вместо ответа девушка просунула одну присоску сквозь прутья клетки. Рррр насторожился и попятился, как бы отступая перед более грозной силой,

— Скоро здесь будет очень опасно, — сказала она. — Произойдет нечто ужасное, чего еще не знал вид. На всей планете юне будут убивать друг друга.

— А люди?

— Они уцелеют.

— Значит, вы поддерживаете Систему?

— И Империю тоже. Когда кончится эта ночь, многие юне исчезнут, останется всего два биллиона. Пришельцам больше не потребуется убивать, им легче будет управлять планетой. Юне станет членом Системы.

— Мингх может все это сделать! — удивился Генри. — Я не думал…

— Мингх может все! Он может решить любую задачу, поставленную мозгом. Надо только доказать, что это необходимо.

Генри покачал головой.

— Такая резня! Трудно поверить…

— Мингх — не вера. Это сила.

— Но чего же вы хотите от меня взамен? Королева думала только одно мгновение.

— Когда кончится мингх, я хочу улететь на планету Кэзо.

Генри задумался. Вие по своей природе вряд ли могла работать на Кэзо, но и на Юне она была бы слишком заметна: многие оперированные туземцы будут помнить ее прошлое. Никогда раньше юне не помнили времени мингх (провалы в истории!) Теперь же и это изменилось. На всей планете для нее не найдется места, ее присоски будут обагрены кровью миллионов сограждан (хотя и по необходимости). Генри пришел к выводу, что ее требование справедливо. И чего стоит ее переселение по сравнению с тем количеством людей и энергии, которое высвободится в результате совершенной ею резни!

— Пусть будет так! — сказал он, уверенный, что правительство согласится с ним.

Вие вернулась в комнату, а Генри остался у решетки, от души радуясь тому, что между ним и нарождающимся хаосом стоит рррр.

Внезапно послышался отдаленный гул. Зверь насторожился. Взявшись за колесо, Генри слегка сдвинул стену.

Шум усиливался. Генри решил еще раз повернуть колесо. Но оно застряло.

Он нажал сильнее — результат был столь же плачевен. Что-то

сильно мешало движению.

Что это было, он понял, когда взглянул на ррвр. Зверь припаял свои присоски к скользящему блоку и остановил его.

Случайность?

— Рррвррр, — прорычал дракон. Перед клеткой появились Наксто и Брф.

Генри еще раз нажал на колесо. Бесполезно. А шум нарастал.

— Откройте нам! — крикнул король. — Они там все обезумели. Мои стражники сдерживают их, но…

— Зверь не дает открыть ворота!

— Он никогда не делал этого раньше.

— Может быть, раньше его лучше кормили?

— Дьявол! Мы можем не успеть!

Юне бежали по коридору, никем и ничем не сдерживаемые. Обезумев, они бросались на все, что двигалось.

Генри вынул рогатку. Сейчас он проткнет присоски зверя и освободит блок.

— Нет! — крикнул Брф. — Мингх страшнее, чем зверь. Мы пройдем через клетку!

И он открыл в нее дверцу.

Генри не решался стрелять: раненый ррвр опаснее голодного.

Одним прыжком ррвр оказался возле открытой дверцы и, опрокинув короля и Наксто, выскочил наружу и ринулся навстречу толпе. Было ли это проявлением привязанности к королю, которого он узнал, или же просто охотой на ближайшую добычу?

Генри зачарованно следил за разыгрывающейся перед ним схваткой. Вот щупальца зверя схватили одного юне и шмякнули о стену, другому оторвали руку… Причина такого поведения объяснялась просто. Зверь слишком проголодался и теперь растерялся от обилия добычи. То, что он не пускал колесо, казалось хитростью — неужели ррвр был так умен? Казалось, зверь терпеливо ждал возможности бежать. В обычных условиях такая штука бы не сработала, но теперь, когда сумасшедшая толпа угрожала королю…

Брф и Наксто подбежали к Генри.

— Я думаю, ррвр гораздо умнее, чем вы считаете, — сказал Генри, закрывая за ними дверь. — Может быть, на него подействовал мингх…

— Для него было бы умнее остаться в клетке, — прошептал Брф. — Входную дверь я оставил открытой, чтобы у ррвр было больше пространства, но эту надо закрыть.

Он взял огромный юнский замок и закрыл вторую дверь. Еще с минуту они наблюдали за битвой. А перевес в ней перешел к

толпе. Рррр не мог двигаться свободно в замкнутом пространстве, а юне, казалось, совершенно не чувствовали боли от ужасных ран, которые им наносили клыки зверя.

Толпа уверенно теснила зверя назад. Расположившиеся на полу, стенах, потолке, юне присасывались к зверю, где только могли. Когда он отступал, они тянулись за ним. Рррр сражался отчаянно. До него наконец дошло, что это не обычная кормежка, а борьба за жизнь. Могучие челюсти перекусывали одно тело за другим, наваливая груды трупов. Зеленая кровь текла рекой по наклонному полу. Но, одержимые мингх, юне продолжали атаковать его.

Генри попытался представить на месте рррр землянина с бластером. Исход был бы тот же — оружие не могло стрелять бесконечно, Да, мингх был великой силой.

— Идемте, — сказал Брф, направляясь к комнате Вие. Генри, увлеченный грандиозным зрелищем, нехотя последовал за ним.

— Здесь есть другие выходы? — встревоженно спросил Накcто.

Он все еще сохранял облик юне, но на теле уже проступали белые и голубые пятна.

— Нет, — ответил Брф. — Это наше самое надежное убежище. Мы видим сейчас то, что происходит на всей планете, только в гораздо больших масштабах.

Они вернулись в комнату Вие.

— Империя и Система по отдельности вредны, — сказала она, как будто разговор не прерывался. — Но вместе они составят большую работоспособную Систему. Вы сами должны создать ее. Юне, Земля и Кэзо — комитет трех.

— Кажется, я что-то пропустил, — недоуменно произнес Накcто.

Вие не обратила не его слова внимания и продолжала:

— Вы трое, представители разных миров, должны учредить Комитет для наблюдения за правильностью функционирования Системы «дележки пирога». Когда придет время устранить эту Систему, а это произойдет в течение ближайшего десятилетия, вы создадите Империю. Так вы сохраните свои миры от большей беды.

Все трое заговорили разом:

— От большей беды? — спросил Брф.

— Как мы поверим… — начал Накcто.

— У нас нет власти, — сказал Генри.

Они замолчали. Что толку спорить? Если то, о чем она говорит, имеет смысл, то обсуждать нечего. Если нет, то решение можно принять позже.

— Мы должны избрать членов комитета, которым можно полностью доверять, — сказал Брф. — Я знаю некоторых юне…

— Нет, — твердо сказала Вие. — Каждый член Комитета должен быть избран представителями других двух видов. Вы будете первыми, потом можно избрать еще трех и так далее, пока не отпадет необходимость в этом.

— И все-таки Система «дележки»! — удовлетворенно воскликнул Генри. — Разделение интересов:..

Он остановился, напряженно вслушиваясь. Снизу доносились какие-то дребезжащие звуки.

— Я должна работать, — сказала Вие. — Разбудите меня, если возникнет чрезвычайная опасность.

И она погрузилась в транс.

— Они атакуют вторые ворота! — воскликнул Генри. — Мингх одолел ррвра.

— Тогда лучше пойти туда и защищать эти ворота, — сказал Наксто, сбрасывая присоски и маску. — Если ррвр не мог остановить их, попытаемся мы.

Дракон был еще жив, но перестал сопротивляться. Клетку заполнила обезумевшая толпа. Юне напирали на решетку — это она дребезжала от их напора — и не обращали ни малейшего внимания на впивающиеся в их тела шипы. Зеленые трупы устилали пол. У многих было оружие: тяжелые шары для метания, игольные рогатки, пики. Ррвр истекал кровью от множества ран и не способен был сражаться.

У короля задрожали щупальца.

— Какой бесславный конец для благородного животного! Несколько юне возились у двери в тщетных попытках ее открыть. Они били по ней, толкали изо всех сил. Решетка трещала, но держалась.

— Мы не должны применять оружие до последнего момента, — сказал Генри, — Их слишком много. Но если у нас будут крепкие дубинки, мы сможем защитить дверь.

Брф поспешил в альков и принес оттуда металлические прутья. Было похоже, что он заранее предвидел потребность в них.

Наксто взял один прут. Брф положил свою присоску на плоский конец другого. Они принялись бить по присоскам, вцепившимся в решетку.

— Что касается членов Комитета, — сказал Наксто, сбивая одним ударом сразу две присоски, — то мне нравится этот революционер Поро. Я слышал кое-что из ваших разговоров с ним.

— А я предлагаю в члены Комитета женщину-кэзо Сирену.

Если, конечно, вы не сочтёте это легкомысленным.

— Хороший выбор! — одобрил Брф, — Она ваша приемная сестра, но благодаря этому мы знаем, чего она стоит. Я же предлагаю землянина Джонатана Теллера.

— Джона?

— Я не знаю, кто это, — сказал кэзо.

— Друг детства Генри, — объяснил король. — Его спас Битул, потому что он был сыном Победителя. Обычная политика этих правительств, но она принесла хорошие плоды. Победитель Теллер сейчас работает на Юне, он контрразведчик и причинил немало неприятностей моим агентам. Благодаря ему Генри оказался здесь.

— Не возражаю против него, — согласился Наксто. Обнаружив новый очаг сопротивления, юне стали еще агрессивней. Теперь уже множество щупалец хваталось за прутья, множество камней било по решетке, и невозможно было удержать всех, Помещение наполнилось чудовищным грохотом.

— Мне не очень хочется об этом говорить, — прокричал сквозь грохот Генри, — но мы составили Комитет из одних моих друзей. Вас не очень смущает это?

— Мы должны выбирать тех, кого хорошо знаем, — ответил Брф. — Неужели ваши друзья будут выступать против Системы, руководствуясь своими чувствами?

— Конечно, нет. Они… — он замолчал, услышав за спиной непонятный шум, едва различимый среди этого ада. Генри обернулся и, увидел множество новых юне. — «Чувствительные»! Они на свободе!

— Это я виноват, закрыл их на ненадежный замок, — сказал Брф. — Во что бы то ни стало их надо посадить обратно. Если они убьют контролера…

— Но если мы убьем их, мингх остановится. Что же делать?

— Мингх не должен остановиться, — согласился Брф. — Только сама Вие может положить ему конец, когда сочтет нужным.

Они отошли от двери и осторожно направились к «чувствительным». Четверо из них уже освобождались, еще двое были близки к этому. Освободившиеся, увидев пришельцев, с яростным воем, бросились на них.

Генри поднял прут. Сможет ли он защитить себя, не убивая? Или же «чувствительные» будут сражаться, пока не погибнут?

Первый юне приблизился и попытался схватить Генри за голову. Тот помнил, к чему привело это в схватке с Сиай, и отскочил в сторону. Затем он схватил юне за пояс и поднял в воздух, прежде чем тот успел присосаться к полу. Взвалив

пленника на плечи, он отнес его в камеру, бросил на пол и попытался снова закрыть замок.

Давление на решетку усиливалось. Без защиты она долго не продержится. Но прежде надо было покончить с «чувствительными». Если оставить дверь открытой, пленник убежит.

Через плечо Генри протянулась рука и прилипла к прутьям. Он рванулся назад, но юне успел прилипнуть и к полу. Как освободиться от его присосок?

Генри наступил на клапан. Под тяжестью тела твердый каблук придавил кожу, и присоска отстала. Он наступил на второй… «Чувствительный» стал ломиться в дверь. Генри приоткрыл ее и втолкнул его в камеру.

Итак двое уже за дверью.

Он оглянулся. Наксто лежал на полу под тяжестью двух тел. Генри понимал, что тому нужна помощь, но не мог оставить дверь. Где же Брф? Погиб или бежал?

Решетка рухнула, и вовнутрь ворвалась обезумевшая толпа. Генри прыгнул в соседнюю камеру и захлопнул за собой дверь. Замок был сломан, но он мог продержаться какое-то время.

И тут он вспомнил: надо защищать контролера! Он совершил ошибку, пытаясь выйти из игры. А теперь толпа заперла его…

Присоски тянулись к нему сквозь прутья решетки. В их раструбах были камни, окрашенные зеленой кровью…

Генри распахнул двери и, дико заорав, кинулся на толпу. Он надеялся хоть немного ошеломить ее, но безумцы потеряли способность чему-нибудь удивляться. На нем сразу же повисло множество зеленых тел. Генри отчаянно раздавал удары направо и налево. Все было напрасно. Он упал…

— Да, подумал он, мингх может осуществлять контроль над перенаселенностью. Но он, Генри, упустил свой шанс. Ни ему, ни кэзо уже не суждено участвовать ни в каких Комитетах…

Внезапно, словно по команде, все юне замерли. Они стояли оцепенев, с полузакрытыми глазами…

Затем все как один повернулись на сто восемьдесят градусов и побежали к клетке ррвр и дальше через нее. «Чувствительные» были среди них, освободиться сумели даже последние двое.

Генри с трудом встал и подошел к Наксто. Тот был жив, только потерял сознание.

Что же случилось? Почему все кончилось?

Из алькова появился старый король.

— Я разбудил Вие из-за чрезвычайной опасности. Мы не могли бы справиться с ними одни, Сейчас она снова занята контролем… — Он подошел к клетке, осторожно огибая зеленые

тела. — Надеюсь, мой бедный ррвр выживет…

Генри потряс головой. Когда-то он не мог представить себе, что мингх может справиться с восемьюдесятью процентами населения. Теперь, испытав его на себе, он не сомневался: так оно и будет.

Еще он не сомневался в том, что после этой ночи резни поднимется солнце Новой Эры.